

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ РАН
CENTRAL ECONOMICS AND MATHEMATICS INSTITUTE RAS

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

Н.А. Тарасова, Е.Ю. Фаерман,
И.А. Васильева, К.А. Фонтана

МОДЕЛИРОВАНИЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РФ И АНАЛИЗ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.

ЧАСТЬ 3. АНАЛИЗ ПАРАМЕТРОВ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Препринт # WP/2017/323

Москва
ЦЭМИ РАН
2017

УДК 331:364:338.268:519.763

ББК 65в6:65.012.2:65.240

T19

T19 **Тарасова Н.А., Фаерман Е.Ю., Васильева И.А., Фонтана К.А.** Моделирование финансирования социальной сферы РФ и анализ социальной политики. Часть 3. Анализ параметров социальной политики [Текст] / Препринт # WP/2017/323. – М.: ЦЭМИ РАН, 2017. – 91 с. (Рус.)

Настоящая работа продолжает общее изложение проблем моделирования финансирования социальной сферы РФ (с учетом его связей с производством), начатое в препринтах части 1 (Фаерман и др., 2015) и части 2 (Тарасова и др., 2016). В Части 1 была отражена социальная и экономическая структура социальной сферы России в расширенном понимании этой сферы (с учетом ее связей с производством) и рассмотрены социальные функции и роли, слоев и групп населения с квантификацией функциональной социальной структуры. В части 2 на основе семиотической методологии СМОД/СМОГ для обеспечения достоверности всех (в том числе скрываемых) показателей, освещалась реализация этих положений в многоуровневой информационно-аналитической системе НДП («Население, доходы, потребление»), модернизируемой по мере обновления данных госстатистики, и рассматривалось решение ряда общеэкономических проблем. В данной части 3 работы описан ряд дальнейших исследований по анализу параметров социальной политики как результатов решения серьезных экономических задач в области политики доходов, налогов (НДФЛ), производительности и оплаты труда, вынужденной занятости, ущерба населения от коммерциализации социальной сферы и уровня социальных госрасходов в РФ и других странах. Этими результатами определяются индикаторы эффективности (и неэффективности) социальной политики.

Ключевые слова: моделирование финансирования социальной сферы, достоверность показателей, индикаторы эффективности социальной политики, политика доходов, скрываемые доходы, шкала НДФЛ, сфера труда, вынужденная занятость, коммерциализация социальной сферы, уровень социальных госрасходов.

JEL: C80, I00, J20, J24, O17.

Tarasova N.A., Faerman E.Yu., Vasilieva I.A., Fontana K.A. Simulation of the financing of the social sphere Russian Federation and social policy analysis. Part 3. Analysis of social policy parameters / Working paper # WP/2017/323. – Moscow, CEMI RAS, 2017. – 91 p. (Rus).

The present work is the prosecution of general description of problems of modeling the financing of social sphere of Russian Federation (considering its relationship with manufacturing) begun in the preprint, Part 1 (Faerman at al., 2015), and Part 2 (Tarasova at al., 2016). In Part 1 was shown the social and economic structure of Russian's social sphere (in the wider understanding of this sphere, and considering its relations with production), and considered the social functions and roles played by population's groups and layers, and the further quantification of the functional social structure. In Part 2, starting from the theoretic-methodological ground of the semiotic approach to its organization according to a step-by-step semiotic control of all parameters to ensure their veracity, were highlighted these situations in the integrated multilevel information-analytical system PIC («Population, income, consumption»), modernized following the updating of State statistical data, followed by solution of a number of general economic issues. In the present Part 3 of the work are described a number of further researches for the analysis of social policy's parameters as results of the solution of relevant economic tasks in the income policy, tax (PIT), salary and labor productivity, population losses due to commercialization of social sphere as well as level of social state expenses in Russia and other countries. These results show the effectiveness (and ineffectiveness) of social policy.

Keywords: modeling the financing of social sphere, indicator's veracity, social policy effectiveness indicators, income policy, hidden incomes, income tax scale, labor sphere, mandatory employment, commercialization of social sphere, level of social state expenses.

JEL: C80, I00, J20, J24, O17.

УДК 331:364:338.268:519.763

ББК 65в6:65.012.2:65.240

ISBN 978-5-8211-0751-0

© Текст. Тарасова Н.А., Фаерман Е.Ю., Васильева И.А., Фонтана К.А., 2017 г.

© ФГБУН Центральный экономико-математический институт РАН, 2017 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 3¹

ВВЕДЕНИЕ.....	4
8. РЕШЕНИЕ РЯДА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАДАЧ ПО АНАЛИЗУ ПАРАМЕТРОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.....	5
8.1. Политика доходов населения.....	5
8.1.1. Динамика общей функциональной структуры доходов населения.....	5
8.1.2. Динамика степени сокрытия доходов.....	8
8.1.3. Дифференциация доходов населения и семейных доходов.....	11
8.2. Неэффективность плоской шкалы НДФЛ.....	14
8.3. Доступность жилья для простых семей.....	19
8.4. Ущерб, нанесенный населению коммерциализацией социальной сферы.....	22
9. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ СОЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ПО РФ И ГРУППАМ СТРАН.....	26
9.1. Структура госрасходов социального назначения в РФ.....	26
9.2. Госрасходы на образование по группам стран.....	32
9.3. Госрасходы на здравоохранение по группам стран.....	35
9.4. Прочие госрасходы социального характера по группам стран.....	37
9.5. Некоторые особенности кризисного периода в РФ и США.....	40
10. АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ ЗАНЯТОСТИ (СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД) И СТЕПЕНЬ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДА.....	44
10.1. Структура «триады занятости» и появление в России вынужденной занятости.....	44
10.2. Вынужденная занятость трудящихся в переходный и кризисный периоды на микроуровне экономики РФ.....	48
10.3. Вынужденная занятость трудящихся и предпринимателей в кризисные периоды на мезоуровне экономики РФ.....	54
10.4. Степень эксплуатации труда (соотношение его производительности и оплаты).....	60
11. ИНДИКАТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.....	67
11.1. Индикаторы социального неблагополучия.....	67
11.2. Индикаторы практической эффективности социальной политики.....	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	72
ЛИТЕРАТУРА К ЧАСТИ 3.....	73
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	79
Приложение 1. Государственные расходы социального назначения в РФ и группах стран.....	79
Приложение 2. Структура доходов и расходов государственного (консолидированного) бюджета РФ и стран ЕС.....	81
Приложение 3. Показатели развития образования в РФ и странах ЕС.....	84
Приложение 4. Показатели развития здравоохранения в РФ и странах ЕС.....	85
Приложение 5. Занятость и безработица в РФ и странах ЕС.....	88

¹ Здесь продолжена нумерация разделов 1–7 Части 1 (разделы 1-4) и Части 2 (разделы 5-7).

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий препринт (часть 3) продолжает начатое в частях 1–2 (Фаерман и др., 2015; Тарасова и др., 2016) общее описание работы по моделированию финансирования социальной сферы в РФ в расширенном ее понимании (включающем связи со сферой производства). На основе семиотической методологии обеспечения достоверности показателей и комплексной информационно-аналитической системы НДП («Население, доходы, потребление»), описанных в части 2, в части 3 даны анализ и решение ряда серьезных экономических задач по оценке параметров социальной политики: политики доходов населения, налоговой, жилищной и пр. (разд. 8.1–8.4), анализу госрасходов социального назначения по группам стран (разд. 9, прил. 1–4), политики в области труда и занятости (разд. 10, прил. 5)². Особо важное значение при этом имел корректный учет впервые полученных в системе НДП ориентировочных оценок скрываемых доходов населения, не представленных в явном виде в госстатистике. Это относится к параметрам политики доходов и налоговой, к сфере труда (разд. 8.1–8.2, 10.4), к определению доступности жилья и ущерба населения от коммерциализации услуг (разд. 8.3–8.4).

Решаемые задачи отличаются новизной (на период исследований, часто, и позднее):

- либо их постановки (в разд. 8, 10), причем с доказательствами неэффективности плоской шкалы НДФЛ (разд. 8.2) или превышения в РФ степени эффективности труда (отношения его производительности к его оплате) над «зарубежной» более чем вдвое (разд. 10.4);
- либо предложенной методики сравнения социальных госрасходов по странам (разд. 9);
- либо анализа вообще нового для экономики явления – вынужденной занятости и ее важного значения на микро- и мезоуровне экономики (разд. 10.1–10.3).

В разд. 11 результаты решения задач из разд. 8–10 рассматриваются кратко как соответствующие индикаторы эффективности социальной политики. Большинство из них выявляет до настоящего времени ее практическую неэффективность (т.е. социальное неблагополучие), в отличие от практической эффективности политики занятости благодаря показателю вынужденной занятости.

Такая работа, давно начатая в ЦЭМИ РАН, продолжается и в настоящее время при последовательной модернизации системы НДП по мере обновления и расширения ее статистической базы.

² Поскольку данные в разд. 8–10 и прил. 1 приведены на основе госстатистики РФ, они могут несколько отличаться от данных в прил. 2–4 из других источников.

8. РЕШЕНИЕ РЯДА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАДАЧ ПО АНАЛИЗУ ПАРАМЕТРОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В разд. 8–10 приводятся оценки параметров социальной политики, полученные нами с помощью расчетов в системе НДП («Население, доходы, потребление»), статистическая база которой, в свою очередь, использует данные госстатистики (см. об этом часть 2 работы (Тарасова и др., 2016)). При этом в Росстате были в 2016 г. частично пересчитаны данные госстатистики (только за 2011–2014 гг.), что существенно изменило их динамику с 2011 г. Поэтому принятое нами инерционное (т.е. сохраняющее базовую динамику показателей) прогнозирование (Тарасова, 2008б; Тарасова, Фаерман, Хачатрян, 2006) возможно лишь при ограничении базовых значений показателей границами 1995–2010 гг., что отнюдь не мешает достоверности приводимых примеров, наглядно иллюстрирующих использование системы НДП для оценки и анализа параметров социальной политики в результате решения целого ряда рассматриваемых в разд. 8–10 конкретных экономических задач³.

8.1. Политика доходов населения

8.1.1. Динамика общей функциональной структуры доходов населения

Очередная модернизация системы НДП (после пересчета в Росстате всех ретро- и прочих данных госстатистики) позволит обновить приведенные далее расчеты⁴, что уже не раз делалось ранее. Для примера остановимся на значении более раннего обновления данных – с расширением статбазы с 1995–2002 по 1995–2005 гг.

Благодаря переписи 2002 г., к началу 2007 г. появились существенно обновленные Росстатом данные государственной статистики, начиная с 1990 г. Включение в состав постоянного населения РФ нового контингента трудовых мигрантов и их семей, не учитываемого ранее миграционными службами, привело к серьезному обновлению и модернизации статбазы системы НДП при ее расширении. Соответствующие изменения базовых оценок в системе НДП заметно повлияли на результаты дальнейших исследований. В социальном составе населения выявилось ежегодное сравнительное увеличение численности трудящихся (N_T), естественное при учете трудовых мигрантов, в том числе теневого, и снижение численности остальных занятых ($N_{П}$). В то же время произошло кардинальное изменение структуры макропрогноза⁵ функциональных доходов населения. А именно, к весьма серьезному существенному выводу при анализе политики доходов приводит сопоставление характера такого обновленного макропрогноза (с учетом оценок МЭРТ), отраженного в виде варианта I в табл. 8.1 (с базой 1995–2005 гг. и прогнозами на 2006–2010 гг.), и полученного

³ См., например, (Овсиенко и др., 2016; Тарасова, 2008а; Тарасова, Васильева, Фонтана, 2016; Тарасова и др., 2007, 2009, 2011; Тарасова, Фаерман, Хачатрян, 2006; Фаерман и др., 2004, 2015; Фаерман, Хачатрян, 2006; Tarasova et al., 2007, 2009).

⁴ Эта работа будет продолжена и после завершения в Росстате очередного пересчета данных госстатистики (по данным переписи 2010 г. и согласно системе национальных счетов СНС-2008), начатого в Росстате в 2016 г. Уже проведенные Росстатом пересчеты частично отражены в разд. 9 и прил. 1.

⁵ О макропрогнозах и более детализированных структурных прогнозах в системе НДП см. часть 2 (Тарасова и др., 2016).

ранее, при прежней статбазе по 2002 г. (вариант II)⁶. Тогда прогнозные расчеты для 2003–2007 гг. показывали положительную тенденцию роста доли V_T/V трудовых доходов V_T в общих доходах населения V и снижения доли V_{II}/V прочих активных (называемых в целом – предпринимательскими) доходов V_{II} . Это означало давно назревшее некоторое приближение такого важного показателя, как $V_T:V_{II}:V_S$, т.е. *общей функциональной структуры доходов населения* – к свойственной социально ориентированным рыночным экономикам (Тарасова, 2012а, 2012в; Тарасова, Васильева, 2013а, 2014б).

Таблица 8.1

Варианты базовой и прогнозной динамики общей функциональной структуры доходов населения в 1995–2010 гг., %

Доля доходов	1995	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	В 2016 г.: оценки 2010 г.
Вариант I*:											
V_T/V	53,0	58,1	55,0	56,2	57,1	57,1	56,9	56,7	56,2	56,3	60,2
V_{II}/V	34,7	27,0	31,3	31,5	30,7	31,2	31,5	32,0	32,7	33,1	22,5
V_S/V	12,3	14,9	13,7	12,3	12,2	11,7	11,6	11,3	11,0	10,7	17,3
Отношение вариантов I/II**:											
по V_T/V	100	99,5	93,5	94,8	85,4	85,9	80,3	–	–	–	–
по V_{II}/V	100	101,5	124,7	144,5	179,5	194,8	248,5	–	–	–	–
по V_S/V	100	98,7	85,1	76,4	93,1	70,8	64,2	–	–	–	–

* Наши расчеты по данным Росстата и оценкам МЭРТ.

** Вариант II – наши расчеты по прогнозу ВВП от МЭРТ на сентябрь 2005г.

Сопоставление же вариантов I и II выявило нежелательное принципиальное изменение прогнозной динамики этой структуры, что еще более удалило Россию от развитых стран (и увеличило без того чрезмерно высокую дифференциацию российского населения по доходам). Так (по I/II в табл. 8.1), наблюдались: во-первых, относительное снижение (на $1/5$ в 2007 г.) доли V_T/V и, во-вторых, существенный постоянный рост (в 2,5 раза в 2007 г.) доли V_{II} , обгонявшей по темпам роста не только V_T , но и денежные социальные трансферты V_S , доля которых снизилась в 2007 г. более чем на треть. Объем V_{II} к 2010 г. составил уже около трети общих доходов V параллельно снижению объема V_T до 56,3% V (при *росте* численности трудящихся) вместо повышения сверх $2/3 V$, что обычно для большинства развитых стран. И это – без учета возможной по данным Росстата недооценки нами V_{II} (точнее, его скрытой части, т.е. V_{IISS} ⁷) и соответственно переоценки V_T . Доля же социальных выплат V_S , важных для населения России, могла упасть до 10,7% V . Таким образом, в социальном плане вместо прежнего прогноза, осторожно оптимистического (хотя и с оговорками), был получен достаточно пессимистический прогноз из-за «несоциальной» направленности политики доходов населения (это сохранилось и позднее – для сравнения в последней графе той же таблицы приведены базовые оценки для 2010 г., полученные нами позднее в 2016 г.).

⁶ См., например: по варианту I (Тарасова, 2008а, 2008б; Тарасова, Васильева, 2009а, 2011; Тарасова, Васильева, Сушко, 2009а, 2009б; Tarasova et al., 2009); по варианту II (Тарасова, 2006а; Tarasova et al., 2007); более поздние расчеты с учетом влияния кризиса 2008 г., см., например, в (Тарасова, 2012а; Тарасова, Васильева, Сушко, 2011) и др.

⁷ См. об этом часть 2 (Тарасова и др., 2016).

Перейдем к последующему анализу динамики показателей доходов, отраженному в табл. 8.2, где базовый период был пересмотрен и расширен, по сравнению с табл. 8.1, по 2009 г., включив кризис 2008 г. (Тарасова, Васильева, 2013а; Тарасова, Васильева, Сушко, 2011), что отразилось тогда на инерционных прогнозах по 2013 г.

Таблица 8.2

Базовая и прогнозная динамика общей функциональной структуры доходов населения ($V_T/V_P/V_S$) в расчетном периоде 1995-2013 гг. (%)

Периоды	База					Прогноз	
Годы	1999	2005	2007	2008	2009	2012	2013
<i>Общая функциональная структура доходов населения</i>							
V_T / V	51,97	58,1	60,5	69,6	63,7	62,3	61,4
V_P / V	35,12	27,0	28,5	16,9	21,0	18,2	18,1
V_S / V	12,9	14,8	11,0	13,5	15,2	19,5	20,5

Расчеты с данными Росстата по 2009 г., в том числе по кризису 2008 г. (как уже сказано, без учета переписи 2010 г.) отразили некоторое положительное (в социальном плане) изменение общей тенденции распределения доходов с кризисного 2008 г. Это несколько неустойчивый рост доли V_T (хотя и недостаточный) и заметный рост (с 11% в 2007 г. до 20,5% в 2013 г.) доли социальных выплат V_S , и все это – при снижении доли V_P с 30% в 2006 г. до 18% в 2013 г. (с заметным спадом в 2008 г. на 11%). Таким образом, по данным госстатистики, кризис 2008 г. вроде бы вызвал некоторое качественное изменение динамики общей функциональной структуры доходов. Но «положительность» влияния кризиса в этом случае, снижаемая отмеченными ранее в части 2 границами (максимальностью V_T и минимальностью V_P), к тому же определяется и необходимостью (просто для выживания населения) поддержания социальных выплат на определенном уровне, и ухудшением *фиксируемой госстатистикой* ситуации в сфере предпринимательства. Речь идет не только и не столько о разорении части этого слоя, сколько о явно усилившемся при кризисе тайном (минуя госстатистику) «бегстве» солидных капиталов за рубеж; о росте степени сокрытия этих доходов см. далее табл. 8.4. Прогнозируемое небольшое превышение доли трансфертов V_S вызвано инерционным характером прогноза при политике роста социальных выплат с 2008 г., проблематичного в будущем из-за роста дефицита средств Пенсионного фонда.

При сверхвысокой дифференциации доходов населения, «поощряемой» плоской шкалой НДФЛ, в период кризиса 2008 г. происходило дальнейшее фактическое обогащение именно богатых слоев общества с резким ростом численности долларовых миллиардеров. На это не могла не повлиять оказываемая в период кризиса денежная помощь государства и без того небедным банковским структурам, нередко не доводящим ее до реального сектора, ради которого эта помощь официально выделялась. Кроме того, государство считало нужным помочь с кредитами и столь же (если не более) небедным сырьевым монополиям, чьи немалые доходы (но не ЗП сотрудников) росли при росте цен на переработанное сырье.

По сообщению Интерфакса, в недавнем отчете консалтинговой компании New Word Wealth (Россия лидирует..., 2016) ее эксперты сочли экономику России самой несправедливой, практически тем самым не оставляющей места для образования среднего класса. По их оценкам, в РФ 88% благосостояния приходится на долю долларовых миллионеров (62%) и миллиардеров (26%), так что лишь 12% распределены между остальными

143,5 млн граждан (табл. 8.3). Понятно, что именно последние объединяют массы трудящихся и «трансфертников». Если при этих оценках не учтены (полностью или частично) скрываемые доходы, в основном, относящиеся к предпринимательским, то их учет лишь ухудшит показатели РФ, и без того самые «несправедливые». По указанному отчету, в Японии (1-е место) миллионеры владеют только 22% национальных богатств; в США (середина списка) магнатам принадлежат 32%.

Таблица 8.3

**Распределение (%) национального богатства стран
(по оценкам экспертов консалтинговой компании New World Wealth *)**

Страны	Миллиардеры, долл.	Миллионеры, долл.	Σ	Прочее население
Япония	–	22	22	78
США	–	–	32	68
Россия	26	62	88	12 (у остальных 143,5 млн чел.)

* (Россия лидирует..., 2016).

8.1.2. Динамика степени сокрытия доходов

Для обоснованного, объективного анализа параметров социальной политики, в том числе для оценки последствий гипотетически возможных вариантов ее, важен расчет динамики объемов не только официальных, но и скрываемых (скрыто-теневых) активных доходов. К скрываемым показателям (Тарасова, 2006а; Тарасова, Хачатрян, Тарасова, 2006) относятся:

- теневая занятость (первичная) численностью $N_t = N_{Tt} + N_{Pt}$ трудящихся (N_{Tt}) и предпринимателей (N_{Pt});

- и соответствующие теневые доходы $V_t = V_{Tt} + V_{Pt}$ трудящихся (V_{Tt}) и предпринимателей (V_{Pt}) как часть скрываемых (скрыто-теневых) доходов $V_C = V_t + V_{CC}$, где V_{CC} – скрытые доходы занятых (см. далее);

- так называемые «серые» доходы «в конвертах», то есть скрытые доходы ($V_{CC} = V_{TCC} + V_{PCC}$) официально занятых трудящихся (V_{TCC}) и предпринимателей (V_{PCC}). Скрытые доходы представляют собой официально не зарегистрированные доходы при официальном найме (официальной регистрации).

Все скрываемые доходы населения ($V_C = V_{TC} + V_{PC}$), скрытые (у официально занятых) или теневые (у прочих занятых), – это официально незафиксированные и, соответственно, утаиваемые от подоходного налогообложения личные денежные доходы граждан (Тарасова, Васильева, 2013б). Они входят в состав V_A – активных доходов занятых ($V_A = V_{AO} + V_C$), официальных (V_{AO}) и скрываемых (V_C). Скрываемая часть трудовых доходов (определяемая скрываемой заработной платой V_{TC}) и предпринимательских ($V_{PC} = V_C - V_{TC}$) – их динамика отражена на рис. 6.10 в части 2 (Тарасова и др., 2016), – может присутствовать в функциональных доходах наряду с получаемыми легально активными официальными доходами V_{TO} и V_{PO} (см. рис. 8.4). Отсутствует она только в пассивных доходах «трансфертников», т.е. в официально назначаемых социальных выплатах V_S (пенсии, пособия и прочие социальные трансферты в денежной форме).

Как было показано в части 2, при семиотическом контроле показателей по методологии СМОГ – на основе сопоставления официальных статистических данных, имеющих в Росстате (в системе национальных счетов и в рамках баланса доходов и расходов

населения) – мы выявили оценки, отсутствующие в явном виде в государственной статистике. Это ориентировочные оценки скрываемых видов трудовых (максимум) и предпринимательских (минимум) доходов (Тарасова, 2006а, 2006б; Тарасова, Хачатрян, Тарасова, 2006). Для примера остановимся на анализе рассчитанной нами ранее степени сокрытия активных доходов населения в 1995–2013 гг. (Тарасова, Васильева, 2013а, 2014а, 2014б), динамика которой отражена в табл. 8.4.

Таблица 8.4

**Динамика степени сокрытия ($V_{ТС}/V_T$; $V_{ПС}/V_{П}$; V_C/V)
трудовых, предпринимательских и общих доходов населения (V_T , $V_{П}$ и V_C)
в расчетном периоде 1995–2013 гг., %**

Расчетный период	1995–2013 гг.							
Периоды	База						Прогноз	
Годы	1995	1999	2002	2005	2008	2009	2012	2013
<i>Степень сокрытия доходов и их соотношение</i>								
$V_{ТС}/V_T$	28,4	34,2	30,7	31,1	30,3	30,3	28,3	29,8
$V_{ПС}/V_{П}$	23,7	40,6	31,6	26,4	26,0	43,3	68,6	60,9
$(V_{ПС}/V_{П})/V_{ТС}/V_T$	0,83	1,19	1,03	0,85	0,86	1,43	2,42	2,2
V_C/V	23,5	31,7	31,7	25,8	25,5	28,4	30,5	30,3

Поскольку по данным Росстата (Госкомстата) возможна оценка лишь нижней границы $V_{ПС}$ (отсюда – и $V_{П}$) и соответственно верхней границы $V_{ТС}$ (и V_T), поэтому более точными являются оценки не общих объемов этих доходов, а степеней их сокрытия. Это отношения скрываемых частей активных доходов ($V_C = V_{ТС} + V_{ПС}$) к общим объемам доходов населения (V_T , $V_{П}$ и V), что отражено в табл. 8.4 для базовых и прогнозных расчетов. Последние относятся к инерционному прогнозу, соответствующему динамике базового периода. Степень сокрытия трудовых доходов $V_{ТС}/V_T$ уже с 1997 г. стала, в основном, ниже предпринимательских, что подтверждает распространенное мнение о большем утаивании последних. Это явно касается не только тех скрываемых доходов, которые выявляются нами при анализе госстатистики. Прочие, выявлять которые не удастся хотя бы в силу несовершенства российского законодательства (и его применения), также следует отнести к предпринимательским доходам. При кризисе 2008 г. рост сокрытия $V_{П}$ говорит о явно усилившемся – и минующем госстатистику – бегстве солидных капиталов за рубеж.

Анализ динамики структуры доходов населения и степени их сокрытия выявил фактическое сохранение «несоциального» характера нашего государства при активном росте сокрытия $V_{П}$ – вплоть до существенного преобладания $V_{ПС}$ в $V_{П}$. По инерционному прогнозу на долю официальной части таких доходов в 2012–2013 гг. оставалось менее 35%. И это, напомним, при отмеченной выше неизбежной недооценке (согласно данным Росстата) их скрываемой части. В среднем рассчитанные нами (см. табл. 8.4) оценки степени сокрытия трудовых доходов оказались близкими к 30% (минимум 28,3% в 2012 г.), а предпринимательских – выросли сверх 65%. Эти расчеты проведены при инерционном прогнозе структуры V_C , где доли трудовых ($V_{ТС}/V_C$) и предпринимательских доходов ($V_{ПС}/V_C$) – около 60 и 40%. Учитывающие влияние кризиса расчеты предпринимательских доходов, скрываемых ($V_{ПС}$) и официальных ($V_{ПО}$), выявили явно нарастающее с 2010 г. преобладание первых. В 2006–2007 гг. они росли (с убывающими темпами роста), но при кризисе сначала резко упали, а затем в 2009 г. компенсировали это падение ростом более

чем вдвое. Малость $V_{ПС}$ в 2008 г. можно в какой-то степени отнести на счет указанной выше недооценки их и более умелого утаивания от госстатистики нелегальных предпринимательских доходов, чем трудовых. Резкий рост $V_{ПС}$ в 2009 г. логично связать с нелегальным присваиванием находчивыми предпринимателями части финансовой помощи государства, выделенной для поддержки реального сектора.

Наиболее желателен институциональный сценарий развития экономики – с легализацией всех видов доходов и занятости населения, т.е. с соответствующей установленным институтам, законам официальной регистрацией ныне скрываемых доходов и теневой занятости (Овсиенко и др., 2016; Тарасова, 2006в; Фаерман и др., 2004; Фаерман, Тарасова, Васильева, 2006). Проведенный нами ранее расчет (для периода I из табл. 8.1), результаты которого отражены в табл. 8.5, продемонстрировал: при такой гипотетической легализации с 2009 г. доходов населения (с $V_{ТС} = V_{ПС} = V_C = 0$ и потому $V_{ТО} = V_T$, $V_{ПО} = V_P$, $V_O = V$), наблюдался бы обусловленный подобной ситуацией рост официальных доходов населения на $1/5 - 1/4$ и рост объемов НДС (подходного налога B_N) и ЕСН – единого социального налога (позднее называемого отчислениями W_S) – на $1/4$ и почти $1/2$. В итоге это устранило бы необходимость добавления бюджетных средств к W_S до объема V_S .

Рассчитанный по реальному (инерционному) прогнозу рост теневой занятости на 65% к 2010 г. (с превышением уровня 1995 г.) мог привести к снижению доли официальной занятости на 6,7%. При этом у скрываемых доходов наблюдалась бы положительная тенденция некоторого уменьшения их доли в чистых доходах населения (на 9%). Видимо, это результат настойчивости налоговых органов по выявлению скрытых трудовых доходов (что уводит эту часть от НДС и от соцстраховских отчислений). Признаком этого – и поводом для взимания штрафа с работодателей – служило необоснованное занижение среднего уровня официальной зарплаты на частных предприятиях, когда он ниже среднеотраслевого⁸, а если он ниже минимального – реальной была угроза закрытия предприятия. Для трудящихся стимулом легализации оплаты труда являлось влияние ее на размер пенсии – легализация этого «серого» сектора в 2007 г. могла бы удвоить трудовые пенсии⁹.

При некотором росте (хотя, как правило, замедляющемся) среднедушевых доходов у официальных групп (наиболее сильного – у предпринимателей) выявлялась тенденция снижения таковых у «теневиков» с несколько уменьшающейся долей (V_i/V) их доходов в общих. В силу вынужденной неточности данных госстатистики, определяемые нами объемы скрытых доходов официально занятых представляют собой, как уже отмечено, фактически границы таких доходов, верхнюю ($V_{ТСС}$) – для трудовых и нижнюю ($V_{ПСС}$) – для предпринимательских, что вызывает резкие скачки долей скрытых доходов. Такая динамика в силу инерционного характера прогнозов влекла указанные в табл. 8.6 (для среднедушевых доходов) и отраженные далее на рис. 8.2, б нереально заниженные прогнозные оценки доли $V_{ПСС}$ в предпринимательских доходах официально занятых до 5,4% в 2009–2010 гг. Как и после дефолта 1998 г., это говорило о более умелом утаивании (от го-

⁸ Например, в московских банках, где относительно высока фактическая оплата труда, этот средний официальный уровень в 1990-х гг. был вдвое ниже среднегогородского (Пономаренко, 1997).

⁹ См. редакционную статью Н. Дзись-Войнаровского «Все краски серого» (Новые известия. 2008. № 108. С. 1, 3) по нашему (Тарасова, Васильева, 2009б) и другим докладом на IX Международной конференции в ВШЭ (Москва) в апреле 2008 г. (Материалы сайта ГУ ВШЭ, 2008).

статистики) официально занятыми своих нелегальных предпринимательских доходов, чем трудовых, что не отражалось в госстатистике, но проявилось при наших расчетах.

Таблица 8.5

Параметры реального и институционального (при легализации доходов с 2009 г.) прогнозных сценариев социальной политики (цены 2000 г., млрд руб./год и руб./месяц) *

Показатели		2001	2005	2006	2009	2010	2009	2010
Макропрогноз на 2006–2010 гг.:		Сценарии						
		Реальный (инерционный)					Институцио- нальный	
V_T	Трудовые доходы	2503,4	4104,4	4672,9	5213,9	5450,3	5213,9	5450,3
V_{TC}	в том числе скрываемые	535,0	1275,9	1438,3	1131,3	1097,6	0	0
V_P	Предпринимательские доходы	1639,8	2207,3	2551,0	3034,1	3202,7	3034,1	3202,7
V_{PC}	в том числе скрываемые	571,9	582,0	760,8	580,0	579,0	0	0
V_S	Социальные выплаты	581,1	878,1	953,9	1024,4	1035,6	1024,4	1035,6
W_S	ЕСН	647,5	631,0	722,7	835,5	882,6	1214,9	1283,9
	% к реальному	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	145,0	145,5
$V_S - W_S$	«Бюджетная» добавка к ЕСН до V_S	-66,3	247,1	231,1	188,9	153,0	-190,5	-248,3
V	Общие доходы	4724,4	7189,8	8177,8	9272,4	9688,5	9272,4	9688,5
V_C	в том числе скрываемые	1106,9	1857,9	2199,1	1711,3	1676,6	0	0
B_N	НДФЛ	178,0	353,7	398,7	493,6	518,2	622,9	642,8
V'	Чистые доходы	4546,4	6836,2	7779,1	8778,7	9170,3	8649,5	9045,8
	среднедушевые среднемесячные, руб.	2553,4	3979,6	4550,3	5189,7	5435,2	5113,3	5361,3
V'_O	в том числе официальные	3439,5	4978,3	5579,9	7067,4	7493,7	8649,5	9045,8
	среднедушевые среднемесячные, руб.	1931,7	2898,1	3263,9	4178,1	4441,5	5113,3	5361,3
C_N	Потребление	3482,0	5803,4	6605,0	7456,6	7792,0	7327,4	7667,5
	среднедушевое среднемесячное, руб.	1955,6	3378,4	3863,5	4408,1	4618,3	4331,7	4544,4

* Наши расчеты по оценкам скрываемых и официальных доходов в системе НДП (вариант I из табл. 8.1).

Таблица 8.6

Динамика среднедушевых годовых функциональных доходов (тыс. руб. 2000 г.) и степени их сокрытия у официально занятых (%) в 1995–2010 гг. *

Показатели	1995	1999	2000	2005	2006	2007	2009	2010
Среднедушевой трудовой доход	35,1	30,63	41,14	78,71	88,8	92,73	99,58	103,74
темпы роста, %		91,1	134,3	115,1	112,8	104,4	103,6	104,2
доля скрытого дохода, %	8,4	24,4	29,6	26,0	25,4	21,5	16,2	14,5
Предпринимательский средне- душевой доход	184,5	66,75	57,78	72,18	82,17	82,13	84,76	86,15
темпы роста, %		88,4	86,6	102,1	113,8	99,9	102,3	101,7
доля скрытого дохода, %	22,6	27,0	5,1	6,4	10,0	8,6	5,4	5,4
Среднедушевые социальные выплаты	4,38	3,66	4,37	7,48	8,21	8,67	9,21	9,42

* По нашим расчетам долей скрытых доходов официально занятых.

8.1.3. Дифференциация доходов населения и семейных доходов

В макропрогнозах при подецильном распределении занятых сохраняется отмеченная и в базовом периоде концентрация трудящихся в первых («бедных») децилях, а предпринимателей – в последних; так, в 2010 г. отношения крайних децилей для них составляли соответственно 0,9 и 2,7. На уровне социально-экономических (доходных) групп подецильные распределения еще более различны. В 2007 г. отношения крайних децилей для групп $l = 1, 2$ (официальных «чистых» трудящихся и предпринимателей – т.е. без совместителей) равны 0,3 и 8,2, а в 2010 г. – 0,27 и 7,5. При этом в 2007-2010 гг. в децилях 1–

2 и 9–10 у трудящихся – около 9 и 3 млн чел., а у предпринимателей – 1 и 5–6 млн чел. То же у всех официальных занятых: в 2007 г. – 0,8 и 11,8 (см. рис. 8.1); 2010 г. – 1,1 и 11. В итоге и макропрогноз, и более детализированный структурный прогноз (на уровне групп) иллюстрировали процесс расслоения занятых при сохранении инерции политики доходов.

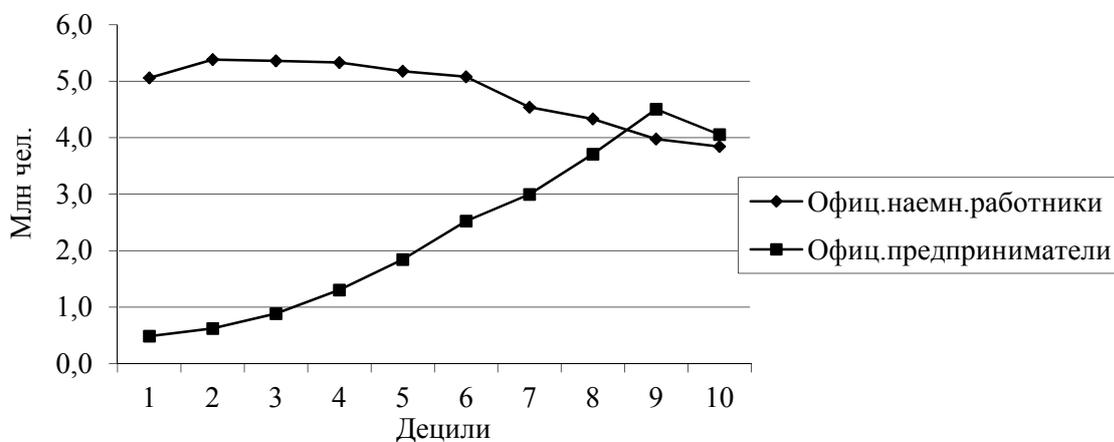

Рис. 8.1. Оценки распределения официальных занятых в 2007 г.

Расчеты базовых подецильных распределений доходов основаны на экспертных оценках распределения среднедушевого дохода (с учетом его скрываемой части), приведенных д.э.н. А.В. Суворовым из ИНП РАН (Суворов, 2004, 2008). При этом рассчитанный им соответствующий коэффициент фондов (35) более чем вдвое превышает слишком скромную оценку его Росстатом. В наших расчетах отношения крайних децилей для предпринимательских и трудовых доходов (535 и 44 в 2007 г.) показывают сверхвысокую дифференциацию первых (535) при немалой – вторых (44), так что при расслоении занятых продолжался процесс «олигархизации» высокодоходных предпринимателей (см. отражение результатов этого процесса в оценках табл. 8.3). Снижение доли трудовых доходов при росте численности трудящихся означает реальное уменьшение среднедушевого трудового дохода, чему вряд ли препятствуют меры по повышению МРОТ или удвоению заработной платы бюджетников (это не очень существенно, с учетом инфляции, для низкооплачиваемой их части). При этом немалая дифференциация самих трудовых доходов сохраняется (если не растет) – от невозможности покупки жилья для части семей трудящихся из-за низкой ЗП (см. далее) до среднемесячной зарплаты (115,7 тыс. руб.) 38 тыс. федеральных госслужащих, которая в 2016 г., по Росстату, была на 4% выше уровня 2015 г. и в 3,6 раза выше средней ЗП.

Что касается социальных выплат V_S , в том числе пенсий как основной их составляющей, то при общей нестабильности давно реформируемой пенсионной системы и недостаточном ЕСН (позднее – отчислениях W_S) для V_S – здесь, как и в области оплаты труда, проявляется тенденция явного превалирования пенсий госслужащих над средним размером пенсии (примерно в 2 раза). Относительно других показателей, непосредственно связанных с социальными реформами, следует подчеркнуть, что на болезненности процесса недостаточно подготовленной монетизации льгот (Социальные проблемы..., 2007) явно отразилась неполнота и (или) недостоверность статистической информации о льготниках. К тому же методы реформирования социальной сферы, в частности, начавшееся в 2009 г. изменение порядка начисления жилищных льгот, прежде всего, учитывали интересы отнюдь не населения, а в данном случае – ЖКХ.

Это усугубляется очень высокой и притом растущей дифференциацией доходов населения. В переходный период коэффициент Джини уже к 1996 г. увеличился в 2,5 раза (Заработная плата..., 2008). Доход первого квинтиля в 2006–2007 гг. равнялся 11% доходов пятого при коэффициенте Джини около 42% (хуже только в Китае, Бразилии и т.п.); в развитых странах последний в 1,2–1,7 раза ниже, составляя 25–36%. При расчете в «паритетных» долларах, учитывающем паритет покупательной способности валют по выделенному набору товаров и услуг, прожиточный минимум (ПМ) в США был ранее вдвое выше российского, так что абсолютная бедность по нему в РФ была бы в 5 раз выше, чем в США. Для социальной стабильности важен высокий уровень не крайней бедности – при доходе в день менее 1 долл. (российский уровень ее был втрое выше, чем в развитых странах) и не абсолютной бедности – с доходом ниже ПМ (перед кризисом охватывавшей 13,4 % населения РФ, в 2009 г. – 15 %, в 2010 г. – 13,6 %, или 19,1 млн чел.), а еще более весомой в России относительной бедности, обычно фиксируемой в развитых странах по средней или медианной (наиболее распространенной) норме доходов.

Таким образом, рост чрезмерной дифференциации доходов населения (отражающихся в повышенных значениях, например, коэффициентов доходов или Джини), а также прогнозируемое снижение доли трудовых доходов и социальных трансфертов в денежной форме, недостаточность ЕСН (или соответствующих отчислений) для покрытия этих трансфертов при реальном снижении душевого трудового дохода – все это не характеризует проводимую социальную политику как политику *социального* государства. При этом социологические исследования показывают отсутствие в народе уравнилельных настроений и признание справедливости неравенства по доходам, но – при оправданности его за счет личных усилий, заслуг перед обществом. В признании такой идеи трудовой справедливости возможно некоторое «апостериорное» влияние прежней (далеко не бесполезной и для государства, и для населения) апологетики труда, сменившейся чуть ли не огульным ее отрицанием. Существующая сверхвысокая дифференциация доходов, в том числе оплаты труда, этому критерию не соответствует.

Что касается дифференциации семейных доходов (Тарасова, Васильева, 2009а; Тарасова, Васильева, Сушко, 2009б), то она гораздо выше для небольших простых семей (домохозяйств) из 1–3 человек (о простых семьях и их доходах см. часть 2 (Тарасова и др., 2016). Наибольший среднедушевой доход в малых семьях в 3 раза превосходит средний уровень по РФ, а в больших не достигает и 2 раз. На динамику степени сокрытия максимальных семейных доходов (см. рис. 8.2, а) явно влияет общая низкая (по Росстату) выявляемость сокрытия предпринимательских доходов, отраженная на рис. 8.2, б.

Рассчитываемые в системе НДП величины ПМ семей могли бы быть использованы как в будущем (скажем, при переходе на прогрессивную шкалу НДФЛ по среднесемейным душевым доходам), так и в настоящее время, хотя бы в важнейшей сфере – жилищной. При предлагаемом нами показателе доступности жилья (см. далее разд. 8.3 и табл. 8.8) семейные годовые доходы пересчитываются в цены 1 м² жилья на первичном жилищном рынке. Это позволяет определить, что могла бы купить семья определенного социально-демографического типа на весь свой среднегодовой доход, включая скрываемый, либо на доход с учетом необходимых первоочередных расходов хотя бы на уровне ПМ семьи, что более реально и показательно. Последний вариант для беднейших семей приводит иногда и к отрицательной оценке. Непредсказуемость динамики ПМ и цен на

жилье делает невозможным прогнозирование. Но при сохранении базовой инерции – для семей с минимальным доходом, в том числе даже с трудящимися членами семьи, прогнозная ситуация явно безнадежна и в будущем покупка жилья нереальна.

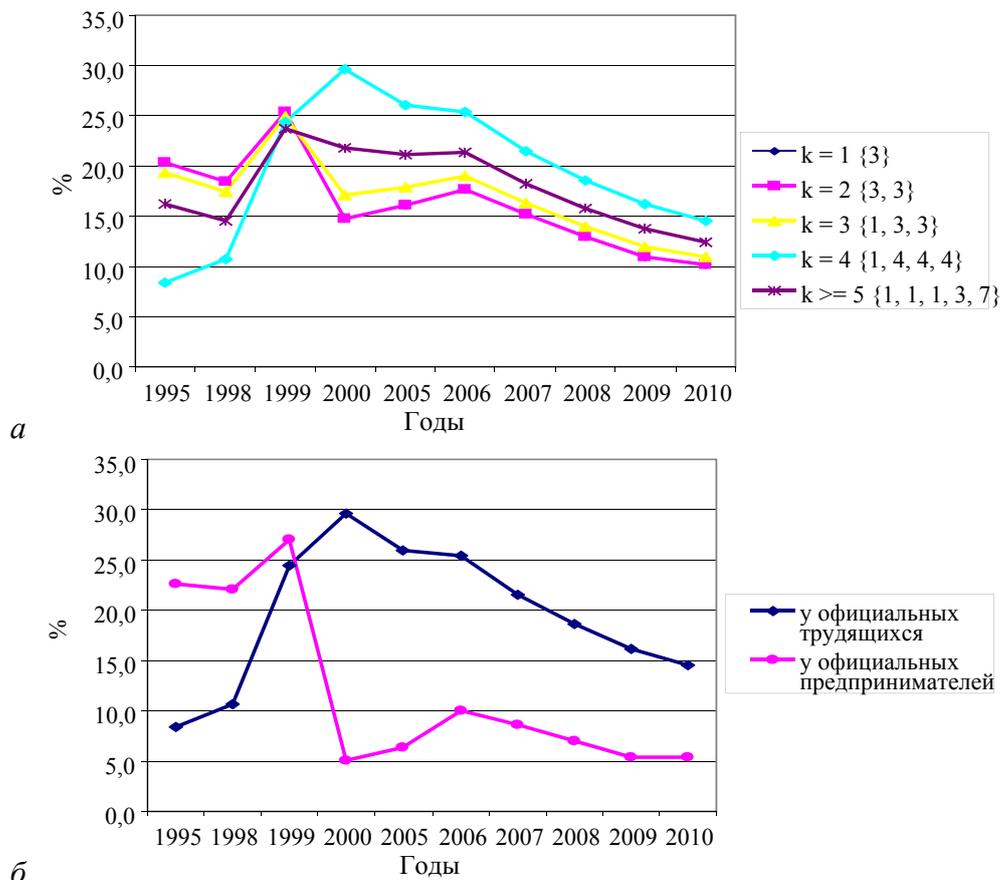

Рис. 8.2. Динамика долей скрытых доходов в официальных активных доходах:

- а) наиболее богатых семей из k членов с указанным социальным составом $\{\ell_1, \dots, \ell_k\}$ ¹⁰;**
б) всех официальных занятых

8.2. Неэффективность плоской шкалы НДФЛ

Макроэкономические оценки реальной динамики активных доходов населения (в том числе скрывааемых), полученные нами на основе данных государственной статистики по РФ в целом, свидетельствуют о неэффективности ввода плоской шкалы подоходного налога, называемого налогом на доходы физических лиц (НДФЛ). В качестве его налоговой базы учитываются официальные части активных доходов ($V_{ТО}$ и $V_{ПО}$) за вычетом выплат социального характера. Введенная с 2001 г. плоская шкала, с взиманием 13% с совокупного дохода граждан (за вычетом законодательно утвержденных расходов), увеличила поляризацию доходов, не оправдав надежды на добровольную легализацию доходов и соответствующий резкий рост этого налога, что отражено на рис. 8.3–8.4 (Васильева, 2006, 2007а, 2007б; Васильева, Тарасова, 2009; Тарасова, 2012а).

¹⁰ Для рис. 8.2, а: социальные роли (l) означают вхождение в состав семьи трудящихся ($l = 1$), трудящихся-предпринимателей ($l = 3$), незанятых пенсионеров ($l = 4$) и детей с пособиями ($l = 7$). Графики для семей с $k = 1, 2$ совпадают из-за совпадения ролей l членов семей.

Доля НДФЛ в активных официальных доходах, определяющих его налогооблагаемую базу, за 5 лет выросла вдвое меньше с 2000 г., чем с 1995 г. за такой же 5-летний период до ввода шкалы (рис. 8.3). Реальный годовой рост НДФЛ на (примерно) $\frac{1}{5}$, наблюдавшийся перед вводом 13%-й шкалы, к 2005 г. упал вдвое (см. рис. 8.4).

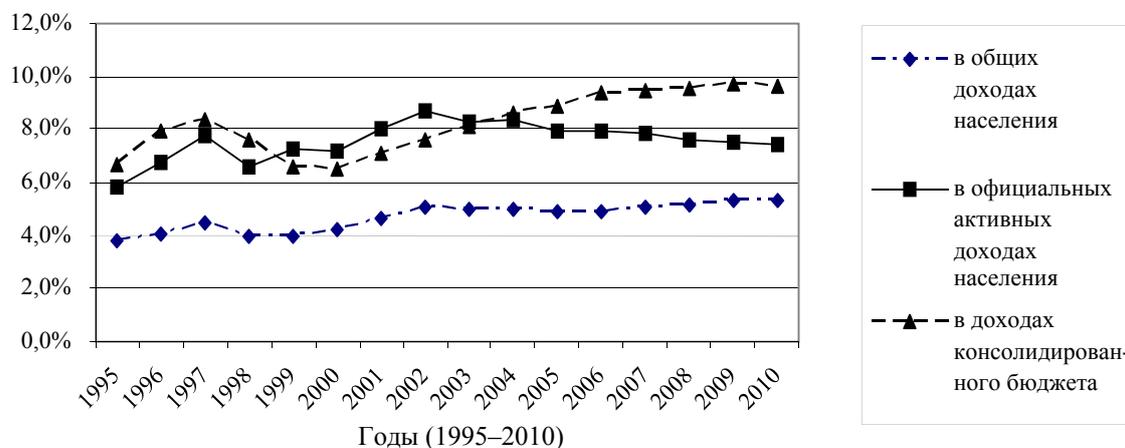

Рис. 8.3. Доля НДФЛ в доходах, 1995–2010 гг., %

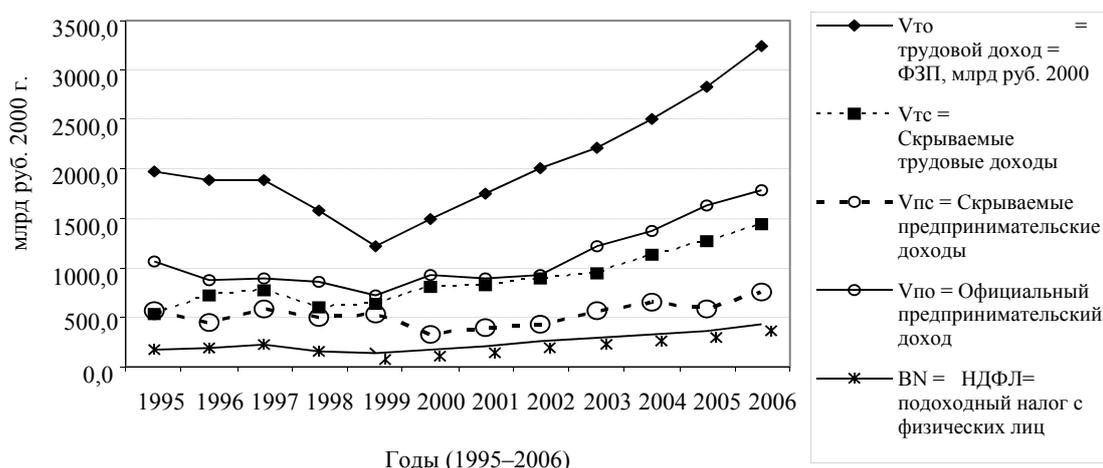

Рис. 8.4. Динамика активных (официальных и скрываемых) доходов занятых и налога на доходы физических лиц в 1995–2006 гг. (цены 2000 г.)

Власти декларировали оправданность этого ввода, который вроде бы привел к резкому росту собираемости налога благодаря вызванной им (чего в реальности не произошло) легализации скрываемых доходов населения. Так, на заседании Госдумы в апреле 2009 г. премьер озвучил оценку роста объема НДФЛ в 12 раз, что в действительности соответствует только расчету в текущих ценах, растущих из-за инфляции – такой инфляционный рост не имеет отношения к реальному. Источник ошибки – в Комитете Госдумы по бюджету и налогам: ранее его зампред С. Штогрин в Интернете оценил рост НДФЛ за 2003 г. в 27%, т.е. в текущих ценах (с 358,1 млрд до 455,7 млрд руб.) вместо сопоставимых цен, обязательных при оценке реальной динамики показателя.

Сопоставимые цены использовались нами в системе НДП для корректных расчетов, показавших намного меньший реальный (а не инфляционный) рост объема НДФЛ и его налогооблагаемой базы. Параллельно были рассчитаны скрываемые доходы занятого населения и оценена их реальная базовая и прогнозная динамика. В результате выяснилось, в

частности, что динамике официальной части доходов соответствует динамика скрывааемых доходов, причем плоская шкала НДФЛ отнюдь не способствовала легализации последних (см. рис. 8.4). Расчеты показали, что реально продолжался рост скрывааемых доходов населения, подобный «официальному» (на 7–19% ежегодно в 2001–2004 гг. и на 4% в 2005 г.) что противоречит утверждениям о легализации доходов¹¹. При этом некоторой частичной легализации «серых» зарплат помогла не плоская шкала, а отмеченная выше деятельность сотрудников налоговых органов с «наказанием» некоторых работодателей.

Более того, учитывая порядок взимания различных налогов, плоская шкала оказалась наиболее весомой для бедных при практической «невесомости» для богатых. В принципе при плоской шкале вообще не может идти речь об экономической и социальной справедливости, экономической обоснованности – вместо этого происходит дальнейшее углубление дифференциации населения. Так, в соответствии с примером М.Е. Чичелева из Московского центра развития предпринимательства (Чичелев, 2007), пусть в 2006 г. для четырех групп налогоплательщиков с ежемесячными доходами (по группам) 5, 30, 60 и 100 тыс. руб. соотношение их доходов было 1:6:12:20. Тогда для располагаемых доходов (средств, остающихся после обязательных платежей), это соотношение уже 1:20:42:72, то есть у бедных отбирается реально более чем втрое выросшая большая часть дохода (см. табл. 8.7 и рис. 8.5). При этом бремя обязательных платежей легче для богатых, снижаясь в 4,7 раза – от 76,6% для бедных с минимумом доходов до 16,2% для богатых с максимумом доходов. Таким образом, фактически плоская шкала не просто «означает капитуляцию государства, его отказ от функций перераспределения, от того, что делает государство везде!» (директор Института США и Канады РАН, чл.-корр., д.и.н. С.М. Рогов) – она означает перераспределение «не в пользу бедных» (Рогов, Зотов, 2009).

На 29-й Международной школе-семинаре им. академика С.С. Шаталина (Воронеж, 2006 г.) гость из США, бывший сотрудник ЦЭМИ РАН д.э.н. И.Х. Бирман в своем выступлении весьма положительно отозвался о вводе плоской шкалы, оценив вызванный этим вводом рост объема НДФЛ в 2 раза и сославшись затем (в разговоре с нами) на публикацию в российской периодике. Позднее в его интересной по содержанию и самобытной по форме книге (Бирман, 2007) эта публикация¹² была упомянута при столь же положительной авторской оценке плоской шкалы и отрицательном отношении – к прогрессивной: «Тебя наказывают (отбирают большую долю заработка) за то, что лучше работаешь-зарабатываешь. Богатый берет обычно от общества меньше...» (с. 244). В этих словах явно проявляется игнорирование прагматического аспекта подобного анализа: такие утверждения далеки от реалий России, где с 1990-х гг. началось активное присвоение многими богатыми (точнее, быстро обогатившимися) весомых рентных доходов, в том числе природной ренты, при активном пользовании различными административными привилегиями как «административной» рентой. Что уже говорить о превышающей всякие экономически обоснованные пределы и все еще растущей российской дифференциации доходов вообще и заработной платы в

¹¹ Последнее прозвучало даже в апреле 2017 г. в ответе премьер-министра на вопрос о введении прогрессивной шкалы НДФЛ (после его отчета в ГД РФ за 2016 г.), он утверждал, что после ввода плоской шкалы практически исчезла система «серых» зарплат. Но через день глава Минфина Антон Силуанов на коллегии Минфина заявил, что такой «серый» объем ЗП в РФ превышает 10 трлн руб., и выход – изменение структуры налоговой нагрузки.

¹² См.: Независимая газета. 2001. 3 апр. С. 10.

частности, чей уровень (и официальный, и общий, с учетом скрываемых частей) далеко не всегда соответствует принципу «лучше работаешь...». Даже «забыв» о необходимости социального мира в стране, рассматривать встречающиеся утверждения о недопустимости перераспределения доходов при прогрессивной шкале (общепринятой для развитых стран и особо необходимой в период кризиса) с точки зрения социальной справедливости имело бы смысл, если бы возникновение высокодоходных слоев в России не было связано с присвоением этими слоями природной и иной ренты.

Таблица 8.7

Налогообложение по 4 группам налогоплательщиков*

Показатели (текущие цены)	Группы налогоплательщиков (по доходам)			
	5	30	60	100
Доходы групп (условно), тыс. руб.	1	6	12	20
Соотношение доходов групп	3,836	6,722	11,112	16,2
Налоговое бремя, тыс. руб.	76,72	22,41	18,52	16,20
Доли налогов и обязательных платежей, %	1,164	23,278	48,888	83,8
Реально располагаемый доход, тыс. руб.	1	20	42	72
Соотношение располагаемых доходов групп	23,28	77,59	81,48	83,80
Доли доходов после налогообложения и обязательных платежей, %				

* Расчеты И.А. Васильевой по (Чичелев, 2007).

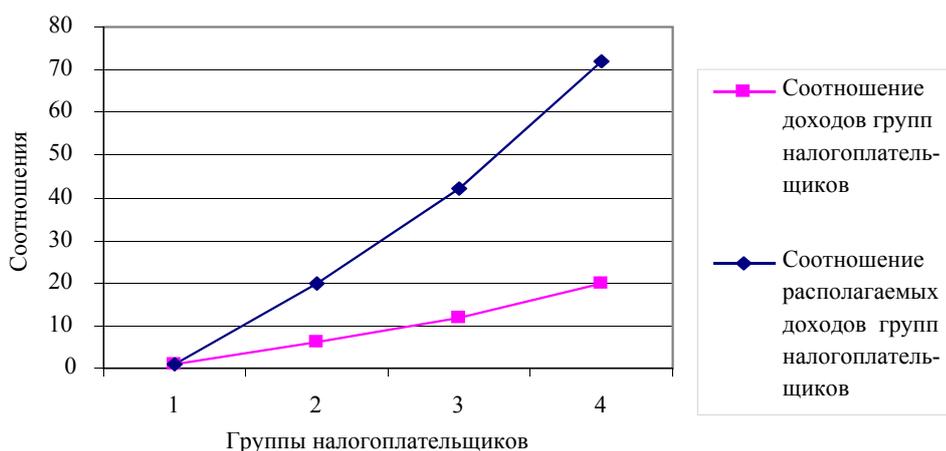

Рис. 8.5. Соотношения общих и располагаемых доходов по четырем группам налогоплательщиков (по табл. 8.7)

Выбор плоской шкалы обосновывался, как уже сказано, несбывшимися надеждами на активную легализацию доходов. С той же целью, судя по докладу (на международной научно-практической конференции в ИМЭИ МЭРТ) в 1999 г. тогдашнего замминистра МЭРТ А.Н. Шаронова, в этом министерстве всерьез обсуждался еще более, так сказать, «олигархоориентированный» вариант – вообще не брать подоходный налог с (а не до) некоторого уровня доходов. Такой вариант только усилил бы нашу чрезмерную дифференциацию населения вместо ее снижения, недостижимого при плоской шкале налогообложения, но в определенной степени обеспечиваемого прогрессивной шкалой, варианты которой не раз предлагались учеными ЦЭМИ РАН, ИСЭПН РАН и др. При плоской шкале введение системы вычетов из налогооблагаемой базы (вероятно, не отраженное выше в примере М.Е. Чичелева) несколько ослабляет давление НДФЛ на менее зажиточные слои, но никак не затрагивает даже официальные доходы наиболее богатых, что не может, в отличие от прогрессивной шкалы, реально снизить дифференциацию населения.

Приведем некоторые из предлагавшихся ранее вариантов прогрессивного налогообложения. Так, еще в 2003 г. акад. Д.С. Львовым совместно с д.э.н. Е.Ю. Фаерманом (ЦЭМИ РАН) предлагалось: доходы, не превышающие прожиточный минимум (ПМ), подоходным налогом не облагать; превышающие 1 ПМ – облагать налогом 10%, выше 2 ПМ – 20%, выше 5 ПМ – 40%, выше 10 ПМ – 60% (кстати, в европейских странах максимальные налоги, также до 50–60%). Тогда средняя ставка подоходного налога составила бы 30% против нынешних 13%, причем основная тяжесть налогового бремени легла бы на лиц с достаточно или очень высокими доходами, живущих в основном не за счет труда, а за счет капитала (концентрация трудящихся в младших, а предпринимателей – в старших децилях подтверждается и расчетами в системе НДС, см., например, рис. 8.1). Немного иной вариант шкалы для НДФЛ – 15% свыше 2 ПМ, 20% свыше 3 ПМ и т.д., был представлен ИСЭПН РАН. Примерно тот же смысл имело предложение акад. В.М. Полтеровича (ЦЭМИ РАН): не взимая НДФЛ с бедняков, оставить 13% для заработка не более 1000 долл., а с более богатых брать 25%. Существенное дополнение, не взимать налог до годового уровня ПМ не только работника, но и его детей – выгодно отличалось от предложения ИСЭПН РАН взимать налог 10% с любого дохода ниже МРОТ (Козлов, 2005; Социальные проблемы..., 2007).

В последние годы неоднократно поднимался вопрос о прогрессивной шкале подоходного налогообложения по уровню не личных, а семейных доходов. Для анализа этого уровня можно использовать проведенные на микроуровне моделирования в системе НДС расчеты различных видов семейных доходов, в том числе с учетом разных видов ПМ, включая ПМ простых семей тех или иных типов, рассмотренных в части 2 работы (Тарасова и др., 2016). Можно учитывать либо только официальные активные доходы членов семей, либо и скрываемую их часть (доходы «теневиков» – членов семей и скрытые доходы официально занятых членов семей) при институциональном сценарии, проиллюстрированном в табл. 8.5. На основании показателей для 170 типов, совокупность которых практически охватывает все семьи, уже можно вычислять объем НДФЛ по выбранному варианту прогрессивной шкалы.

При использовании для анализа параметров социальной политики не обобщенных (макрэкономических) данных государственной статистики «сверху», а результатов социологических и социально-экономических обследований населения «снизу», следует учитывать существенно меньшую достоверность таких, субъективно сообщаемых населением данных о своих скрываемых доходах. Все представленные нами выше в виде графиков и таблиц результаты расчетов, доказывающие неэффективность ввода плоской шкалы НДФЛ, отражали последствия этого ввода при анализе официальных и скрываемых доходов «сверху», по данным и оценкам макроуровня для страны в целом. При анализе «снизу», по результатам опроса населения в рамках мониторинга РМЭЗ (Российского мониторинга экономического благосостояния и здоровья населения), использованным в отмеченной первой Национальной премией по прикладной экономике работе Ю. Колесниченко, С. Питер и др., был получен противоположный результат (озвученный на XI Международной конференции по проблемам развития экономики и общества 8.04.2010 г. в докладе С. Питер (Материалы сайта ГУ ВШЭ, 2010; Прохорова, 2010; Сульtimiова, 2010)), а именно: ввод плоской шкалы вызвал рост объема НДФЛ.

Не ставя под сомнение компетентность этих авторов в применяемом эконометрическом аппарате и общую корректность методов их расчетов, напомним о ненадежности

«фундамента» их построений – ответов российских респондентов о своих доходах. Невзирая на применяемые общепринятые (не семиотические!) методы контроля, известные по (Сваффорд и др., 1999а, 1999б), такие ответы обычно в той или иной степени все же успешно камуфлируют скрываемую часть доходов, а лишь ее учет в нашем анализе «сверху» позволил дать обоснованную оценку в целом. Не случайно при бюджетных обследованиях потребления семей Росстату удается учесть только официальную его часть, скрываемые доходы остаются не выявленными. К тому же, как и в РМЭЗ, не опрашиваются наиболее богатые группы населения, к которым относятся самые зажиточные предприниматели, собственники и т.п., т.е. именно склонная к наиболее «масштабному» утаиванию доходов категория. Все эти обстоятельства ведут к существенному искажению получаемых результатов, и именно этим мы объясняем выявление в указанной работе положительной зависимости роста объема подоходного налога от ввода плоской шкалы – зависимости, невозможной по макроэкономическим оценкам при учете скрываемых доходов. С семиотической точки зрения, здесь налицо явно недостаточный учет одного из важных семиотических аспектов, описанных в части 2 (Тарасова и др., 2016), а именно, прагматического аспекта контроля при обработке данных, полученных в результате опроса.

8.3. Доступность жилья для простых семей

Понятно, что поиску работы с более высокой оплатой труда (для практического обеспечения конституционного права россиян на выбор такой работы) трудящимся часто мешают жилищные проблемы. В связи с этим остановимся на проблеме доступности жилья для населения РФ. Она определяется возможностью, во-первых, получения жилья (в основном, «очередниками» и переселенцами) на условиях социального или коммерческого найма; во-вторых, приобретения гражданами РФ коммерческого жилья, еще не эксплуатировавшегося по назначению, и незавершенных строительством жилых объектов на первичном рынке жилья либо использовавшегося ранее иными владельцами – на вторичном рынке.

Ассоциация строителей России составила в 2008 г. «Концепцию социальной жилищной политики и социального жилья в Российской Федерации», относящуюся к исходным семьям (домохозяйствам, учитываемым госстатистикой). Предлагалось выделить две категории граждан, нуждающихся: первая – в социальной защите, поскольку их семейных доходов недостаточно для покупки жилья даже с государственной поддержкой (в этом случае нужно предоставлять жилье по социальному найму без права приватизации); вторая – в социальной поддержке, если более высокий семейный доход все же недостаточен для покупки жилья (и тогда оно предоставляется в наем или с использованием субсидий, скидок и т.п., в собственность). При этом предлагалось сопоставлять семейный доход не с ПМ, согласно Жилищному кодексу, а с уровнем доходов среднестатистической семьи, предоставляя жилье безвозмездно имеющим до 30% этого уровня. По нашим расчетам, отношение среднедушевых доходов уже не исходных, а рассмотренных ранее в части 2 простых семей (по их социально-демографическим типам) к аналогичному по РФ в 2005 г. для больших семей из 5 и более человек было ниже границы в 30% для семей стипендиатов, пенсионеров и безработных с пособием (тем более с детьми и (или) другими иждивенцами). Общая доля таких семей составляла 10,3%; в основном они состояли из 1–3 человек, так как в малых простых семьях дифференциация доходов вчетверо выше, чем в

больших. К 2010 г. в число 30%, указанных Ассоциацией, могли попасть и большие семьи с трудящимися. Это означает, что наличие работы не гарантирует от малости и даже минимальности дохода семей. Данное обстоятельство весьма отличает Россию от развитых стран, являясь еще одним (и серьезным) аргументом для пересмотра политики оплаты труда и жилищной политики. Стоимость жилья, в среднем вдвое превышающая себестоимость строительства, такова, что к концу 2007 г. его могли купить, по мнению бывшего тогда первым вице-премьером Д. Медведева, лишь около 20% населения (а ранее – и того меньше); купить же на свои средства, без продажи старого жилья и без кредитования, могли менее 5%. Сверхбыстрый рост строительства и ввода жилья сочетается с опережающим ростом цен на него; поскольку действует нацеленность этого бизнеса на высокий уровень цен и доходности, соответственно не развивается рынок массового жилья (правда, эта ситуация, судя по Москве, несколько изменялась с «помощью» кризиса).

Для определения доступности коммерческого жилья Всемирный банк и Центр по изучению поселений человека при ООН (UNCHS–Habitat) с учетом межстрановых сравнений рекомендовал такой показатель, как количество лет накопления среднестатистическим домохозяйством *всего* своего денежного дохода для покупки условной средней квартиры по ее «ценовой доступности» (отношение рыночной цены к медианному годовому доходу). В 2007 г. такое среднее ожидание покупки квартиры составляло от 2,7 года в Нью-Йорке до 7,8 лет в Амстердаме. По оценкам ИСЭПН РАН, для России в 2003 г. это составляло 4,6 лет (с использованием среднего душевого дохода вместо медианного); при учете расходов на текущие нужды по стоимости ПМ – 10–11 лет; при расчете для каждой семьи отдельно, безотносительно к среднему уровню доходов, 12,7 лет (Социальные проблемы..., 2007). Неточность такого показателя доступности жилья в условиях РФ вызвана сложностью прогнозов даже ориентировочных цен на российскую недвижимость. Поэтому более корректен предлагаемый динамичный годовой показатель, соответствующий ценам каждого года. Он может рассчитываться для простых домохозяйств разных социально-демографических типов, определяемых по количеству всех членов семьи и принадлежности их к различным социальным группам в зависимости от основных источников их доходов. Для каждого конкретного года такой показатель есть результат сопоставления средней стоимости 1 м² жилья с различными вариантами семейных доходов: с учетом скрываемых доходов населения или без них; с учетом расходов на уровне ПМ семьи определенного типа или без такого учета (Тарасова, 2009б, 2010б, 2012а, 2013а; Тарасова, Васильева, 2011; Тарасова, Васильева, Сушко, 2009а, б; Тарасова и др., 2009).

Это позволяет рассчитать количество м², которое могла бы купить в определенном году основная часть российских семей на тот или иной вариант семейного годового дохода, в том числе включая скрываемый доход или же с учетом расходов на уровне ПМ семьи (см. табл. 8.8. для 2005 и 1998 г.). По опубликованным ценам первичного рынка жилья, в 1998 г. в среднем семья из пяти и более человек могла купить примерно 10 м² или же, при учете расходов на уровне ПМ семьи, 4 м²; из трех человек – 9 м² или 5 м² и т.д. К 2005 г. эти величины выросли примерно вдвое (см. рис. 8.6): в среднем для 1 члена семьи можно было купить от 3,8 (и даже менее) до 5,4 м², а с вычетом соответствующих видов ПМ – от 2,4 (и менее) до 4 м². Но были типы семей с минимальным доходом, в том числе, как уже отмечено ранее, большие семьи с 1 трудящимся, не имеющие надежды на приобретение жилья даже в будущем.

**Доходы демографических типов простых семей
в ценах первичного рынка жилья в 1998 и 2005 г.**

Демографические типы k семей*	Годовой доход семьи в ценах 1 м ² жилья, 1998 г.		Годовой доход семьи в ценах 1 м ² жилья, 2005 г.	
	Весь доход	Без ПМ семьи	Весь доход	Без ПМ семьи
$k=1$	2,9	1,8	4,9	3,5
$k=2$	5,6	3,2	9,9	7,0
$k=3$	8,8	5,1	16,2	11,9
$k=4$	9,6	4,7	19,0	13,2
$k=5$	10,0	4,0	19,1	12,0
В среднем по выборке	6,7	3,7	10,8	7,7
В среднем по РФ	6,9	3,6	10,7	6,8

* k -семья – домохозяйство из k членов при $k < 6$; для больших домохозяйств (из 5 и более человек) $k=5$.

Источник: наши расчеты по оценкам в системе НДП, данным Росстата и Департамента жилищной политики и жилфонда (ранее – Комитета муниципального жилья) г. Москвы.

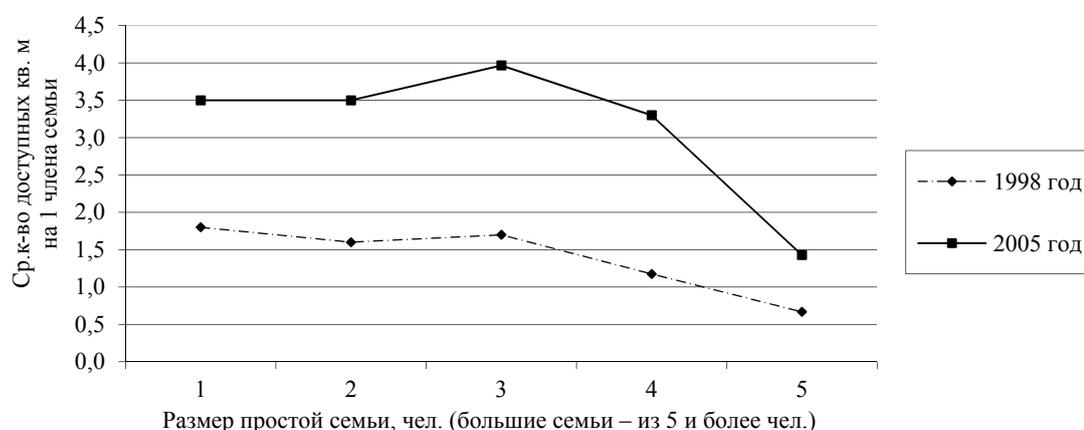

Рис. 8.6. Оценки (за 1998, 2005 гг.) среднесемейного душевого дохода простых семей пяти демографических типов в ценах 1 м² жилья на первичном рынке

Российская жилищная ситуация была особо неблагоприятна в условиях кризиса 2008 г., когда такие страны, как Норвегия, реально увеличивали государственную помощь семьям в приобретении жилья (Рогов, Зотов, 2009), при этом в РФ даже более скромные намеченные меры практически не осуществлялись. Так, для многочисленных «очередников» на социальное жилье в Москве продекларированная выдача субсидий – ради срочного приобретения платного жилья вместо долго ожидаемого социального – оказалась нереализованной, быстро прекратившись из-за недостаточности реально выделенных бюджетных средств. Правда, в форс-мажорных обстоятельствах, при пожарах лета 2010 г., как правило, погорельцы срочно получали помощь в виде строительства нового жилья, обычно на месте сгоревшего, хотя и тут иногда возникали проблемы: то местные власти без согласия погорельцев начинали переселять их в другие места; то, наоборот, не могли переселить немногих сохранивших свое жилье «недогорельцев» (термин из Комсомольской правды, 17.09.2010) из фактически исчезнувших поселений, где не осталось ни предприятий (т.е. работы), ни магазинов, ни дорог.

8.4. Ущерб, нанесенный населению коммерциализацией социальной сферы

Помимо цен на жилье, немалую проблему представляет рост цен на жилищно-коммунальные услуги (ЖКУ), т.е. услуги ЖКХ. По федеральному стандарту, допустимый максимум оплаты услуг ЖКХ в 2004 г. составлял 22% совокупного дохода семьи, но и в 2007 г. для 15% населения РФ эта доля все же превышала 50%, так что представляются сомнительным такое утверждение из (Смирнов, Исаев, 2007), что фактические расходы домохозяйств в целом постоянно и существенно ниже федерального стандарта (хотя там же приведена оценка ПМ, необходимого для федерального стандарта-2004 – такого ПМ в 2243 руб., которого не менее 23% респондентов не имели). Спорно и утверждение авторов о возможности адаптации к новым условиям оплаты жилья и ЖКУ населения из нижних децилей по располагаемым ресурсам (поскольку, мол, последние росли быстрее роста федеральных стандартов по ЖКУ), тут игнорируется сверхнизкий исходный уровень этих ресурсов. Мнение авторов, что задачу реформирования оплаты ЖКУ уже «в целом удалось решить относительно безболезненно с социальной точки зрения для абсолютного большинства семей», было бы верным, если забыть об отсутствии в указанном большинстве наиболее социально незащищенных и небогатых семей (намного сильнее пострадавших от реформы ЖКХ), т.е. фактически рассуждать *не* с социальной точки зрения. В том же источнике приведены весьма существенные оценки отнюдь не социального характера жилищной реформы, а именно: повышенная доля оплаты жилья и ЖКУ у шести нижних децилей населения и пониженная, у оставшихся более богатых 40% (децили 7–10). Результатом явилось углубление и без того чрезмерной дифференциации населения вследствие осуществления реформ ЖКХ фактически в интересах зажиточных слоев. Ситуация усугубляется региональной дифференциацией населения, остающейся и после введения региональных стандартов, которые учитывают прежде всего финансовые потребности ЖКХ, а не реальный уровень доходов населения (не случайно в условиях кризиса 2008 г., когда особо страдала платежеспособность населения моногородов, собираемость оплаты ЖКУ там падала на 40–60%).

Достаточно значащим является вопрос об определении, хотя бы ориентировочном, того потребительского (денежного) ущерба, который причинили населению России реально осуществляемые методы и способы коммерциализации всей социальной сферы (Тарасова, 2012а, 2012б; Фаерман, Хачатрян, 2006). Величину ΔC годового потребительского (денежного) ущерба населения от ее реформы по отношению к выбранному начальному году можно определить стоимостью того добавочного объема потребления социальных услуг, который позволил бы (при растущих тарифах на эти услуги) сохранить прежнюю структуру потребления, с теми же долями оплат потребляемых услуг социальной сферы, что и в начальном году. Для такой ориентировочной оценки этого ущерба ΔC , предложенной в 2002 г. д.э.н. Е.Ю. Фаерманом, использовалась схема, включающая деление потребительских расходов семей (C) в каждом году на три вида благ соответственно трем секторам социальной сферы: сектор потребительских товаров в сопоставимых ценах с пренебрежимо малым ущербом (так как физическая структура потребляемых товаров меняется незначительно), – именно поэтому далее этот ущерб не учитывается; сектор H жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ); сектор U прочих социальных услуг (ПУС).

Сохранив это деление, позднее мы существенно скорректировали такой расчет ущерба с помощью предлагаемого семиотического контроля показателей (Тарасова, 2012б). При контроле семиотических аспектов удалось выявить тождественность семантики синтаксически разных, то есть различно обозначенных понятий: «объем потребления для 1 чел.» (по Росстату) и «среднедушевое официальное потребление» (по расчету в системе НДП); или (по Е.Ю. Фаерману) – «доля сегмента в стоимостной структуре потребления при неизменных тарифах» и «начальная доля блага». Соответственно, было выяснено, что используемые оценки Росстата относятся к структуре рассчитанного в системе НДП официального, без скрываемых доходов, потребления (C_0). Это вполне объяснимо реальной сложностью для Росстата и других организаций, например, в рамках РМЭЗ, о чем см. выше – выявления всех скрываемых доходов семей (иное истолкование данных госстатистики, как относящихся ко всему объему потребления, явно ошибочно¹³). Было выяснено, что величина потребительских расходов в среднем на 1 чел. по обследованиям бюджетов семей Росстатом практически равна рассчитанному нами среднедушевому среднемесячному, *официально* фиксируемому потреблению $c_0 = C_0/12N$, где N – численность населения РФ.

Кратко рассмотрим корректные методы расчета искомого среднегодового ущерба относительно 2000 г., принятого за начальный (когда ущерб равен 0). Для каждого следующего года можно найти соответствующую величину $\Delta C = \Delta C_0$, где в силу сказанного выше фигурирует не полный объем потребления C , также рассчитанный в системе НДП, а только «официальный». В этом случае ущерб населения в сфере ЖКХ (ΔC_{OH}) – тот добавочный объем потребления ЖКУ, который позволил бы при новых тарифах p_i^t для года t в секторе $i = H$ сохранить соответствующую начальному году $t = 0$ (здесь – 2000 г.) прежнюю структуру потребления, то есть начальную долю услуг (ζ_i^0 при $i = H$). В результате пригодные для анализа и прогноза ориентировочные оценки денежного ущерба ΔC_{OH} при оплате ЖКУ для любого года определяются по уточненной формуле:

$$\Delta C_{OH} = (\rho_H - 1) \zeta_H^0 C_0, \quad (8.1)$$

где ρ_H равно отношению предельных тарифов на ЖКУ для текущего и начального года, то есть отношению p_i^t к p_i^0 при $i = H$. Учитывать здесь жилищные дотации и льготы в целом по РФ некорректно (их включение в счета по ЖКУ зависит от решений региональных властей, т.е. имеет региональную специфику).

Наши расчеты по (8.1.) показали, что оценки ущерба ΔC_{OH} , в 2001 г. сопоставимые с размером оплаты ЖКУ, к 2005 г. превышают его уже примерно в 9 раз, а к 2010 г. – почти в 26 раз (см. табл. 8.9).

По сектору U для прочих социальных услуг (ПУС), вместо предложенного в первоначальной схеме повторения аналогичных расчетов, нужные параметры определяются проще, по остаточному принципу. Здесь рост отношения ущерба к размеру оплаты намного ниже, чем в секторе H : от 0,5–1,2 раза в 2001–2002 гг. до 2,5–3 раз в 2005–2010 гг. При этом стоимость ПУС в 2001–2010 гг. выше, чем ЖКУ, в 2–5 раз, а размер ущерба по 2003 г. – примерно одинаковый; далее он снижается до 90% «жилищного» ущерба в

¹³ Например, такая ошибка привела (наряду со многими другими), при некорректном произвольном использовании показателей системы НДП, к неверным оценкам ущерба населения в статье «Сектор жилищно-коммунальных услуг: как его реформировать» (Человек и труд. 2009. № 12).

2005 г. и до 60% – в 2010 г. Видимо, все это свидетельствует о сравнительной стагнации в сфере реальных ЖКУ (при бурном росте тарифов на эти услуги) и об активном реальном развитии ПУС. Результаты таких расчетов, отраженные на рис. 8.7, относятся к населению страны; но тот же график и те же качественные оценки действительны и для среднесемейных расчетов (с иными единицами измерения доходов по оси ординат).

Таблица 8.9

Динамика оценки потребительского (денежного) ущерба населения от роста цен на ЖКУ (сектор Н) и прочие услуги социального характера – ПУС (сектор У) в текущих ценах и ценах 2000 г. (млрд руб./год или руб./месяц)

Показатели (с прогнозом на 2010 г.)		2001	2002	2003	2004	2005	2010
C_0	«Официальное» потребление населения, цены 2000 г.	2629,8	2914,1	3072,6	3455,1	3945,5	6115,5
	текущие цены	3195,2	4100,1	415,4	6129,6	7888,6	17 696
c_0	Среднемесячное среднедушевое официальное потребление, цены 2000 г.	1501,3	1671,2	1770,8	2001,5	2296,8	3624,6
	текущие цены	1824,1	2351,4	2832,7	3550,9	4592,3	10 488
ρ_H	Отношение тарифов по Н в текущем году к 2000	1,568	2,333	3,003	3,708	4,921	10,888
C_{OH}	Оплата ЖКУ в структуре c_0 , цены 2000 г.	60,5	62,5	67,9	73,7	77,5	108,4
	темпы роста, %	100,1	103,3	108,7	108,5	105,1	106,8
	Оплата ЖКУ в структуре c_0 , текущие цены	94,9	145,8	204,0	273,4	381,2	1180,1
ΔC_{OH}	Ущерб населения по ЖКУ, год, цены 2000 г.	68,7	178,7	283,1	430,5	711,7	2781,7
	текущие цены	107,7	416,9	850,1	1526,3	3502,3	30287
Δc_{OH}	Среднедушевой среднемесячный ущерб по ЖКУ, руб. цены 2000 г.	39,2	102,5	163,1	249,4	414,3	1648,7
	текущие цены	61,5	239,1	489,8	924,8	2038,8	17951
ΔC_{OU}	Ущерб населения по ПСУ, год, цены 2000 г.	68,0	182,2	284,0	419,2	631,2	1656,2
Δc_{OU}	Среднедушевой среднемесячный ущерб по ПСУ, руб. цены 2000 г.	38,8	104,5	164,7	242,8	367,5	981,6
ΔC_0	Суммарный ущерб населения за год, цены 2000 г.	136,7	360,9	567,1	849,7	1342,9	4437,9
Δc_0	Суммарный среднедушевой среднемесячный ущерб, руб. цены 2000 г.	78,04	206,98	326,82	492,24	781,76	2630,3

Источник: наши расчеты по оценкам в системе НДП, оценкам МЭРТ, данным обследований бюджетов семей Росстатом (Госкомстатом).

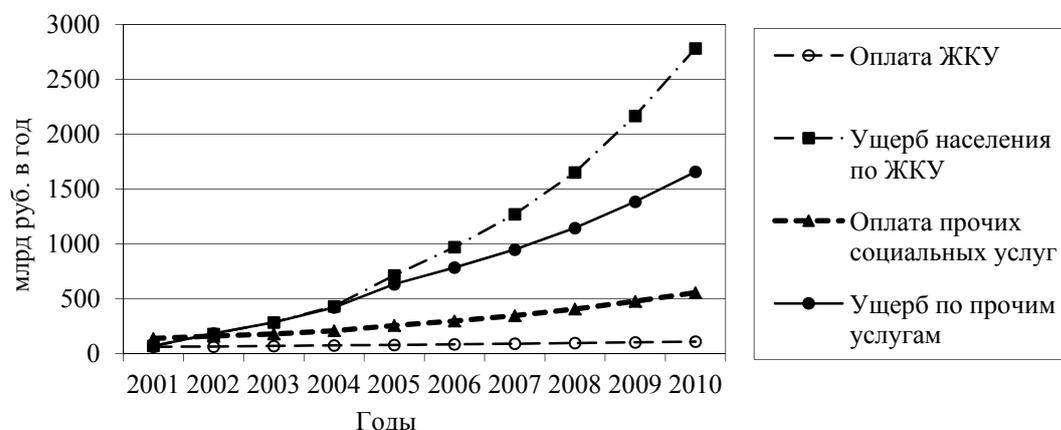

Рис. 8.7. Динамика оценок потребительского ущерба населения (цены 2000 г.) от коммерциализации социальной сферы

Не привела к сколько-нибудь обоснованным и конструктивным построениям попытка при оценке реформы оплаты ЖКУ использовать критерий оптимальности по Парето (когда никого из членов общества нельзя сделать более благополучным, не сделав другого менее благополучным). Поскольку принципиально несравнимы – по их социальному значению для бедных и богатых слоев России – последствия реформ таких жизненно необходимых для всех услуг, как ЖКУ, то корректность применения в данном контексте этого критерия представляется для российских условий, как минимум, спорной. И не только нам: существуют явно актуальные для условий России «сомнения в справедливости и тем самым правомерности предпосылки о паритетности интересов различных... классов, социальных групп и т.д.» (Данилов-Данильян, 2003). Эта несравнимость последствий реформы вызывается такой спецификой РФ, как чрезвычайно высокая дифференциация доходов населения с перекладыванием основного груза реформ ЖКХ на бедные слои. Учитывая эту специфику, более логичным может оказаться определение принципа социальной справедливости в данной сфере по Дж. Роулзу: максимизация полезности для той группы населения, для которой она минимальна (Гаврилец, 2003). Но и это требует более тщательного изучения из-за российской специфики, когда полезность реформы равно минимальна и для олигархов, и для «бомжей», хотя и по разным причинам.

9. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ СОЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ПО РФ И ГРУППАМ СТРАН

9.1. Структура госрасходов социального назначения в РФ

Отставание РФ от развитых стран по уровню развития социальной сферы, определяемого заниженным уровнем госрасходов социального назначения (Тарасова, Васильева, 2009в, 2012, 2013в), к тому же, при «несоциальном» характере общей функциональной структуры доходов населения и его поляризации по уровню жизни (см. разд. 8.1) – это тяжелое наследие того характера реформ, который определял их проведение в нашей стране. Последние годы передкризисном 2008 г. характеризовались некоторой интенсификацией социальной политики, попытками приблизить социально-экономическое законодательство к условиям социального государства, которым должна являться Россия согласно Конституции. И все же эти проблемы очень далеки не только от практического решения (что является задачей развитых стран), но и явно недостаточно исследованы теоретически. Именно потому, что для развитых стран эти вопросы фактически рассматриваются уже на практическом уровне, они не привлекают особого внимания зарубежных исследователей. В нашей стране они рассматривались на уровне самых общих положений (например, в публикациях АТиСО и на проводимых там конференциях, в работах Центра теории социального государства Института социо-экономических исследований АТиСО). Более конкретно, но изолированно, без их комплексного анализа, некоторые из этих вопросов рассматривались д.э.н., проф. В.Д. Роиком в (Роик, 2008) в рамках иной тематики, поэтому – не все вопросы. И хотя прагматика российской ситуации отражена во множестве публикаций, но таковые рассматривают лишь конкретные аспекты, анализируя проблемы либо бюджетной системы, либо финансирования того или иного раздела (образования, здравоохранения и пр.) социальной сферы, либо ситуации кризисного периода.

Необходим детальный экономический анализ характера и степени отставания России при *комплексном* подходе к данным вопросам с выявлением их динамики, для чего требуется соответствующая статистическая база (с обеспечением достоверности всех показателей). Поэтому наши разработки комплексного характера, обеспеченные именно такой, к тому же развиваемой статбазой в системе НДП, заполняют пустующую нишу в общем спектре исследований (Тарасова, 2012в; Тарасова, Васильева, 2009в, 2012), в том числе по образованию (Тарасова, Васильева, 2010в, 2010г) и здравоохранению (Тарасова, Васильева, 2010а, 2010б). Подобная аналитическая работа имеет определяющее значение, например, для конструктивной и обоснованной постановки проблемы общих социальных стандартов, т.е. норм государственного «поведения» по отношению к населению (Тарасова, Васильева, 2009в).

В структуре расходов консолидированного бюджета (КБ) на социально-культурные мероприятия выделяются: образование; здравоохранение, спорт и физическая культура; культура, искусство и кинематография; социальная политика (фактически последнее – это социальная защита населения, его социальное обеспечение). Рассмотрим динамику таких расходов с 1995 г., что соответствует периоду оценок ЮНЕСКО для этой сферы, используемых нами далее. Эти расходы росли (до 56% доходов бюджета и 57% расходов в 2012 г.), что отражено в табл. 9.1 и в табл. 2.1 прил. 2, но определить «соци-

ально-экономическую логику» динамики их общего объема затруднительно. Видимо, изменения этих сумм говорят об их остаточном, а не о социально-экономическом характере, что противоречит мировой тенденции возрастания роли социальных проблем (и соответствующих госрасходов на их решение) и значения человеческого капитала.

Таблица 9.1

Госрасходы на социально-культурные мероприятия в консолидированном и федеральном бюджетах (КБ и ФБ) РФ (млрд руб. в ценах 2008 г. и текущих; %)*

Показатели	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Расходы на социально-культурные мероприятия в КБ (цены 2008 г.)	2070,33	1820,89	5630,83	6103,25	6867,98	7122,10	8313,84	8701,26	8378,85	9167,46
темпы роста, %		106,19	208,30	108,39	112,53	103,70	116,73	104,66	96,29	109,41
% к доходам бюджета	29,54	25,57	42,45	42,79	43,55	44,50	62,35	63,21	53,92	56,39
% к расходам бюджета	26,56	27,37	53,40	54,28	51,17	50,90	52,84	57,52	56,24	57,02
в том числе на образование в КБ	918,90	728,83	1239,65	1391,30	1584,20	1658,10	1748,64	1626,09	1662,82	1774,78
темпы роста, %		105,68	113,25	112,23	113,86	104,66	105,46	92,99	102,26	106,73
Расходы на социально-культурные мероприятия в КБ (текущие цены)	129,1	536,4	364,2	4546,4	5822,3	7122,1	8479,6	10133,8	11245,9	13215,2
в том числе ФБ	19,6	134,3	476,2	616,4	776,1	1015,7	1205,5	1260,7	4370,6	5290,5
доля в КБ, %	15,18	25,04	13,08	13,56	13,33	14,26	14,22	12,44	38,86	40,03
в том числе на образование в КБ	57,30	214,70	801,8	1036,40	1343,00	1658,10	1783,50	1893,80	2231,80	2558,40
в том числе на образование в ФБ	9,00	38,10	162,10	212,40	294,60	355,00	418,00	442,80	553,40	603,80
доля в статье КБ, %	15,71	17,75	20,22	20,49	21,94	21,41	23,44	23,38	24,80	23,60

* Наши расчеты по данным Росстата.

На рис. 9.1, 9.2 и в табл. 1.1, 1.2 в прил. 1 отражены расходы федерального бюджета на социально-культурные мероприятия и их отношение к статьям консолидированного бюджета. В целом эта доля, равная 23–28% в 1997–2001 гг. и резко выросшая до 45,6% в 2002 г. (из-за расходов по последнему разделу – «социальная политика»), далее снижалась до 13–14% в 2005–2007 гг. Следовательно, в эти годы происходило явное перенесение тяжести социальных расходов на региональные бюджеты. Противоположная тенденция, хотя весьма слабо выраженная, присуща только федеральным расходам на образование (см. табл. 9.1). По разделу «социальная политика» (чья динамика доли обычно превалирует в общей, как видно из рис. 9.2, 9.3) из федерального бюджета после «скачка» в 2002 г. до 77% оплачивалась все меньшая часть расходов – 44%, 38% – вплоть до 10% в 2005–2006 гг. Таким образом, забота о социальной защите населения стала тогда фактически задачей регионов, бюджеты которых явно не всегда способны выдержать эту нагрузку. Региональные различия в госфинансировании вообще были велики, в 10–12 раз на душу населения (с учетом оплаты услуг ЖКХ и объективной разницы в оплате труда в 4–5 раз), что явно требует выравнивания, меньшей централизации управления.

При анализе общей структуры таких расходов динамика долей отдельных статей консолидированного бюджета (по 4 разделам социальных расходов) представлена в

прил. 1 на рис. 9.2, 9.3 и в табл. 1.1, 1.2 и 1.5. На рис. 9.3 наиболее заметна обратная зависимость расходов на социальную политику, с одной стороны, и с другой, на образование или здравоохранение. Таким образом, рост первых в 2002 и 2005 г. шел за счет фактического снижения иных социальных расходов, усиливаемого ориентацией «на прибыль» при реформировании этих областей.

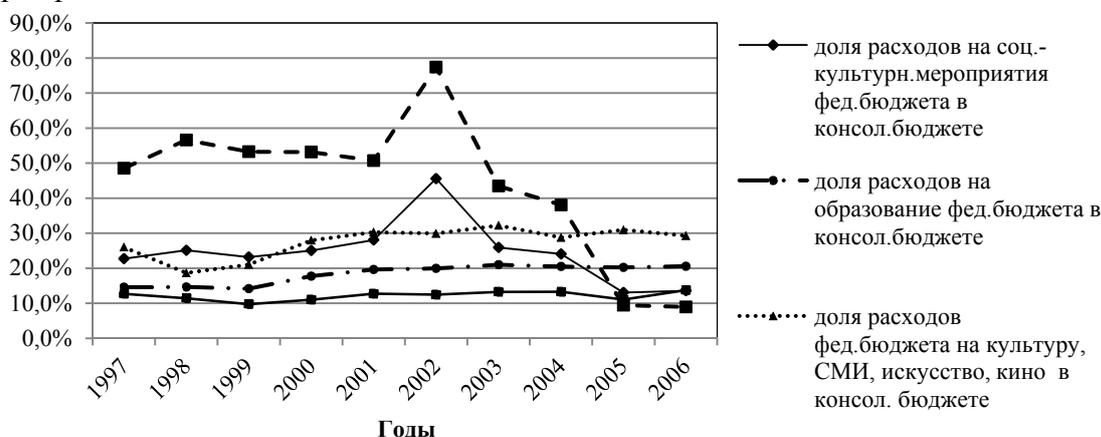

Рис. 9.1. Динамика долей социальных расходов федерального бюджета в консолидированном

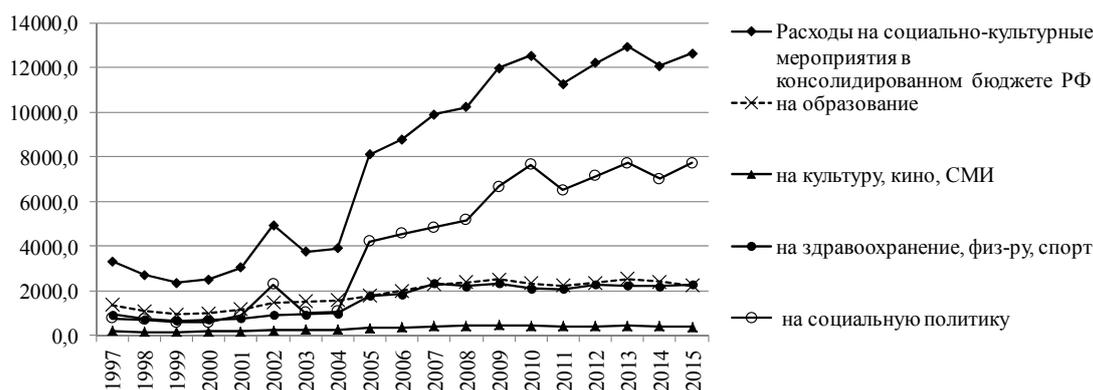

Рис. 9.2. Динамика расходов консолидированного бюджета РФ на социально-культурные мероприятия, млрд руб. 2011 г.

Подобную методику («тришкиного кафтана») вряд ли можно считать приемлемой при финансировании социальной сферы; к тому же снижение расходов на образование и здравоохранение никак не отвечает реальным требованиям практики в настоящее время и тем более, будущим потребностям общества. Отметим, что именно эту «методику», ведущую к снижению важных социальных расходов, нередко используют у нас на разных региональных уровнях. Так, во Владивостоке ради финансирования строек для саммита АТЭС–2012 (Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества) в рамках прежнего регионального бюджета размер социальных расходов был снижен на 37% (по здравоохранению – на 40%).

Рассмотрим несколько подробнее ситуацию по каждому из 4 разделов социального назначения (см. прил. 1). В сфере *образования* в РФ выявляется явно диктуемая «сверху» нацеленность на экономию госрасходов за счет перекалывания их на наши (в основном, небогатые) семьи при росте платности, прежде всего, высшего образования, притом иногда уровень таких частных, нередко нелегких для семей, «инвестиций в будущее» оценивается

еще и как недостаточный¹⁴. Это отнюдь не соответствует истинным основным (государственным) целям образования и затрудняет (если не перекрывает) доступ значительной части населения к нему на современном уровне при сверхвысокой и растущей дифференциации доходов населения России, весьма неполно отражаемой госстатистикой (Суворов, 2008).

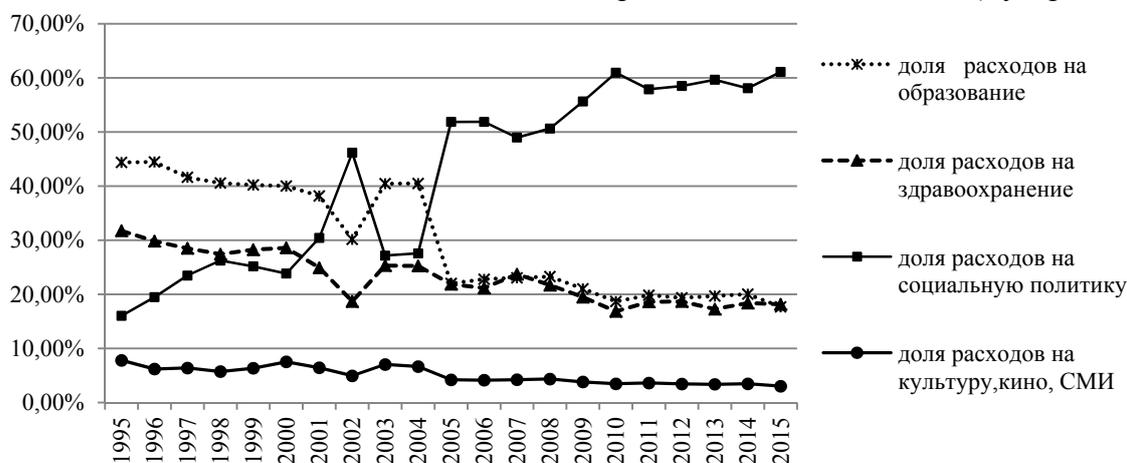

Рис. 9.3. Структура расходов консолидированного бюджета РФ на социально-культурные мероприятия

Фактическое ущемление права на образование происходило и при так называемой «оптимизации сети образовательных учреждений». Укрупнение школ (в частности, в Москве) далеко не всегда улучшает качество обучения. В рамках программы упразднения малокомплектных школ были закрыты тысячи сельских школ (Варшавский, 2007), причем дороги и транспорт для поездок школьников есть не везде, а уровень дистанционного обучения – в качестве основного вида обучения – все же более низок. Это может приводить даже к «упразднению» сел и деревень. К тому же здесь явно используется оскорбляющая подряд всех учителей малокомплектных школ «министерская» логика: чем меньше школа, тем хуже образование. В качестве «малокомплектных» или из-за низкого финансирования могут закрыться, формально слившись с общеобразовательными, даже специализированные школы для детей с серьезными заболеваниями. Добавим, что иногда допускаются нарушения положений Конституции РФ и федерального законодательства о свободе совести, важных для социального мира в многоконфессиональной и много лет атеистической России. Так, ранее вместо изучения культуры основных религий мира, расширяющего кругозор школьников, в 5 регионах был введен только курс «Основы православной религии»). Еще более необоснованной представляется трата немалых государственных средств, даже в период кризиса 2008 г., на весьма спорные (судя по массовым откликам специалистов) и непосредственно касающиеся учебных заведений меры по радикальному «обновлению» русского языка и словарей.

Наконец, далеко не в последнюю очередь успехам образования мешают проблемы с питанием (а отсюда, и здоровьем) детей в школе. Не говоря уже о недостаточности проверок школьных столовых (точнее, работы соответствующих ООО и т.п. организаций) со стороны СЭС один раз в 3 года, вообще недопустима экономия на детях, неизбежная при

¹⁴ Это прозвучало, например, в пленарном докладе ректора НИУ ВШЭ Я.И. Кузьмина на XI Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Материалы сайта ГУ ВШЭ..., 2010).

выборе этих ООО на тендерах, где главный критерий дешевизна, т.е. сугубо экономический подход (иногда определяемый просто близостью к «нужным» чиновникам).

На XV Апрельской международной конференции – 2014 в ВШЭ (Москва) вице-премьер О.Ю. Голодец заявила, что «новые стандарты образования» уже, в основном, внедрены в дошкольное и школьное образование, а через 2 года то же произойдет со студентами. В общем, сугубо «мэйнстримовски»-экономический подход («оптимизация» как получение прибыли при сокращении госрасходов) в образовании постепенно подменяет собой иной – целеориентированный, содержательный (Земляков, 2010). Активное некритическое внедрение западных «стандартов образования» чревато, например, превращением наших бывших «достаточно интеллигентных читателей» в «наивных читателей», по терминологии академика А.Н. Колмогорова (Колмогоров, 1966).

На развитие *здравоохранения* идет малая часть общего объема инвестиций в экономику, в ее основной капитал, например, 2,6–2,7% в 2005–2006 гг.; из них 69–76% составляли бюджетные средства (в том числе 16–20% – федеральные, 46–48% – субъектов РФ). С 2006 г. финансирование приоритетного национального проекта «Здоровье» добавляло в среднем в год 10% госрасходов на здравоохранение, что не устраняло их явной недостаточности. В то же время, вместо затрат почти $\frac{1}{4}$ средств проекта на дорогостоящее строительство 14 новых центров (из которых в 2008 г. был введен в строй один), имело смысл переоснастить, модернизировать уже имеющиеся центры с повышением оплаты персонала. Отнесение к местным бюджетам, далеко не всегда «богатым», финансовых затрат на приобретение расходных материалов для нового оборудования привело к концу 2007 г., из-за нехватки средств на эти затраты, к простоя 5,8% единиц оборудования, приобретенного в 2006–2007 гг. на 1,5 млрд руб. (Шейман, Шишкин, 2009). Целесообразность затрат средств проекта «Здоровье» на строительство новых центров становится особо неочевидной на фоне вызывающей протесты населения «оптимизации по-министерски» сети не только больниц, но и роддомов путем их сокращения (например, в Белгородской области, Пензенской и др.), т.е. опасного для рожениц удаления от них быстрой медицинской помощи ради обеспечения финансовой прибыльности от концентрации «материнских капиталов». На данную тему, например, осенью 2010 г. достаточно откровенно высказался (по «Прямой линии» на сайте «Комсомольской правды») представитель пензенской власти А.Д. Гуляков: «Условия здесь диктует Федеральный центр, и если мы не будем их выполнять, то потеряем очень большие деньги в качестве дотаций. Роддома закрыты там, где они себя не оправдывают, не хватает квалифицированных специалистов, необходимого оборудования». Поскольку «оправдывать» себя роддома должны все же не прибылью, а при нынешней убыли населения особенно, столь важным всегда появлением новорожденных, то роддома просто нельзя удалять от рожениц. По поводу последней фразы А.Д. Гулякова: в Белгородской области, вскоре после модернизации, был закрыт роддом, организованный и оснащенный на высоком современном уровне.

Таким образом, и в образовании, и в здравоохранении доминантная нацеленность при «подушевом» финансировании на экономию госрасходов путем подобной «оптимизации» может вступать в противоречие со смыслом и целью функционирования столь важных в социальном плане отраслей, что недопустимо для России как социального государства. По мнению акад. В.Л. Макарова (Макаров, 2010), явная ориентации на прибыль означает не-

правомерный приоритет сугубо *предпринимательской* идеологии в *любых* сферах (социальных кластерах), не менее важных для страны, чем предпринимательский кластер.

Крайне низкий уровень финансирования может не только влиять на ухудшение здоровья населения РФ, но и оказываться одной из причин наблюдаемого сокращения его численности. Явная недостаточность российских госрасходов, и, соответственно, уровня государственного здравоохранения, связана, в частности, с двумя противоречащими друг другу очевидными обстоятельствами. Во-первых, имеется высокая и растущая хотя бы из-за крайне недостаточного необходимого внимания государства к условиям жизни небогатого большинства населения потребность в лечении этого большинства; уровень необходимых для этого госрасходов не достигнут. Во-вторых, имеется высокая (и растущая) стоимость частного лечения, часто недоступного для большинства населения РФ с учетом сверхвысокой дифференциации его доходов. Таким образом, рост потребности в медицинских услугах сопровождается ростом их финансовой недоступности для *большой*, если не *большей*, части населения. Кстати, борьбу с неравенством, которое у нас возникает из-за дифференциации и региональной, и по доходам, и по типам поселений, ВОЗ относит к приоритетным задачам государственной политики охраны здоровья населения (Шейман, Шишкин, 2009).

Об ухудшении здоровья российского населения говорят, например, следующие цифры: в 1990–2005 гг. выросла заболеваемость такими болезнями (зависящими от отсутствия государственной политики сбережения здоровья нации), как туберкулез (в 2,5 раз), женский алкоголизм (в 1,5 раза), врожденные аномалии у детей (в 3,5 раза), болезни органов пищеварения у детей до 14 лет (в 2,2 раза) (Варшавский, 2007). Знаковой в этом отношении можно считать замену в соответствующей статье расходов с 2005 г. «физической культуры» (безусловно, очень полезной для здоровья населения) на «спорт» (чья полезность в этом аспекте нередко проблематична и для самих спортсменов). Широкое развитие физкультуры давно лишилось приоритетного места в статье госрасходов (что отнюдь не возмещается дорогими фитнес-клубами), хотя в последнее время наметилась тенденция к исправлению этой ситуации.

Из иностранных инвестиций в здравоохранение львиная доля (90–80% в 2005–2006 гг.) идет на деятельность санаторно-курортных учреждений. Доля санаторно-оздоровительных платных услуг населению при этом снижалась (от 3,4% в 1995 г. до 1,5% в 2006 г.). Выборочное обследование домашних хозяйств в 2006 г. показало, что из платных услуг в 10-м дециле доли услуг, медицинских, санаторно-оздоровительных, физкультуры и отдыха, превышают беднейший (1-й) соответственно в 6, 13 и 7 раз. Таким образом, от направленности иностранных инвестиций на санаторно-курортные учреждения более всего выигрывают самые богатые слои населения. Для бедных слоев вообще относительная доля расходов на лекарства и медицинские услуги в их бюджете в 1,5 раза весомее, чем аналогичная доля в бюджете богатых.

Что касается лекарств, то на XV «Апрельской» международной конференции–2014 в ВШЭ помощник Президента А.А. Фурсенко, говоря об усилении «за 10–20 лет... социально ориентированной политики» (хотя и с необеспеченным пока «социальным потенциалом экономических решений»), заявил о ее нацеленности на «уникальные потребности каждого человека», включая индивидуализацию лекарств. Это плохо согласуется с реалиями, например, с активной заменой (без какой-либо «индивидуализации») более эф-

фактивных импортных лекарств для «льготников» на менее эффективные (зато и менее дорогие) отечественные.

Низкий уровень расходов по третьему разделу, на *культуру, СМИ* и т.д., в определенной степени компенсируется высокой «самоокупаемостью» этой сферы, хотя стремление к популярности, определяющей уровень доходов, приводит к заметному снижению культурного уровня ряда деятелей культуры и немалой части публики. Так что и здесь экономия средств ведет к растрате человеческого капитала.

Наконец, в области *социальной политики* (точнее – социальной защиты населения) минимальные социальные гарантии до сих пор не соответствуют скромному уровню прожиточного минимума, явно недостаточного для нормальной жизни. Отметим, что он достигался с немалым трудом даже по средним размерам пенсий (в 1999–2001 и 2005 гг. они были ниже ПМ пенсионера), не говоря уже о минимальной пенсии, реально получаемой многими, или о стипендиях и пособиях. Оценки Всемирного банка о необходимости существенного подъема пособий и пр. отнюдь не преувеличены, об этом же говорят и данные Росстата.

Отметим некорректность употребления наименования «социальная политика» для этого раздела, включающего лишь содержание учреждений соцобеспечения и службы занятости, оказание социальной помощи, выплату пенсий военнослужащим и в правоохранительных органах, пособий работающим в этих органах и гражданам с детьми и т.п. Это только часть тех вопросов, которые действительно входят в сферу социальной политики. Иными словами, с семиотической точки зрения синтактика (наименование) понятия «социальная политика» не соответствует его семантике (объему).

9.2. Госрасходы на образование по группам стран

Проведем сравнительный анализ госрасходов социального характера в разных странах (см. табл. 1.1, 1.3 и 1.5 прил. 1, а также прил. 2, 3). Для корректных межстрановых сравнений можно использовать показатели социальных расходов разных стран в % к объему ВВП, что делается и Росстатом, и ЮНЕСКО для госрасходов на образование и здравоохранение. Эти общезначимые сферы достаточно сопоставимы по своей структуре и характеру (в отличие от гораздо более специфических национальных культур и мер социальной политики). Поэтому для сравнительного анализа используются опубликованные Росстатом оценки ЮНЕСКО по текущим и капитальным расходам органов власти всех уровней, полученные при унифицированном, едином подходе к объему этих показателей (т.е. их семантике) в разных странах, что необходимо для их корректной сопоставимости. В отличие от них, в национальных системах могут использоваться свои собственные оценки даже при международных сравнениях. Это можно проиллюстрировать на примере Германии: по (Statistisches Jahrbuch, 2008), в 2005–2006 гг. бюджетные расходы на образование в % к ВВП составляли там не 4,5–4,4% (по ЮНЕСКО), а 5,7–5,6% «в интернациональных границах» плюс 0,6% – в национальных¹⁵.

Используя оценки ЮНЕСКО, можно выделить 3 пересекающиеся группы стран для определения ориентировочных (ввиду неполноты исходных оценок), но качественно устойчивых средних значений по этим группам:

¹⁵ Данные по Германии получены с помощью бывшего научного сотрудника ЦЭМИ РАН В.В. Козырева.

- группа 1 – достаточно развитые западноевропейские страны (Австрия, Бельгия, Германия, Дания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Великобритания, Финляндия, Франция, Швеция);
- группа 2 – все развитые страны, включая Канаду и США (на уровне последних находятся Австралия и даже более «щедрая» Новая Зеландия); по здравоохранению – и Япония;
- группа 3 – бывшие соцстраны (народно-демократические) Европы.

Сравнительный анализ госрасходов РФ на социальные цели (% к ВВП) в сопоставлении с тремя уровнями по выделенным группам 1, 2 и 3 – европейским, мировым (который нередко ниже европейского) и бывших европейских соцстран – наглядно показал серьезность актуальной проблемы достижения Россией европейского или мирового уровня.

Динамика средних значений госрасходов на образование по РФ и этим группам и отношение оценок по РФ к «групповым» отражены в прил. 1 на рис. 9.4, в табл. 1.3 (см. также прил. 2, 3). Госрасходы на образование в РФ по их доле в ВВП (3–3,7%) составляли в 1998–2005 гг. лишь $\frac{1}{2}$ – $\frac{2}{3}$ от среднего уровня развитых стран (4,5–6,2% ВВП для группы 1 и 4,7–6,1% ВВП для группы 2). Более того, в 1998–2006 гг. эти необходимые траты в России не превышали $\frac{1}{2}$ – $\frac{3}{4}$ от уровня даже бывших соцстран из группы 3 (с 5,1–5,6% ВВП), испытывавших аналогичные нашим финансовым трудности переходного и последующего периодов.

Таким образом, явную заниженность российского уровня и в последующие годы вряд ли можно объяснить более благополучным финансовым положением в развитых странах; к тому же не наблюдается никакой положительной динамики указанного отношения по РФ и группам стран (она скорее неустойчива). В таких развитых странах, как США и Финляндия, именно наличие ставки, акцента на образование (в школе и далее в вузе) позволило этим странам успешно развиваться (Хлунов, 2009). При этом в финских школах заботятся о развитии буквально всех детей. Отметим, что в Финляндии лучшим учителем 2010 г. выбрали российского учителя математики, переехавшего из Казани, что еще раз доказывает – наше отставание вызвано отнюдь не низкой квалификацией российских кадров.

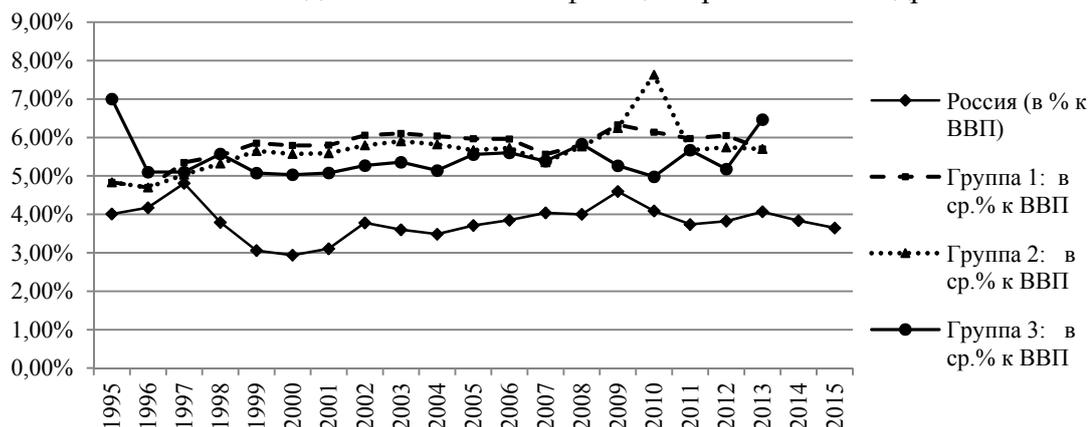

Рис. 9.4. Доля государственных расходов на образование в ВВП (%) по РФ и 3 группам стран

Все же при сопоставлении госрасходов по РФ и такой стране, как Германия, отраженных далее на рис. 9.6, нетрудно заметить относительную, сравнительно со здравоохранением, близость их в сфере образования. По Японии оценки затрат на образование (по здра-

воохранению ситуация иная, см. ниже) просто сопоставимы с нашими, поэтому здесь она не включена в группу 2. Возможно, специфичность японской системы образования, своеобразие традиций и организационной структуры общества позволяют такой развитой стране ограничиваться столь малыми затратами без существенного ущерба для уровня образования, требуемого реальными условиями Японии (при высоком уровне стремления населения к образованию студенты сами зарабатывают деньги на обучение, а дальнейшая учеба обычно ведется уже в рамках конкретной фирмы). При этом по индексу уровня образования Япония и Германия (0,946 и 0,953 в 2005 г.) все же несколько отставали от РФ (0,956).

В России не может не влиять отрицательно на сферу образования сверхвысокая и растущая дифференциация заработной платы и вообще доходов населения. Отрицательную корреляцию с коэффициентом Джини (по выборке из 45 стран) выявил анализ расходов на 1 студента (разных уровней образования) относительно ВВП на душу. По данным Всемирного банка для 26 стран, уровень неграмотности вообще положительно коррелирует с уровнем неравенства доходов населения (видимо, рост этого показателя в РФ привел к тому, что в России на 1 книжный магазин приходится в 4–6 раз меньше потенциальных покупателей, чем в Европе). Упорно осуществляемый курс на повышение платности образования чреват переносом из США на нашу почву (и, видимо, в ухудшенном варианте) таких явлений, как, например, более низкая занятость и доход даже в 33 года у имевших ранее низкий уровень доступа к образованию (Шестаков, 2009) либо всего лишь 10%-я вероятность обучения детей из семей небольшого достатка в лучших учебных заведениях (оценка получена в (Варшавский, 2007) по элитным колледжам США, где 75% и 15% студентов – из $\frac{1}{4}$ самых богатых семей и $\frac{1}{4}$ среднего класса с наибольшими доходами).

Заметим, кстати, что «министерски» поощряемое стремление к широкому переносу зарубежных вариантов обучения вряд ли так уж благотворно для российского образования. Не случайно академик В.И. Арнольд, весьма компетентный член Исполнительного комитета Международного математического союза, в (Арнольд, 2007) отмечал «традиционную для России, но далеко превосходящую все западные обычаи культуру мышления». Он утверждал, что: «в Америке думать не учат»; во Франции, занимающей 1-е место по неграмотности в Европе, 20% новобранцев неграмотны, а школьники, обучаемые формально законам сложения, не понимают, что такое дроби, так, студент, успешно обученный (автором) теории дифференциальных уравнений, на экзамене не смог без калькулятора узнать: $\frac{4}{7} > 1$ или $\frac{4}{7} < 1$? (Арнольд, 2012). Там же: «во всем мире, к сожалению, идет процесс снижения культурного и образовательного уровня, но... Россия и здесь, как и в других процессах, к счастью, отстает от мирового уровня». Точнее «отставала», но Россия это «отставание», похоже, усердно ликвидирует, судя по результатам ряда нововведений в среднее и в высшее образование.

Недостаточность госрасходов на социальные цели вызывает относительную завышенность соответствующих личных расходов граждан, в том числе на образование свое и детей (и основное, и дополнительное), что требует повышения уровня их доходов, прежде всего заработной платы (см. далее). В частности, сами работники сфер образования и здравоохранения в развитых странах, по данным МОТ, являются, в отличие от России, высокооплачиваемыми: так, в Германии оплата врачей и учителей старших классов вдвое выше, чем у продавцов, и на треть, чем у «транспортников»; в Великобритании и Италии – в 1,5–2 раза выше госслужащих; в Японии – в 3 раза больше шахтеров и, в ос-

новном, машиностроителей; и т.д. В США разряд учителя госшколы повышается (с 1-го по 5-й) каждые 4 года работы с возможным ростом ставки в том же разряде при повышении квалификации (Никифорова, 2009). В России отношение средних зарплат в образовании и здравоохранении к средней по экономике страны составляло: в 1997 г. – 77 и 70%; в 2007 г. – 75 и 65% (ниже – лишь в сельском хозяйстве).

9.3. Госрасходы на здравоохранение по группам стран

Перейдем к международным сопоставлениям в сфере здравоохранения (см. табл. 1.4 прил. 1, а также прил. 2, 4). Организация ее финансирования в РФ, подобно Франции, Германии, Италии, имеет смешанный бюджетно-страховой характер (с участием обязательного и добровольного страхования), в отличие от финансирования преимущественно государственного (бесплатное медобслуживание в Англии, Дании, Ирландии) либо частными компаниями (США). В этой сфере еще ниже, чем в образовании, и относительно, и абсолютно, уровень наших госрасходов, где картина даже качественно еще более удручающая, что отражено на рис. 9.5 и в табл. 1.4 прил. 1 для указанных групп стран с обоснованным включением в группу 2 еще и Японии (видимо, национальная специфика уже не столь существенна для здоровья населения, в отличие от образования). Там высок уровень медицинского обслуживания населения, в том числе и стариков, и трудящихся (даже непосредственно по месту работы).

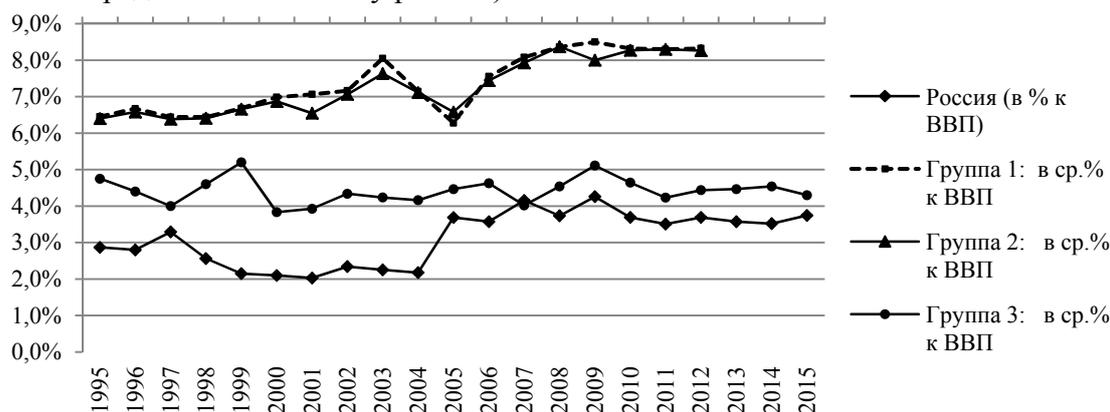

Рис. 9.5. Доля в ВВП (%) государственных расходов на здравоохранение, физическую культуру, спорт по РФ и трем группам стран

Госрасходы РФ в 1998–2006 гг. составляли от трети (и менее) до половины среднего уровня групп 1 и 2, а по сравнению с уровнем группы 3 – около $\frac{3}{4}$. Динамика такого соотношения, как и в сфере образования, в основном была неустойчиво отрицательна. Общие расходы на здравоохранение в среднем в 1990–1999 гг. выросли в странах ЕС с 7,5 до 8% (достигнув в Германии 10,7% в 2005 г. (Statistisches Jahrbuch, 2008)); в РФ они и в 2003 г. были ниже такого уровня стран ЕС – 5,6% (Варшавский, 2007). Страны Совета Европы выделяют на пенсии и здравоохранение 18–20% ВВП, а Россия – около 9% со снижением этой доли на 3% за последние 20 лет (Роик, 2009).

Интересно отметить качественно различную значимость понятия «низкий уровень госрасходов на здравоохранение» для развитых стран и России, то есть принципиальную разницу его прагматики в различных ситуациях. В Финляндии самый низкий для разви-

тых стран уровень таких расходов сочетается с одной из лучших среди стран ЕС организацией государственной медицинской помощи, свидетельствуя тем самым, в отличие от нашей, о ее эффективности. В России же низкий уровень госрасходов, как отмечено выше, ведет к ухудшению здоровья населения (вплоть до резкого роста суицидов, зависящих от состояния общего и, в частности, психологического здоровья: уровень их в РФ – 27,6 случаев на 100 тыс. населения, в 1,4 раза выше предельного значения по ВОЗ, поэтому в рамках ВОЗ мы занимаем 2-е место в Европе). За 10 лет показатель фертильности в РФ, бывший в 1990 г. у нас (1,89) выше среднеевропейского (1,57), упал до 1,21, в 17 раз сильнее, чем в Европе (до 1,53) (Варшавский, 2007); позднее в странах ЕС он был равен 1,48 (Роик, 2009). Доля важных для здоровья всего населения «экологических» расходов в консолидированном бюджете РФ в 2003 г. равнялась 0,4% (в том числе $\frac{3}{4}$ из федерального бюджета) и в 2005–2006 гг. – 0,3% (ниже стран Евросоюза) при 1,1–1,7% во Франции, Великобритании, Германии, Канаде и Италии (с долей федеральных бюджетов от 9% в Германии до 24–25% в Италии и Канаде и 78% во Франции).

Видимо, все указанные выше обстоятельства влияют на то, что ожидаемая продолжительность жизни в РФ, по оценкам Всемирного банка, была в 2004 г. на 6–10 лет у женщин и на 13–18 лет у мужчин ниже, чем в 15 странах ЕС (Варшавский, 2007). В 2005 г. по индексу ожидаемой продолжительности жизни – 0,667 – мы уступали и всем развитым странам (от 0,88 в США и Дании до 0,954 в Японии), и вообще всем европейским. На рис. 9.6, где отражены госрасходы РФ и Германии, наглядно видно, насколько их госрасходы на здравоохранение в любом году из интервала 1997–2006 гг. более отличны от наших, чем в сфере образования. Объяснить это худшим состоянием здоровья населения Германии невозможно, особенно учитывая, что продолжительность жизни там (75,1 года для мужчин и 81,1 года для женщин) намного выше российской (58 и 72 года) на 17 и 9 лет соответственно. Очевидна обратная зависимость: последний показатель определяется уровнем госрасходов на здравоохранение.

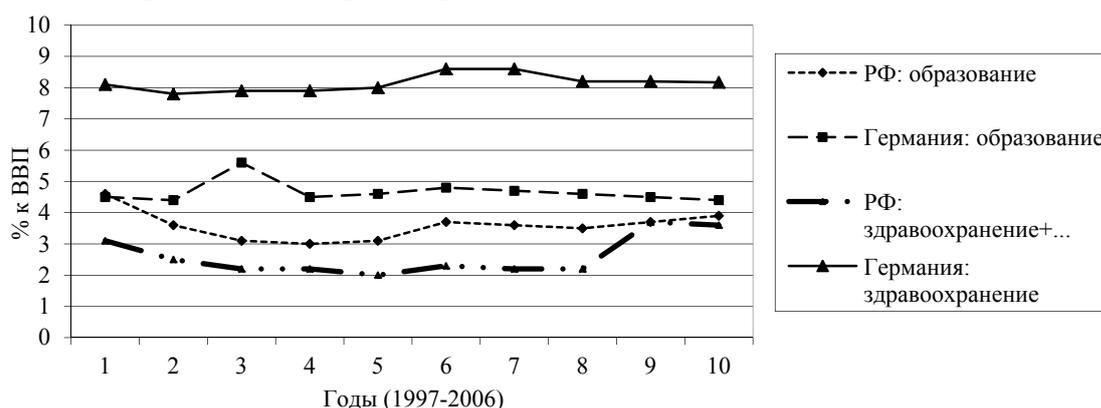

Рис. 9.6. Государственные расходы (% к ВВП) на образование и здравоохранение в Германии и РФ в 1997–2006 гг.

При этом по высокой численности врачей (хотя в конце 2007 г. почти в 140 больницах и амбулаториях РФ врачей не было вообще) России соответствуют только такие страны, как Греция, Беларусь, Украина, Грузия, а по числу больничных коек мы обгоняем всех, кроме Японии (там в 2006 г. на 17% больше). Видимо, количеством мы в какой-то степени возмещаем как недостаточность повышения квалификации медицинских работни-

ков, особенно занятых первичной медико-санитарной помощью (за рубежом она излечивает до 80–90% заболеваний), так и вызванный «недофинансированием» низкий уровень технической и технологической вооруженности нашего здравоохранения. Потребность в высокотехнологической помощи к 2006 г. удовлетворялась не более чем на 10% (правда, в 2008 г. число пациентов, получивших ее за счет федерального бюджета, выросло в 3,6 раза к уровню 2005 г.). Немаловажно, что в РФ относительно все меньше среднего медперсонала (от 2,8 в 1990 г. до 2,2 в 2006 г. на двух врачей), от которого весьма зависит успех лечения. Для врачей опыт имеет огромное значение, так что принятый «сверху» курс на «кардинальное обновление» состава участковых врачей за счет снижения доли пенсионеров (в 2007 г. они составляли 11% педиатров и 23% терапевтов), возможно, еще менее обоснован, чем в промышленности, о вреде подобной ситуации в которой достаточно компетентно писал видный американский менеджер Ли Якокка, успешно возглавлявший в свое время «Форд» и «Крайслер». По его авторитетному мнению (Якокка, 1991), лишь к 50 годам человек «только достигает высшего уровня своей квалификации», и при подобной «омолаживающей» политике «страна стремительно низвергается в пропасть посредственности». Отток квалифицированных кадров, с замещением молодежью более низкой квалификации, даже из материального производства РФ, по (Коровкин, 2001), непосредственно связан с деформацией ее ценностных ориентиров, с неблагоприятной динамикой доходов и заработной платы при высокой отраслевой дифференциации последней.

В ряде стран разработаны образовательные программы и проведены семинары для врачей и социальных работников, позволившие, например, в Швеции снизить заболеваемость депрессией на 50%, а уровень суицидов – на 66%. У нас же 15% медработников не повышали квалификацию 5 лет (среди врачей первичного звена – существенно больше). В среднем регионе за год готовят 15–20 врачей общей практики, и по РФ их приходится 0,54 на 10 тыс. человек населения, а в странах ЕС – на 8 тыс., причем в Великобритании и других странах оплата врача стимулирует работу с «хрониками» (Шейман, Шишкин, 2009). Правда, в последнее время и в России началось выделение врачей для подобной работы.

9.4. Прочие госрасходы социального характера по группам стран

По доле расходов консолидированного бюджета на социальную защиту (см. табл. 1.1, 1.2 и 1.5 прил. 1) в 2005–2007 гг. (27,4–26%) из всех стран ЕС мы опережали только Латвию (25,5–22,9%); показатели по другим странам росли до 45,7% в Германии 2007 г. Так что подчеркнем еще раз актуальность рекомендаций Всемирного банка по существенному поднятию уровня пособий и других социальных выплат в РФ. Хотя высокий уровень пособий по безработице в развитых странах приводит иногда к социальному иждивенчеству, но эта проблема пока для России неактуальна, хотя и у нас имеются официально зарегистрированные безработные, фактически занятые нелегально (для выявления их службы занятости Канады еще в 1990-х гг. проводили в России упомянутые далее в разд. 10 семинары по передаче своего богатого опыта в этой области).

Что касается пенсий, то при общепринятой, по Конвенции № 102 МОТ, 40%-й степени замещения оплаты труда пенсией при рабочем стаже 30 лет (а стаж у наших пенсионеров обычно весьма солидный), эта степень в РФ в среднем снизилась до 27,6% в 2006 г. Все

это, учитывая к тому же растущую ограниченность средств Пенсионного фонда, подчеркивает необходимость иной тактики (если не стратегии) проведения пенсионной реформы.

Доля госрасходов на отдых и культуру в ВВП РФ (2–2,2% в 2003–2006 гг.) не ниже средней величины по развитым странам (опять же со средним, 45%-м участием федерального бюджета). Для сравнения можно это сопоставить с Японией 2002 г. (0,5%), США 2003 г. (0,9%), Германией 2007 г. (1,4%; в том числе бюджетные расходы на культуру составили 0,36% ВВП (Statistisches Jahrbuch, 2008)), Италией 2005 г. (2,4–2,5%), Великобританией 2007 г. (2,2%), Францией 2007 г. (2,9%), Канадой 2003 г. (2,4%) – при федеральном уровне участия по этим странам от 7% (Германия) и 22% (США) до 41% (Франция), 60% (Канада) и 71% (Италия, 2003 г.). В этот показатель при межстрановых сопоставлениях включена и религия, но в России она отделена (законодательно) от государства, т.е. в принципе не должна участвовать в госрасходах. Как уже говорилось выше, в сфере культуры значимой может быть национальная специфика, что затрудняет сопоставление.

Существенно другое обстоятельство. Если сравнить расходы домашних хозяйств по структуре фактического потребления на культуру, образование, здравоохранение, отдых и услуги ЖКХ, то окажется, что их доля, например, в 2005 г., в среднем всего в полтора раза ниже показателей развитых стран, хотя доходы нашего населения ниже во много раз. Таким образом, недостаточность этих государственных расходов возмещается сравнительно повышенным уровнем семейных расходов¹⁶. Важную и социально, и экономически проблему представляет заниженный уровень в РФ не только прямых социальных расходов, но и источника доходов основной части населения – заработной платы, особенно с учетом соотношения ее с производительностью труда, что будет показано далее в разд. 10.

Что касается жилищных проблем, то по рекомендованному (для межстрановых сравнений) Центром по изучению поселений человека при ООН коэффициенту доступности жилья (см. разд. 8.3), в 2007 г. среднее ожидание покупки квартиры составляло: 2,7 года в Нью-Йорке; 3–3,5 года в Сиэтле, Эдинбурге; 4,7 года в Лондоне; 5,6–6 лет в Токио, Стокгольме и 7,8 лет в Амстердаме. В России, по официальным данным и оценкам экспертов компании СТК, наблюдалась тенденция к росту данного показателя от почти 9 лет в 2003 г. до 18 лет и более к 2013 г. В условиях кризиса другие страны (например, Норвегия) реально усиливали государственную помощь семьям в приобретении жилья (Рогов, Зотов, 2009). Социальные проблемы, и в сфере оплаты труда, и в жилищной, и в других, обостряются вследствие миграции (в том числе межрегиональной) как процесса глобализации, и явно требуются уже меры реальной социальной защиты интересов не только мигрантов, но и коренных жителей. При бурно растущей оплате жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ) с ростом тарифов, опережающим все прочие социальные услуги (см. разд. 8.4), в консолидированном бюджете РФ доля расходов на ЖКХ (5–7,4% в 2003–2006 гг.) выше, чем в любой стране ЕС (0,5–5,2% в 2006 г.). К тому же, скажем, в 2003 г. все эти расходы целиком ложились на региональные бюджеты, в то время как за рубежом «федеральная» доля составляла от 6% в Италии до 38%, 48, 65 и 100% соответственно в Германии, Франции, Канаде и США. Но все российские расходы и регионов, и населения не привели пока что к качественному улучшению ЖКУ, зато потребительский

¹⁶ Превышение же в РФ доли расходов на питание в 2–3,5 раз говорит, видимо, о неверной политике российского ценообразования в этой жизненно важной для населения области, чем и обусловлен высокий уровень цен.

(денежный) ущерб населения от такой реформы ЖКХ, до 2003 г. сопоставимый с ущербом по прочим социальным услугам, к 2010 г. превысил последний в 1,7 раз.

Вернемся к более общим проблемам. На уровень социальных госрасходов влияет состояние экономики страны. В наше время уровень и социального, и экономического развития страны, в том числе производительности труда, далеко не в последнюю очередь зависит от развития науки. При этом показатель госстатистики «внутренние затраты на исследования и разработки по источникам финансирования» в 1995–2006 гг. равнялся 0,9–1,3% ВВП РФ; максимум (правда, равный всего 0,65 минимума для стран группы 1) достигался в 2002–2003 гг. В странах группы 1 он превышал 2% (скажем, в Германии в 2005–2006 гг. это 2,5% ВВП (Statistisches Jahrbuch, 2008) с максимальными значениями в Швеции (3,7–4,3% в 2000–2005 гг.) и близкими (3,3–3,5%) в Финляндии. В USD–ППС объем такого показателя в России имел положительную динамику, а в Швеции он несколько снизился в 2004 г., но в следующем году последовал его рост в Швеции от 3,7% к 3,9% и снижение в России: в 2003 г. 1,3%, далее 1,2 и 1,1%.

В РФ в этом показателе средства бюджета составляли менее половины: 0,4–0,6% ВВП (при пороговом значении 2%). Это только вдвое больше поступлений от организаций предпринимательского сектора и им подобных, которые явно заинтересованы в развитии лишь некоторых прикладных направлений науки. Возможно, по этой же причине на долю всех прикладных направлений в рамках расходов федерального бюджета на науку с 2005 г. приходится уже на 13–17% больше расходов, чем на фундаментальные исследования, которые могут и должны финансироваться именно за счет государства. Функционирование и развитие современной экономики знаний требует развития не только сугубо прикладной науки, если мы не хотим быть «сырьевым придатком» развитых стран. По словам прежнего президента РАН акад. Ю.С. Осипова, «у Академии наук и у научного сообщества есть глобальная задача: это фундаментальная наука... Нельзя поддерживать только то, что может принести доход быстро»¹⁷. Активно начатая «сверху» (через Минобрнауки и ФАНО) летом 2013 г. реформа РАН нацелена, видимо, именно на такое «увеличение доходности» науки (или, возможно, ее имущества). Что касается проводимого при этом курса на «омоложение» науки (занятие которой, как известно, способствует долготеленному сохранению и даже развитию умственных способностей человека) – напомним приведенное выше мнение «спасителя» фирмы «Крайслер» в США Ли Якокка о неразумности подобной кадровой политики даже в промышленности. У нас же на XV «Апрельской» международной конференции–2014 в ВШЭ бывший глава Минобрнауки А.А. Фурсенко предложил даже «поэкспериментировать» с «омоложением» директоров научных институтов «через поколение».

В рамках более общей и все более насущной проблемы – перехода к устойчивому развитию страны как части единой системы «природа и человек» – выделяются знания как единственный теоретически неистощимый ресурс. Для этого России необходимо активное функционирование науки и сохранение традиционной культуры мышления (см. приведенное выше утверждение акад. В.И. Арнольда). В развитых странах идет постоянный и существенный рост затрат на науку и образование; в России же ситуация иная. Показателем наступивший «информационный голод»; так, даже в ГПНТБ закупка научных и науч-

¹⁷ См.: Новая вселенная – это человек // Деловой вторник. 2009. 11 авг. С. 8.

но-технических иностранных журналов и книг сократилась более чем в 12 раз и исчезла почти треть наименований таких журналов (Варшавский, 2007). Хотя за несколько лет было организовано удвоение низкой средней заработной платы научных работников, но – лишь за счет «внутренних ресурсов» науки в виде сокращения численности ее работников. За счет тех же скудных ресурсов (точнее, за счет оплаты собственно научной деятельности) предусмотрено поощрение преподавательской работы – при директивном введении небезызвестного ПРНД (показателя результативности *научной* деятельности) с начислением баллов (и оплаты) за учебные курсы, пособия и прочую *преподавательскую* деятельность. Таким образом, и здесь практикуется методика «тришкиного кафтана».

Более того, реформа РАН предусматривает оценку отчетов по научной работе (для ее дальнейшего финансирования), администрацией ФАНО, а не учеными РАН. Это может вообще привести к «снятию» даже такого «кафтана» с научных работников – например, не представивших срочно потребованный ФАНО план их публикаций на несколько лет вперед или неуспешно (с точки зрения ФАНО) отчитавшихся по проектам из программы Президиума РАН и отделений. Чиновники из Минобрнауки собирались оценивать ученых и управлять научными организациями, используя такой «инструментарий», как «Карту науки» с множеством ошибок, озвученных академиком Л. Фаддеевым на заседании Президиума РАН¹⁸ в конце 2013 г.

В целом по РФ 26% затрат на науку в 2005 г. определял госсектор, а 68% – предпринимательский. Примерно в это же время в развитых странах ЕС первый показатель был еще ниже (как правило, до 10%). Видимо, это отражает влияние качественно иного уровня давнего развития за рубежом спонсорства предпринимателей по отношению к научным исследованиям в вузах; характерна и исторически сложившаяся в России малость сектора «вузовской» науки (5,8%) при традиционном (а не насаждаемом «сверху») высоком уровне ее в странах ЕС: в развитых странах группы 1 это 19–27%; в группе 3 эта доля доходит до 67%. Перенос зарубежного опыта развития «вузовской» науки, если это вообще целесообразно для России, требует тщательного изучения и учета конкретной прагматики российских условий, превращаясь в длительный процесс «трансплантации» соответствующих социально-экономических институтов, по точному выражению акад. В.М. Полтеровича (Полтерович, 2001).

9.5. Некоторые особенности кризисного периода в РФ и США

Обратимся теперь к некоторым актуальным проблемам кризисных периодов и их последствий на примере кризиса 2008 г. Потребность в соцзащите населения особо велика в это время (в частности, по данным научного центра психиатрии им. Сербского, обращения пациентов к психологам в 2008 г. участились на 20%). Предпринятые в кризисный период в США и России антикризисные финансовые «инъекции» отражены в табл. 9.2 по данным директора Института США и Канады, члена-корреспондента РАН С.М. Рогова (Рогов, Зотов, 2009). Как видно из этой таблицы, при немалой (в 4,5 раза) разнице затрачиваемых в целом абсолютных сумм и качественному различию целей их использования,

¹⁸ См.: Волчкова Н. Выйти из тумана. 28.11.2013. URL: <http://ras.ru/news/showsnews.aspx?id=cc3e9ee9-549f-41e3-bff3-022495c46db5>.

относительные доли расходов на образование (США – 39%, РФ – 32%) и меры социальной политики (США – 45%, РФ – 40%) достаточно близки, а по доле расходов на здравоохранение мы даже опережаем США на 11%.

Небольшое превышение (на $\frac{1}{10}$) доли расходов на здравоохранение в России над США не помешало росту платности нашей медицинской помощи и сокращению ее доступности для бедных (а постепенность нарастания кризиса и дальнейшего выхода из него была вообще чревата необратимостью этих изменений), поскольку не компенсирует разницу в абсолютных суммах. Такая разница (в 4,5 раза) не достигает даже нашей нижней границы уровня госрасходов (примерно $\frac{1}{3}$ мирового, см. выше). При этом в федеральном бюджете на 2009–2011 гг. доля социальных расходов была снижена с 3,3% в 2009 г. (и 4,6% в 2008 г.) до 2,9% в 2011 г., а удельный вес расходов на здравоохранение с 3,8% (и 4,1%) до 3,6%.

Гораздо более весомым выглядит иное отличие России от США: судя по табл. 9.2, борьба с безработицей в России занимает скромные 6% при 25,5% в США. Такое расхождение объяснимо характерным для России явлением вынужденной занятости (см. далее разд. 10), позволяющей, как мы отмечали еще в начале 1990-х гг., сдерживать рост безработицы, которая у нас резко ухудшает не только финансовое состояние, но и здоровье человека. Для снижения молодежной безработицы в других странах (например, в Германии) удлиняются сроки обучения в учебных заведениях (что для России проблематично при низких госрасходах на образование). Повышается роль специальных программ для молодежи, предусматривающих совмещение занятости и обучения, например, в США это программы в области профобучения, связанные с Законом о партнерстве, а в Германии наиболее эффективная высокоструктурированная немецкая программы ученичества; и т.д. (Шестаков, 2009). Интересен и поучителен опыт Норвегии по частичному участию государства в расходах, связанных со строительством и покупкой жилья, что резко сужает негативное воздействие последствий кризиса (Рогов, Зотов, 2009). Но для РФ этот путь вряд ли реален, учитывая сказанное выше (см. разд. 8.3) о степени доступности (точнее – недоступности) жилья для населения. Правда, и в России помощь государства с жильем иногда, при форс-мажорных обстоятельствах, резко активизировалась, например, в связи с пожарами 2010 г. (хотя новым жильем не обеспечивали жителей, оставшихся в единичных уцелевших домах фактически без связи с остальным миром и вообще без самого необходимого).

Кризис способствовал усилению роста нашей сверхвысокой дифференциации доходов населения с высоким уровнем бедности населения. За рубежом аналог прожиточного минимума (в РФ это критерий бедности) определяет необходимость выдачи семьям социальных пособий. При расчете прожиточного минимума в USD–ППС (по паритету покупательной способности) в США он был в 2002 г. вдвое выше российского, так что абсолютная бедность по нему была бы в РФ равна 64%, тогда как в США это 12% (Иванов, Суворов, 2006). Крайняя бедность определяется доходом в день менее 1 долл.; в РФ это 6,1% в 2000–2002 гг. при уровне в 2% в развитых странах.

Проведенное ВШЭ и Межотраслевым аналитическим центром исследование антикризисной политики в реальном секторе выявило ориентацию антикризисной программы на интересы крупного бизнеса. Причина: последний «был едва ли не единственной группой, которая внятно артикулировала свои интересы», «консолидировано продвигала пути... решения» проблем (Якобсон, 2010). Подобное «продвижение», видимо, достаточ-

но тесно связано с возможностями коррупции и лоббирования выгодных бизнесу путей. Кстати, «артикуляция» интересов других групп все же была в том же источнике говорится о подобной роли «научной интеллигенции», представители которой «пишут о чем-то как о должном» в социальной политике. А поскольку там же утверждается, что «власти действовали в ответ на... воспринимаемые угрозы. Точность восприятия проблематична», то, возможно, истинной причиной ориентации программы являлась большая весомость (или «воспринимаемость» для властей) угроз именно крупного бизнеса.

Таблица 9.2

Текущие антикризисные инъекции в России и США (млрд руб., %)*

Страны	Общая сумма (S)**	А. Образование							
		Строительство, модернизация школ	Стипендии	Переподготовка учителей	Для бездомных	Субсидии на образовательные кредиты	Прочее	Всего	% к S**
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
США	5475	680	459	34	2,2	–	964,8	2140	39,1
РФ	1221	–	–	–	–	0,27	394,53	394,8	32,3
США, %	100,0	31,8	21,4	1,6	0,1	0,0	45,1	100,0	100,0
РФ, %	22,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	99,9	100,0	18,4

Страны	Общая сумма (S)**	Б. Здравоохранение (в РФ: + физическая культура и спорт)				
		Компьютеризация	Профилактика заболеваний	Прочее	Всего	% к S**
1	2	11	12	13	14	15
США	5475	681	103	85	867	15,8
РФ	1221	–	–	334,6	334,6	27,4
США, %	100,0	78,4	11,8	9,8	100,0	100,0
РФ, %	22,3	0,0	0,0	100,0	100,0	38,6

Страны	Г. Другие социальные расходы							
	Продовольственная помощь	Оплата счетов за электроэнергию	Бесплатные обеды школьникам	В ПФ (повышение пенсий)	Жилье ветеранам ВОВ	Долгосрочное использование материального капитала	Повышение госпособий, социальных выплат	Прочее
1	16	17	18	19	20	21	22	23
США	680	34	21,3	–	–	–	–	334,7
РФ	–	–	–	340	35,0	26,3	12,7	0,0
США, %	63,6	3,2	2,0	0,0	0,0	0,0	0,0	31,3
РФ, %	0,0	0,0	0,0	82,1	8,5	6,4	3,1	0,0

Страны	Общая сумма (S)**	В. Борьба с безработицей**		Г. Другие социальные расходы	
		Всего	% к S	Всего	% к S**
1	2	24	25	26	27
США	5475	1398	25,5	1070,00	19,5
РФ	1221	77,6	6,4	414,00	33,9
США, %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
РФ, %	22,3	100,0	5,6	100,0	38,7

* Наши расчеты по (Рогов, Зотов, 2009).

** Последнее значение в графе – % к уровню США

В период кризиса происходит дальнейшее фактическое обогащение богатых слоев общества. Очевидно достижение подобной цели хотя бы наиболее богатыми российскими

бизнесменами: судя по публикациям в журнале «Форбс», численность долларовых миллиардеров в России резко возросла за время кризиса. На это могла повлиять, во-первых, оказываемая в период кризиса щедрая денежная помощь государства и без того небедным банковским структурам, нередко не доводящим ее до реального сектора, ради которого эта помощь официально выделялась. Так, в октябре 2010 г. отозвана лицензия Межпромбанка (основной владелец – миллиардер С.В. Пугачев), где лишь 6% (около 9 млрд руб.) выделенных кредитов были доведены до реальных предприятий; часть этих кредитов обнужена в швейцарском банке (один из директоров – сын С.В. Пугачева), часть выплачена как дивиденды самому Пугачеву¹⁹. Во-вторых, государство «объединило» свой суверенный долг и долги банков, приняв на себя обязательство участвовать в выплате последних. В-третьих, государство считало нужным помочь с кредитами и столь же (если не более) небедным сырьевым монополиям, чьи немалые доходы росли уже почти год (хотя и не достигая докризисного уровня) – при росте цен на переработанное сырье, но не зарплаты рабочих. Все это, как и обеспечение «инкубаторских» условий крупному бизнесу (без конкуренции и социальных обязательств) усиливает дифференциацию населения по доходам, чему ранее немало способствовало введение плоской шкалы подоходного налога, рассмотренное выше в разд. 8.2.

При описанном существенном государственном «недофинансировании» сохранения и необходимого развития *человеческого капитала* России и одновременно при достаточно заботливом отношении властей к сохранению *финансового капитала* наиболее богатых слоев населения – вряд ли в наших условиях окажется достаточно дальнейшего приумножения богатства именно этих слоев для обеспечения государственных интересов РФ, тем более России как *социального* государства. Все рассмотренные в разд. 8–9 параметры социальной политики свидетельствуют: выявленные тенденции в основном отрицательно сказываются на социальном и экономическом развитии нашего социального (по Конституции) государства. Поэтому и во время кризиса, и вне его требуются настойчивые напоминания, в том числе в форме научных исследований, конференций, публикаций и пр., о существовании, содержании и необходимости *обеспечения социальных стандартов*, т.е. выполнения фактически общепринятых в развитых странах норм государственного «поведения» по отношению к собственному населению, отраженных в общем («рамочном») виде в Европейской социальной хартии, а с учетом конкретизации норм – в Европейском кодексе социального обеспечения.

¹⁹ См.: Зюзев А. Миллиардер Сергей Пугачев финансовую помощь государства спрятал в Швейцарии? // Комсомольская правда. 2010. 16 нояб. С. 7.

10. АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ ЗАНЯТОСТИ (СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД) И СТЕПЕНЬ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДА

10.1. Структура «триады занятости» и появление в России вынужденной занятости

Для поиска путей решения проблем в сфере рынка труда и занятости необходимо их детальное рассмотрение с учетом социально-экономического (в отличие от отраслевого, регионального и др.) аспекта при выделении и анализе объектов и явлений на разных уровнях. Наиболее информативными являются микро- и мезоэкономический уровни, которые обеспечивают глубину анализа показателей макроэкономики. Здесь возможен двойной подход. Задача первого – общий анализ занятости (А) при комплексной многоуровневой структуризации состава населения и его доходов, рассмотренной ранее в частях 1 и 2 работы (Фаерман и др., 2015; Тарасова и др., 2016). Возможен и другой, семиотический подход к структуре занятости А (дополняющий первый), с точки зрения временных рамок решаемых задач, стоящих перед российской экономикой, с учетом конкретных условий ее функционирования (т.е. прагматики).

В начале переходного периода, при учете таких временных характеристик ситуации занятости, в структуре фиксированной (официальной) занятости в РФ явно выделялись два ее вида (Тарасова, 1994). Прежде всего, это основной вид – привычная, давно известная (под разными названиями) естественная занятость (ЕЗ), необходимая для решения насущных основных и «сиюминутных» задач текущего функционирования экономики и перестройки ее структуры. Но после 1991 г. на предприятиях и в организациях, т.е. на микроуровне экономики, в среде официальных наемных работников (T_0) появился и другой вид занятости как характерное для переходного периода (а затем и для кризисных периодов) и ставшее достаточно заметным к 1993 г. качественно новое явление – это *вынужденно сохраняемая работодателями* (в основном, государством) или, короче, *вынужденная занятость* трудящихся ($BЗ = BЗ(T_0)$), приводившая часто к снижению заработной платы (ЗП).

На микроэкономическом уровне именно ВЗ предотвратила опасную в условиях РФ массовую безработицу и тем самым обеспечила необходимую, социально, политически и экономически (и, возможно, прежде всего, психологически), стабильность, решая важные задачи обеспечения возможности дальнейшего существования и развития российской экономики (как самостоятельного субъекта мировой экономики) после экономической стабилизации и подъема. Для этого нужно было беречь необходимую рабочую силу (резерв трудящихся) от дисквалификации без работы (и, просто выживания) в сложных российских условиях 1990-х гг., снизив уровень грозящей, непривычно массовой безработицы. Не случайно в 1990-х гг. руководитель Федеральной службы занятости д.э.н. Ф. Прокопов (Прокопов, 1998) писал, что предотвращение безработицы в РФ дешевле борьбы с ее последствиями, а замминистра труда и социального развития д.э.н. Е. Катульский (Катульский, 1998) подчеркивал роль государства как посредника на рынке труда (сфере компромиссов) при оперативном регулировании с изменением ситуации.

Явление ВЗ официальных трудящихся как феномен переходного периода, сдерживающий рост безработицы (в разных ее формах) на предприятиях и в организациях, было отмечено нами впервые в 1993 г. (Тарасова, 1994) почти одновременно с акад. Д.С. Львовым. Это послужило косвенным доказательством насущности проблемы вынужденной занятости и было отражено в совместном докладе на международной конференции в Нидерландах по проблеме безработицы в регионах Европы (Lvov, Tarasova, 1994) и в других работах (Тарасова, 1994; Тарасова, Блюмина, 1996; Тарасова, Збарская, Блюмина, 1996). Таким образом, необходимость серьезного внимания к изучению специфики ВЗ и ее структуры была выявлена еще в начале 1990-х гг., причем вскоре, уже в 1994 г., это явление нашло отражение и в подходе Минтруда²⁰ (Ткаченко, 2000), и в госстатистике (см. ниже о данных госстатистики по вынужденной занятости). Но явно теоретический интерес других российских специалистов к нему проявился только в период кризиса 2008 г. При этом в интересном тексте на эту тему (Гимпельсон, Капелюшников, Полетаев, 2008) упоминался лишь один «предшественник» – «британский экономист Ричард Лэйард», который «еще (?) в 1994 году увидел особый “российский путь”»²¹. Правда, вместо высокой эластичности занятости (т.е. ВЗ), сутью этого пути он считал «чрезвычайно высокую гибкость» ЗП (фактически просто отразившую появление ВЗ). И позднее в работах д.э.н. Капелюшникова и других сотрудников Центра трудовых исследований (ЦеТИ) ВШЭ именно снижение зарплаты рассматривается, вслед за Р. Лэйардом, как причина предотвращения массовой безработицы, определяющая, по мнению авторов, «ненормальность» нашего рынка труда. По удачному выражению главы Экономической Экспертной группы (ЭЭГ) Е.Е. Гурвича (в докладе на XXVIII «Апрельской» конференции ВШЭ–2017), такая оценка российского рынка труда подобна некавалифицированному диагнозу врача, выдающего симптом болезни за ее причину²².

Даже активно и очень содержательно выступающий с 2009 г. на тему сохранения занятости с пониженной оплатой труда и значения этого явления для экономики РФ (на «Круглом столе» Журнала НЭА, в публичной лекции на polit.ru, на семинаре д.э.н. Е.Г. Ясина в НИУ ВШЭ и пр.) заместитель директора ЦеТИ НИУ ВШЭ д.э.н. Р.И. Капелюшников, весьма детально исследовавший данный вопрос (Капелюшников, 2009а; Чубарова, 2010), тем не менее, обычно обходил молчанием причину этого явления – существование ВЗ. Более того: и упоминая в последние годы хотя бы о вынужденной неполной занятости, авторы из ВШЭ на недавнем докладе в Центре стратегических разработок ВШЭ, описывая обследование ЦеТИ и ЛИРТ (ВШЭ) по отсутствию роста безработицы при кризисе в России, говорят не о разумной в условиях России специфике российского рынка труда, а о его «ненормальности»²³, видимо, считая нормой лишь «мейнстримовскую» точку зрения.

²⁰ Более того: Минтруд включил в свой план проведение специального обследования (по нашим разработкам) для выявления и оценки параметров тех видов вынужденной занятости, которые невозможно оценить с помощью обычно собираемой статистики, но Минфин сократил бюджет Минтруда за счет именно научных исследований.

²¹ *Layard R., Richter A. Labour Market Adjustment – the Russian Way // Russian Economic Reform at Risk / ed. by A. Aslund. L.: Pinter, 1995.*

²² См.: РБК от 12.04.2017 г. «Экономисты рассказали о главном свойстве рынка труда в России». URL: <http://www.rbc.ru/economics/12/04/2017/58ee20959a7947d3b22d17b0> .

²³ Соответственно и СМИ тиражируют столь необычный термин, так заметка о докладе в Центре стратегических разработок ВШЭ (по отсутствию роста безработицы при кризисе в России) озаглавлена «Рынок труда в России назвали «ненормальным»» (см.: Метро. 2017. 22 марта. С. 6).

Показательно, что XII Международной «Апрельской» конференции (2011 г.) сотрудник Всемирного банка В. Сулла (V. Sullà) из Development Research Group заявил, что аналитики этой организации выявили только в РФ непонятно низкий уровень безработицы при кризисе (Тарасова, Васильева, Фонтана, 2011). Он адресовал вопрос о причине этого явления руководителям секции (из ВШЭ) – на ответ последовало долгое молчание.

Вернемся к составу общей занятости A , где в переходный период сначала выделялись лишь две официальные части – $E3$ и $B3$ ($A_0 = E3 \cup B3$). Затем к ним присоединилась неофициальная, незарегистрированная занятость – это уже рассмотренная в тексте предыдущей части 2 (Тарасова и др., 2016) и оцененная в системе НДП теньевая первичная занятость A_t (Тарасова Н., Тарасова М., 2006). Незначительная вначале 1990-х гг. (ввиду ее малого объема благодаря легализации многих видов деятельности), она позднее, заметно увеличившись, превратилась в весомую часть неформальной занятости и стала третьей существенной составной частью общей занятости. Таким образом, выявилась логически законченная, адекватно отвечающая реалиям развития российской экономики и потому интересная для исследования «триада занятости»: естественная, вынужденная и теньевая занятость (Тарасова, 2010а, 2011а). Эта триада ($E3$, $B3$, A_t) определяет все множество занятых A (наемных работников T и прочих занятых Π) (некоторые данные о занятости и безработице в РФ и других странах см. в Приложении 5):

$$A = T \cup \Pi = E3 \cup B3 \cup A_t, \text{ где } B3 = B3(T_0), \quad (10.1)$$

при ($E3 \cap B3 = \emptyset$) & ($E3 \cap A_t = \emptyset$) & ($A_t \cap B3 = \emptyset$) = 1 и $E3 \cup B3 = A_0$.

Пересечения всех этих множеств принимаются пустыми, поскольку мы учитывали лишь первичную занятость – реально существующие пересечения видов занятости исключены хотя бы из-за отсутствия необходимых данных, что, прежде всего, относится к вторичной теньевой занятости. Объем первичной теньевой занятости оценивался в системе НДП в размере 8–13 млн чел. в 1995–2005 гг. при средней оценке Росстата в 10 млн чел. (Горбачева, Рыжикова, 2002).

Уточним некоторые используемые термины. Иногда²⁴ к категории трудящихся относят просто тех занятых, которые не привлекают наемный труд. Речь идет, в основном, о фрилансерах, т.е. лицах, занятых фактически ИТД, о которых тут же говорится, что другие авторы (как и мы) относят эту категорию к предпринимателям (в системе НДП – это все занятые, не являющиеся наемными работниками). Кстати, в указанной в той же сноске источнике перечисляется по концепции Ч. Хэнди²⁵ «*весь* (курсив наш) набор видов деятельности человека», который вообще почему-то не включает предпринимательскую деятельность. Подобные семантические вольности²⁶ вполне устранимы при корректном семиотическом подходе.

²⁴ См.: Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры в информационной экономике: как россияне осваивают новые формы организации труда и занятости (по результатам Первой всероссийской переписи фрилансеров: препринт). М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009.

²⁵ Хэнди Ч. Время безрассудства // Искусство управления в организации будущего. СПб.: Питер, 2001. С. 196–207.

²⁶ То же при определении фрилансеров по указанному препринту Д.О. Стребкова и А.В. Шевчука: то это вообще не наемные работники (с. 9), то (для 45% опрошенных) совместители фриланса и наемного труда (с. 13); со ссылкой на некий «специальный» смысл (по США) термина «профессионал», из числа таковых исключаются шоферы (владельцы грузовиков), водопроводчики и т.д., зато включаются... спортсмены.

Далее мы остановимся на исследовании явления вынужденной занятости, учитывая, согласно (10.1), достаточно важное ее значение в структуре всей занятости (что, кстати, позволит проиллюстрировать возможность и плодотворность использования семиотического подхода уже на теоретическом уровне исследования). ВЗ, как новое в 1990-х гг. образование, и тогда, и позже привычно (но некорректно – см. ниже) рассматривалась целиком в качестве «излишней» или «избыточной» занятости, или же «скрытой безработицы» (Капелюшников, 2001; Коровкин, 2001; Лопатников, 2013; Полтерович, 2003). На примере последней работы у столь высококвалифицированного специалиста, как акад. В.М. Полтерович (то же, например, в (Капелюшников, 2009а)), можно отметить указанную еще д.э.н. А.А. Ткаченко в (Ткаченко, 2000) неточность терминологии многих экономистов. К сфере рынка труда (т.е. процесса, механизма поиска работы) они относят и вопросы занятости (т.е. проблемы использования результатов этого процесса), тем самым нарушая их семантику (см. ниже о понятии «скрытая безработица»). Это может быть следствием влияния сугубо либерального подхода, при котором к функциям государства вообще не относится политика занятости, присущая социальным государствам.

Приведенные синонимы понятия «вынужденная занятость» явно или неявно несут отрицательную оценку этого явления вплоть до кажущейся необходимости удаления таких «излишеств», что предопределило определенную психологическую дезориентацию (или хотя бы психологический дискомфорт) и самих вынужденно занятых, и их руководства. Мы считаем, что именно этим объясняется весьма повышенный в России уровень страха безработицы при невысоком, благодаря ВЗ, уровню самой безработицы (это объяснение отсутствует, насколько нам известно, в других работах, например, в (Гимпельсон, Ощепков, 2010)). Такое явление статистически значимо (с 99%-й вероятностью) отличало нашу страну от более 30 других участников Международной программы социальных обследований (ISSP) за 1997 и 2005 г. (Гимпельсон, Монусова, 2010). Причем страны различались по типам рыночной экономики: с либеральным режимом регулирования (США, Канада, Великобритания, Ирландия, Австралия, Новая Зеландия); европейские страны с относительно высокой степенью координации (например, Германия, Франция, Испания, скандинавские страны), а также Израиль и Япония); наконец, постсоциалистические страны Европы (в том числе Россия, обследованная Левада-центром). Если уровни безработицы и ее страха в РФ составляют соответственно 6,6% и около 60%, то в США и Европе это 9,6–10% и около 10%.

ВЗ лишь формально (ввиду ее «сиюминутной» ненужности) в определенной степени похожа на специфически «советскую» скрытую безработицу доперестроечного периода. Скрытая безработица (Тарасова, 2013в), по своему наименованию близка понятию «безработица», относящемуся к сфере рынка труда как институту формирования спроса на труд и его предложения. В то же время семантически, по своему общему смыслу, она относится к иной сфере занятости, уже реализующей результаты деятельности этого института, так что не случайно ее называют излишней (или избыточной) занятостью. Ранее специфически «советская» скрытая безработица являлась просто следствием фетишизации 100%-й занятости трудовых ресурсов страны и средством хотя бы частичного сокрытия запрещенной и потому нерегистрируемой деятельности, многие виды которой были легализованы после 1991 г. Нередко состав скрытой безработицы до сих пор рассматривается просто как совокупность всех занятых в течение неполной рабочей недели или части рабочего дня, а также формаль-

но занятых лиц, когда работник лишь числится в штате. При таком традиционном, но уже устаревшем подходе²⁷ полностью включаются объемы и неполной естественной занятости, и всех видов ВЗ, что и определяет ошибочность такого измерения.

Наличие основной части ВЗ, как уже сказано, было обусловлено задачами не настоящего, а будущего функционирования экономики страны в качестве самостоятельного экономического субъекта после экономической стабилизации и подъема экономики. «Вынуждаемым» объектом является здесь работодатель, сохраняющий этот вид занятости для предотвращения негативных экономических и социальных явлений. В первую очередь, в качестве такого работодателя выступает государство, что косвенно подтверждается итогами той же программы ISSP: в России страх безработицы, психологически связанный с восприятием ВЗ как некоего неоправданного «излишества» более, присущ работникам госсектора (54%), а нечастного (46%), где уровень этой занятости ниже.

10.2. Вынужденная занятость трудящихся в переходный и кризисный периоды на микроуровне экономики РФ

Официально зарегистрированные трудящиеся входили в состав ВЗ на микроэкономическом уровне (на предприятии, в организации) по одной из ряда причин:

- как квалифицированный, но чаще всего низкооплачиваемый резерв для будущего расширения масштабов деятельности, например, сохранение научных кадров при сокращении финансирования научных институтов и прекращении использования их разработок (РЗ – *резервная занятость*);
- как кадры, оставшиеся с прежних времен «по инерции» по патерналистским и другим социально-политическим соображениям, связанным с прежними установками (например, апологетикой труда), подобно шахтерам с традиционно высокой оплатой на нерентабельных шахтах, излишних при структурной перестройке экономики (ИЗ – *инерционная занятость*);
- как лица, включенные по определяемым конкретной ситуацией причинам социального или личного характера (СЗ – *социальная занятость*, или ситуационная), например, лица, числящиеся в составе предприятия (организации) только для сохранения или приобретения ими определенного социального статуса ради социальных льгот для них и (или) их семей; при этом начисленная им заработная плата может служить и средством неофициального повышения заработка других лиц (с официальным статусом или даже «теневи́ков»), фактически выполнявших работу.

Таким образом, ВЗ на микроуровне экономики включает, прежде всего, РЗ как основной резерв естественной занятости, объединяя квалифицированные кадры типа «сил быстрого реагирования» (если необходимо и тех, кто технически обеспечивает их работу). Использование безработных и недавних выпускников вузов (ССУЗов) в качестве такого резерва нереально, поскольку не было условий для сохранения, достижения или быстрого восстановления первыми и получения – вторыми (при значительном снижении в среднем уровня профессионального образования) необходимого уровня квалификации. Поэтому мнение тех, кто считает, что значительная часть населения при создании условий роста

²⁷ Например, таков подход проректора АТиСО А. Сафонова (см. первую сноску в разд. 10).

реальных доходов и занятости способна быстро включиться в производственную деятельность и поднять производительность труда, представляется истинным только по отношению к такой резервной занятости. Фактически об этом же (о РЗ) говорится в (Полтерович, 2003): это «естественная приспособительная реакция на шоковые институциональные изменения *при отсутствии инфраструктуры, обеспечивающей мобильность трудовых ресурсов и их переквалификацию*» (курсив наш). Там же утверждается (по результатам опроса руководителей за 1995–1999 гг. в (Капелюшников, 2001)), что такая занятость сберегается социально-ответственным руководством, прежде всего, чтобы «сохранить коллектив». Это, на наш взгляд (в отличие от авторского), фактически включает в себя и «ожидание роста» в будущем иначе такое сохранение бесцельно. Объем и качественный состав резервной занятости зависят от потребностей структурной перестройки экономики и прогнозируемых направлений ее дальнейшего развития в последующем периоде, когда потребность в квалифицированных кадрах возрастает. Все это делает неправомерным, содер­жательно некорректным отнесение РЗ к скрытой безработице.

Нельзя сказать то же самое об инерционной занятости (ИЗ), сохраняемом «по инерции» с прежних времен контингенте работающих, который вряд ли нужен в качестве резерва при наличии безработных, но не высвобождается по социально-политическим и тому подобным причинам. При таком подходе состав истинной скрытой безработицы на предприятии или в организации входит величина не ВЗ целиком, а в основном ИЗ. Масштабы скрытой безработицы, которая сравнительно легко может превратиться в открытую, определить сложно.

На рис. 10.1 представлены все рассматриваемые виды занятости, включая третий вид вынужденной занятости – социальную (СЗ), т.е. занятость по социальным, социально-экономическим или личным причинам неинерционного характера, которая в той или иной конкретной ситуации может пополнять объем скрытой безработицы. Дополняя (10.1) с учетом видов ВЗ и считая по-прежнему пересечения любых множеств пустыми, получаем:

$$ВЗ = РЗ \cup ИЗ \cup СЗ \rightarrow A = EЗ \cup ВЗ \cup A_t = EЗ \cup (РЗ \cup ИЗ \cup СЗ) \cup A_t . \quad (10.2)$$

Общая занятость: $A = A_0 \cup A_t = EЗ \cup ВЗ \cup A_t = T \cup П$						
Официальная (фиксируемая): $A_0 = T_0 \cup П_0$					Теневая (нефиксируемая): $A_t = T_t \cup П_t$	
Естественная (ЕЗ)		Вынужденная: ВЗ = ВЗ(Т₀)				
<i>трудящиеся</i> (Т _{ЕЗ})	<i>предпринимателей</i> (П _{ЕЗ})	резервная (РЗ)	инерционная (ИЗ)	социальная (СЗ)	<i>Трудящихся</i> (Т _t) при l=13	<i>предпринимателей</i> (П _t) при l=14
Скрытая безработица						

Рис. 10.1. Структура «триады занятости» и скрытая безработица

На сохранение ВЗ до некоторой степени повлияли и особенности нашей налоговой системы (которые способствовали, например, сохранению малооплачиваемой рабочей силы для уравнивания повышенной оплаты ограниченного административного контингента), и высокие расходы на социальные мероприятия при массовом высвобождении, и определяющая обратное финансовое давление на бюджет невозможность соответствующего роста фонда пособий по безработице (при дороговизне создания новых рабочих мест, нередкой дефицитности бюджета и отсутствии внебюджетных источников финансирования), и силовое давление властей на руководителей предприятий, и избирательная финансовая поддержка предприятий, определяющих ситуацию на рынке труда. В то же

время бытовало невнимание к проблемам ВЗ, практические последствия чего проявились, хотя и не сразу. Так, ИЗ не раз заявляла о себе стуком шахтерских касок, дошедшим до Москвы. Более терпеливая, хотя хуже оплачиваемая РЗ в сфере науки (где ее доля была достаточно весома) также заявила о себе, например, когда впервые в 1998 г. ученые РАН из подмосковного г. Троицка перекрыли в знак протеста против своей фактической невос- требованности движение по Симферопольскому шоссе.

На теоретическом уровне исследования триада занятости легко выявляется при семиотическом подходе к рассмотрению занятости на предприятии или в организации (Тарасова, 2010а, 2011а). Эти семиотические аспекты отражены в табл. 10.1: во-первых, форма фиксации (синтактика) понятия, определяемая здесь легальностью, зарегистрированностью занятости в соответствии с законодательством (в графе 3: есть у ЕЗ и ВЗ, нет у А_т); во-вторых, его содержание (семантика), определяемое наличием реально требующеюся труда занятых (в графе 4: есть у ЕЗ и А_т, нет у ВЗ). По этим семиотиче- ским характеристикам показатели вынужденной и теневой занятости отражают единство противоположностей, являясь определенными антонимами, в то же время дополняющими друг друга для устранения несоответствия организации экономики реальным условиям ее функционирования и, тем самым, для снижения социальных и прочих рисков, когда тене- вая занятость может служить практической «поправкой» при несовершенстве законода- тельства, отставании его от нужд практики.

Таблица 10.1

Семиотический подход к структуре видов занятости на микроэкономическом уровне (на предприятиях, в организациях): форма (легальность), семантика (труд), прагматика (значимость во временном и инвестиционном аспектах)

Виды занятости	Обозначение	Легаль- ность	Труд	Значимость			
				Временной аспект	Инвестиции		
					Источник	Цель	
1	2	3	4	5	6	7	
Официально фиксируемая	<u>Естественная заня- тость:</u>	<u>ЕЗ</u>	+	+	<u>Настоящее</u>	<u>Предприятие, внешние инве- сторы</u>	<u>Текущее функци- онирование</u>
	<i>трудоустройства</i>	<i>T_{ЕЗ}</i>	+	+	—	—	—
	<i>предпринимателей</i>	<i>П_{ЕЗ}</i>	+	+	—	<i>Личные доходы</i>	—
	<u>Вынужденная заня- тость</u>	<u>ВЗ</u>			<u>Будущее</u>	<u>Предприятие, внешние инве- сторы</u>	
	трудоустройства, в том числе резервная	РЗ	+	—	скрытая безра- ботица	—	расширение, мо- дернизация
	инерционная	ИЗ	+	—	скрытая безра- ботица,	—	новые предприя- тия
социальная	СЗ	+	—	настоящее	—	текущее функци- онирование, рас- ширение	
Иная	<u>Теневая занятость:</u>	<u>А_т</u>	—	+	<u>Настоящее</u>	<u>Предприятие</u>	<u>Текущее функци- онирование</u>
	<i>трудоустройства</i>	<i>T_т</i>	—	+	—	—	—
	<i>предпринимателей</i>	<i>П_т</i>	—	+	—	<i>Личные доходы</i>	—

Что касается прагматики как третьего семиотического аспекта, то проводимые реформы особенно обострили проблему инвестирования. При определении очередности и

объема капиталовложений одним из важнейших должен быть человеческий фактор, ныне явно недооцениваемый, а учет структуры занятости, объемов ВЗ и ее разновидностей может помочь при решении задачи определения приоритетности инвестирования производства. Поэтому в качестве третьей семиотической характеристики, прагматической, выступают временной (оговоренный выше) и инвестиционный аспекты различной практической значимости выделенных видов занятости в реалиях конкретного российского экономического уклада (графы 5–7 той же таблицы). Тем самым семиотический подход не только подтверждает правильность, логичность классификации, выбранной по содержательным соображениям и адекватной экономическим реалиям, но и позволяет более детально анализировать состав занятости.

Относительно количественных оценок объема ЕЗ и ВЗ ($VЗ = A_0 - EЗ$) и соответствующей оплаты труда до сих пор трудно утверждать что-либо определенное. Как следует из (10.1), доходы, соответствующие триаде занятости, в сумме представляют собой активные доходы ($V_A = V_{A0} + V_C$), официальные ($V_{A0} = V_{T0} + V_{П0}$) и скрываемые ($V_C = V_{AC} = V_{TC} + V_{PC}$). Последние включают теневые доходы $V_t = V(A_t)$ «теневинов» и неофициальные («серые», «в конвертах»), скрытые доходы $V_{CC} = V_{ACC}$ официально занятых (см. структуру общих доходов населения в части 2 (Тарасова и др., 2016):

$$\begin{aligned} V_A &= V(EЗ) + V(BЗ) + V(A_t) = V(A_0) + V(A_t) = (V_{A0} + V_{CC}) + V_t = \\ &= V_{A0} + V_C = V_T + V_{П} = (V_{T0} + V_{TC}) + (V_{П0} + V_{PC}) = \\ &= (V_{T0} + V_{TCC} + V_{Tt}) + (V_{П0} + V_{PCC} + V_{Pt}). \end{aligned} \quad (10.3)$$

В рамках триады занятости, определяемой соотношениями (10.1), (10.2), (10.4)²⁸ и в некотором отношении (10.3), наиболее логично (но практически пока что затруднительно) определять и анализировать общий уровень оплаты труда с выделением не только скрываемой части (V_{TC}), но и входящей в официальные трудовые доходы величины сохраняемой оплаты при ВЗ ($V(BЗ) = V_T(BЗ)$). Теоретически (чаще всего и практически) эта величина может характеризоваться низким уровнем. Целесообразно оценивать ее как обусловленную не столько общими экономическими закономерностями функционирования рынка труда, сколько реалиями переходного или кризисного периодов. Так, ее низкий уровень ранее явно «провоцировался» налогом на сверхнормативную ЗП при превышении фактических расходов на оплату труда над нормируемой величиной: низкая оплата уравнивала сверхнормативную, что фактически обеспечивало определенные финансовые льготы предприятиям. В то же время и при такой низкой оплате большому объему ВЗ соответствует большой фонд ЗП, что позволяло предприятиям в условиях инфляции повышать цену продукции.

На величину производительности труда ВЗ влияет двояко, так как увеличивает и числитель (ВВП) хотя бы через величину оплаты труда при ВЗ, и знаменатель (официальную занятость). При низкой оплате ВЗ в целом это приводит к снижению производительности труда, но и при этом сохранение ВЗ является залогом столь необходимой социально-политической стабильности (без чего говорить о дальнейшем подъеме экономики бессмысленно) и столь же необходимого сохранения квалификационного уровня рабочей силы страны для повышения производительности труда в дальнейшем. Нельзя не признать: в наших условиях это было и во многом остается единственным надежным способом сохранить человеческий капитал, в перспективе становящийся дефицитным.

²⁸ См. далее.

Оплата труда всех разновидностей ВЗ, как правило, официальна и соответственно входит в состав официальных трудовых доходов (V_{TO}). При инерционной занятости иногда сохраняется традиционно сложившийся высокий уровень оплаты труда в виде номинальной начисленной заработной платы (но при этом ее выплата могла задерживаться надолго, как, например, не раз бывало у шахтеров), который практически не удавалось снизить по социально-политическим соображениям, определяющим само наличие этой занятости в угольной промышленности и других отраслях. С резервной занятостью ситуация иная. Не случайно такая отрасль с высокой долей РЗ, как наука, входила в низкооплачиваемую группу отраслей (Тарасова, 2004; Тарасова, Збарская, Блюмина, 1996), куда, судя по данным о среднемесячной отраслевой заработной плате, попадают и другие «пасынки экономики» – культура, образование и здравоохранение, хотя их разрушение губительно для будущего страны. При оплате социальной занятости (где не исключена скрытая ЗП) как фактической доплаты для тех, кто работает реально (в том числе неофициально), это равноценно повышению оплаты труда последних и в масштабах страны не искажает статистику, не изменяя общий объем официальных трудовых доходов и потому не уменьшая объемы подоходного (НДФЛ) и других взимаемых налогов, но оставаясь неучтенной при расчете пенсий реально работавших.

В госстатистике достаточно оперативно, еще в 1994 г., был принят несколько видоизмененный подход с расчетом только так называемой *вынужденной неполной занятости*, поскольку другие виды вынужденной занятости пока просто не могут учитываться Росстатом, для этого требуется организация специальных обследований, чему в свое время воспрепятствовал Минфин (Тарасова, 2004; Тарасова, Тарасова, Дробов, 2005; Ткаченко, 2000). Не равнозначное неполной вынужденной занятости, это понятие объединяет возникающие по инициативе администрации явления, охватывавшие в переходный период около 5 млн чел. (Коровкин, 2001): по итогам мониторинга Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС за 2016 г., в условиях продолжающегося последнего кризиса, это явление²⁹ растет 4-й год подряд и теперь относится к 10,7% сотрудников:

- отпуск без сохранения содержания («нахождение в простое»). Это непосредственно ассоциируется с полной вынужденной занятостью, т.е., на наш взгляд, понятие «вынужденная *неполная* занятость» несколько неточно терминологически. Так, вынужденно отправляемые администрацией в отпуск работники, и с их точки зрения, и официально (что ведет к конфликтам с налоговыми органами, которые «не любят» такие неоплачиваемые отпуска) являются полностью занятыми. Точнее, они входят в состав полной вынужденной занятости;

- сокращение рабочего дня или недели (теперь Росстатом используется в таких случаях – для вынужденных (не по своей воле) работать «с неполной рабочей неделей» или «с неполным рабочим днем» – термин «неполная видимая занятость»). По отработанному рабочему времени это соответствует, видимо, разности естественной и неполной ВЗ, корректируя тем самым условие $EЗ \cap ВЗ = \emptyset$ из (10.1) и отражая влияние ВЗ на ЕЗ, когда

²⁹ Отметим, кстати, что в ряде изданий (см.: РБК от 12.04.2017 г. «Экономисты рассказали о главном свойстве рынка труда в России». URL: <http://www.rbc.ru/economics/12/04/2017/58ee20959a7947d3b22d17b0?from=newsfeed>) используется термин «частичная безработица», что вряд ли допустимо, перефразируя известное изречение, нельзя быть «немножко безработным», так как определение безработицы (официально или по определению МОТ) подразумевает отсутствие какой-либо занятости.

сократившаяся текущая работа распределяется «на всех». Соответственно получаем соотношение (10.4), уточняющее (10.1):

$$A = T \cup \Pi = E3 \cup B3 \cup A_t, \text{ где } B3 = B3(T_0), \quad (10.4)$$

при $(E3 \cap B3 \neq \emptyset) \& (E3 \cap A_t = \emptyset) \& (A_t \cap B3 = \emptyset) = 1$ и $E3 \cup B3 = A_0$.

Процесс заметного сокращения масштабов ВЗ шел ранее благодаря оживлению экономики РФ после кризиса 1998 г.; затем он изменился под влиянием кризиса 2008 г. не только количественно, но и качественно. В кризисные периоды особенно велика потребность в мерах социальной защиты населения. Судя по предшествующим расчетам в системе НДП, кризис 1998 г. вместо этого вызвал снижение всех рассматриваемых видов госрасходов на подобные социальные цели. Значительную роль в смягчении остроты кризисных ситуаций в 1990-х гг. сыграла, как уже сказано, именно ВЗ. За годы реформ изложенный подход претерпел определенные изменения, реальность внесла свои коррективы. В отличие от 1990-х гг., патерналистские привычки и настроения в обществе заметно уменьшились, что не могло не отразиться на относительном снижении (по сравнению с началом переходного периода) объема инерционной занятости, но кризис 2008 г. вновь вызвал ее рост ради устранения риска социальных осложнений. Крупные предприятия получали бюджетную помощь для предотвращения массовых сокращений, в частности, даже путем сохранения устаревших технологий. Например, на АвтоВАЗе и смежных производствах была сохранена такая занятость ради сотен тысяч человек. По словам директора Института социальной политики ВШЭ С.Н. Смирнова³⁰, иначе «...сотни тысяч работников оказались бы на улице. И тогда мало бы никому не показалось!»

В российских условиях кризис 2008 г. способствовал не только и не столько сокращению численности трудящихся, т.е. росту незанятости, как увеличению полной и неполной ВЗ, которая сдерживает рост безработицы. Как уже отмечено в разд. 9.5, наш анализ приведенных директором Института США и Канады, членом-корреспондентом РАН С.М. Роговым объемов антикризисных финансовых «инъекций» в США и России (Рогов, Зотов, 2009) показал (см. табл. 10.2), что при близости относительных долей (графы «% к S» в табл. 10.2) расходов разной социальной направленности в общих суммах лишь на борьбу с безработицей в России тратилось всего 6% общей суммы при 25,5% в США³¹. Это обстоятельство и объясняется в немалой степени характерным для России явлением ВЗ, когда при нынешней кадровой проблеме со специалистами дальновидные руководители вынуждены этим (практически единственным надежным) способом сохранять становящийся в перспективе дефицитным человеческий капитал. Снижению уровня безработицы способствовал и рост занятости индивидуальной трудовой деятельностью, например, фрилансом (там к концу 2008 г. ежемесячный рост составлял более чем 20 тыс. чел.³²).

³⁰ См.: Нужно активнее переучивать людей на другие специальности // Комсомольская правда. 2010. № 16. 21 окт. С. 11.

³¹ В 2007 г. подобная сумма в США по докладу Стефано Скарпетта (из Управления занятости, труда и социальных вопросов ОЭСР) «Противодействие кризису на рынке труда: российский опыт в международном контексте» на семинаре Роструда и Всемирного банка (Москва, 02.11.09) равнялась 0,4% ВВП США.

³² См. *Стребков Д.О., Шевчук А.В.* Указ.соч.

Таблица 10.2

Общие объемы текущих антикризисных инъекций России и США (млрд руб.)

Страны*	Общая сумма (S)	Образование		Здравоохранение		Борьба с безработицей	Другие социальные расходы		
		Всего	% к S	Всего	% к S		Всего	% к S	Всего
США	5475	2140	39,1	867	15,8	1398	25,5	1070	19,5
РФ	1221	394,8	32,3	334,6	27,4	77,6	6,4	414	33,9
РФ/США, %	22,3	18,4	–	38,6	–	5,6	–	38,7	–

* Последнее значение в каждой графе – % к соответствующему уровню США.

Источник: наши расчеты по (Рогов, Зотов, 2009).

На конец 2008 г., по утверждению главы Минсоцразвития Т.Н. Голиковой, было зарегистрировано менее 1,4 млн безработных, а из 45 тысяч уволенных с ноября около 40% за год уже нашли работу, причем половина в той же организации; более 200 тыс. чел. переведены на режим сокращенного рабочего времени (вынужденная неполная занятость). За год, судя по докладу Всемирного банка «Оценка эффективности региональных программ по снижению напряженности на рынке труда РФ» на семинаре Роструда и Всемирного банка «Противодействие кризису на рынке труда: российский опыт в международном контексте» (Москва, 02.11.2009), уровень общей безработицы вырос на 2% и достиг 7,8%, а в отдельных регионах – 14–15% (рост на 6–8%).

10.3. Вынужденная занятость трудящихся и предпринимателей в кризисные периоды на мезоуровне экономики РФ

В то же время теперь значительно, качественно расширилась область необходимого существования самого явления ВЗ, «захватывая» фактически не только микроэкономический уровень, но в определенной степени и средний, мезоэкономический (Тарасова, 2010а, 2011а, 2011б). Если в период кризисных 1990-х гг. такая занятость всегда относилась к конкретным предприятиям или организациям (правда, решение проблемы зависело нередко и от городских или региональных властей), то кризис 2008 г. распространил сферу определения этого показателя уже и на признанные «бесперспективными» небольшие моногорода и аналогичные поселки городского типа. Возникла проблема: буквально «быть или не быть» таким городам и поселкам, т.е. существовать ли им за счет организации ВЗ или из-за банкротства градообразующего предприятия попросту исчезнуть в результате организации переселения жителей, наверняка намного более дорогостоящего во всех смыслах, хотя бы из-за остроты наших жилищных вопросов (см. разд. 8.3).

Решение этой проблемы зависит не только и не столько от городских и даже региональных властей, сколько от властей более высокого уровня. Именно там формировались ранее планы по ликвидации «бесперспективных» деревень; этот этап был достаточно сложным и далеко не успешным, и прежде всего – очень болезненным для жителей деревень. Он, в частности, дополнялся так называемой «оптимизацией сети образовательных учреждений», которая привела к закрытию, в рамках программы упразднения малокомплектных школ, уже нескольких тысяч сельских школ. При наших проблемах с транспортом и дорогами это снижало доступность школьного обучения, тем самым снижая и жизнеспособность деревень. Столь же, если не более, опасна для существования и деревень, и небольших го-

родов «оптимизации по-министерски» сети больниц (путем сокращения *невыгодных* «мало-комплектных») и даже роддомов (которые вообще нельзя удалять от рожениц), ведь местные власти теперь могут требовать от больниц и роддомов прибыльности. Подобный приоритет сугубо предпринимательской идеологии может оказаться губительным и для указанных выше, отнюдь *не предпринимательски* ориентированных отраслей³³ (по их сути и цели функционирования), и для небольших городов или сел и деревень.

«Решение» проблемы признанных «бесперспективными» моногородов расселением (рассеиванием) без вины виноватых людей до некоторой степени напоминает известный принцип «нет человека – нет проблемы», но уже на уровне «нет города – ...», хотя при этом могут возникнуть проблемы не менее сложные. Такой процесс потребует, видимо, куда более существенных затрат – материальных и духовных, человеческого и финансового капитала, чем на уровне деревень. Последствия непродуманности столь серьезных мер могут сказываться еще слишком долго, если вообще когда-нибудь исчезнут. Что касается нематериальных потерь, то пора от общих слов о неразрывности экономики и психологии перейти, хотя бы в рамках данной острой проблемы, к реальному и конструктивному учету этой неразрывности, прежде всего, в постановке проблемы. Стоит учесть: первое – возникновение проблемы моногородов (как ранее и их создание) является сугубо государственным явлением, а посему нелогично ожидать решения этой проблемы от неких «гражданских ресурсов» жителей³⁴, и поэтому, видимо, правительством и проводятся совещания по вопросам занятости в таких городах; второе – что обычно сами жители таких моногородов (по причинам и материально-экономического, и эмоционально-психологического характера) выступают против ликвидации города из-за остановки градообразующего предприятия, против переселения их к другим местам работы. Тем более что и ввиду продолжающегося в стране сокращения общей численности населения с ухудшением социально-демографической ситуации при географической протяженности, климатических особенностях и вообще интересах России как самостоятельного государства, вряд ли рациональна утрата населенных мест, имеющих даже не деревенский, а уже городской статус.

Видимо, такая политика властей вызвана, как и серьезные ошибки 90-х гг., недостаточно критическим восприятием опыта развитых стран, а именно – недооценкой прагматики, значимости этого опыта (весьма ценного семантически, в общем) в конкретной российской ситуации. Повышение эффективности нашей экономики путем концентрации населения для образования высокоэффективных (*в принципе*) «муравейников» типа Токио было рекомендовано, например, 07.04.2010 г. в докладе главного эксперта Всемирного банка по Европе и Центральной Азии И. Гилла (I. Gill) на XI Международной конференции по проблемам развития экономики и общества (Материалы сайта НИУ ВШЭ, 2010; Прохорова, 2010). Но это отнюдь не сопровождалось анализом российских условий для доказательства прагматической пригодности такого средства, небесспорного в наших, российских условиях хотя бы географически и геополитически. То же самое можно ска-

³³ К ним относится и более чем скромно финансируемая наука, где диктат подобной идеологии не менее необоснован и опасен, особенно для фундаментальных и вообще сиюминутно «невыгодных» исследований.

³⁴ Так, на них уповает В. Выжурович (А не много ли просит моногород? // Российская газета. 2014. № 3. 10 янв. С. 3), упоминая про «партнерский тип отношений между государством и его гражданами», но лишь ради исправления (силами этих граждан) сотворенного государством.

зять и о подобных рекомендациях научного руководства ВШЭ: «...в пределах агломерации производительность труда на 46% выше, чем в поселениях за их пределами... Видимо, нам предстоит длительный... процесс трансформации системы расселения с повышением доли агломераций... в численности населения, с сокращением сельского населения и числа жителей в малых городах, с втягиванием части из них в агломерации», хотя в предыдущем абзаце сами авторы утверждают, что ущербное состояние многих городов и малых поселений, уже находящихся «в зоне агломераций», «обусловлено не их расположением» (Бессонов и др., 2009). Российские условия учитывал тогда президент Д.А. Медведев³⁵, требуя от региональных властей реальные планы развития занятости (фактически – вынужденной) в моногородах, поскольку «нам нужно рассредоточиваться по всей территории страны... Потому что нельзя все время кучковаться... Это очень важно и геополитические, и для будущего».

Рассмотрим кратко в социально-экономическом аспекте российские условия, в определенной степени уже проанализированные специалистами Союза малых городов на основе проведенного в конце 2009 – начале 2010 гг. мониторинга состояния небольших (до 200 тыс. жителей) городов и поселков городского типа³⁶. От 315 до 500 небольших моногородов и более 300 монопоселков городского типа, а также ряд сельских поселений полностью зависят от политики собственника градообразующего предприятия, с одной стороны, и с другой – от политики, которую проводит государство в отношении моногородов. Их градообразующие предприятия, в модернизацию и обновление которых средства не вкладывались с 1990-х гг., исчерпали или почти исчерпали свой ресурс еще до наступления мирового финансового кризиса, хотя большинство держалось «на плаву»: до кризиса все моногорода (и большие, и небольшие) создавали не менее 40% ВВП. Кризис поразил все сферы их жизнедеятельности и многократно обострил имеющиеся проблемы, поскольку предприятия (прежде всего, экспортно-ресурсные и кредитозависимые) резко сократили объем производства или были вынуждены полностью остановить работу. Ситуация с занятостью в небольших моногородах и монопоселках осложнена в значительной степени (в сравнении с большими городами) весьма ограниченным диапазоном выбора мест приложения труда. При этом федеральные власти обратили внимание на проблему малых городов только после того, как 22 тыс. жителей города Пикалево в Ленинградской области перекрыли федеральную трассу.

Власти признавали «прогрессивными» лишь такие города, как: спутники крупных конгломератов; обладатели уникального потенциала; расположенные на притрассовых территориях; способные перепрофилироваться в агрохолдинги. Но другие, «депрессивные» моногорода и поселки, образованные ранее решениями государственного уровня, тоже имеют пусть не уникальные, но реальные возможности и право на жизнь и остро нуждаются, в период кризиса и для выведения из него, в государственной поддержке. При этом спорным представляется предложение Союза малых городов РФ о простом увеличении ставки НДФЛ ради получения властями моногородов необходимых средств в услови-

³⁵ См.: Дмитрий Медведев рассказал, за что снял Лужкова и, с кем встретит Новый год // Комсомольская правда. 2010. 27 дек. № 193. С. 2–4.

³⁶ По докладу (на тему моногородов) президента этого союза Е.М. Маркова на круглом столе Одиннадцатого всероссийского симпозиума «Стратегическое планирование и развитие предприятий» (Москва, ЦЭМИ РАН, апрель 2010 г.).

ях кризиса (ведь кризис и так больше всего ударил по доходам трудящихся этих городов). Необходима модернизация существующего градообразующего предприятия либо создание нового производства на базе действующего, но неэффективного предприятия; возможна разработка программы развития рекреационного, промышленного и других видов туризма и прочие варианты решения проблемы вынужденной занятости, вряд ли более затратные даже в финансовом отношении, чем переселение населения.

На первый план выступают меры по обеспечению социальной стабильности и просто выживанию (в буквальном смысле) многих людей. Директор региональных программ Независимого института *социальной* (курсив наш) политики Наталия Зубаревич предвидит, что «одновременно с общим выходом из кризиса медленно начнут отступать экономические проблемы и из моногородов. Проблема будет рассасываться сама по себе, эволюционно: безработные сменят место жительства, осядут на огородах, трудоустроятся в бюджетных учреждениях, в конце концов, окончательно сопьются»³⁷. На наш взгляд, здесь отсутствуют и экономические обоснования («сами по себе» появятся «бюджетные» рабочие места – где, какие?), и социальность политики («спивания» – или «спаивания?»), как и в «недоумении» Н. Зубаревич по поводу развития общественных работ для 2 млн чел. (она традиционно считает такую вынужденную занятость скрытой безработицей).

За годы непрерывных реформ страна уже потеряла более 700 небольших городских населенных пунктов. При этом малые, средние города и поселки городского типа в условиях России играют особую, государственно важную геополитическую роль, обеспечивая своего рода контроль над территорией, территориальное и социально-экономическое единство и целостность России, ее национальную безопасность. В 2010 г. властями предусмотрена поддержка 26 уже крупных моногородов, положение которых на настоящий момент признано наиболее критическим. Возникает отнюдь не беспредметный вопрос: если спасительная роль вынужденной занятости для населения России и нашего рынка труда проявлялась сначала на микроэкономическом уровне, затем и на мезоэкономическом, приближаясь уже и к 26 крупным моногородам в критическом положении, то что далее? Реально, во всяком случае, распространение этого процесса, и проблемы ВЗ, на крупные моногорода при сохранении прежних ценностных ориентиров теми, кто присваивает ярлыки «бесперспективности» жертвам неудачной социальной и экономической политики. По мнению специалистов Союза малых городов, разделением монопрофильных небольших городов на «прогрессивные» и «депрессивные» разрушительные процессы остановить не удастся.

Проблема организации ВЗ (а не уничтожения ее как «излишней») заслуживает пристального внимания, не только теоретического, но и практического, со стороны властных структур достаточно высокого уровня, учитывая и приведенное выше обоснованное мнение Д.А. Медведева, что «рассредотачиваться по всей территории страны» важно «и геополитически, и для будущего». Тем более, что после ряда публикаций с 2009 г., в том числе в рассылаемом во властные структуры журнале «Власть» (см., например, (Тарасова, 2011б)) по проблеме ВЗ в моногородах, властями действительно проводились совещания с губернаторами по планам развития занятости в этих городах.

³⁷ См.: Зюзев А. Наталия Зубаревич, директор региональных программ Независимого института социальной политики: «Россия сейчас на середине пути выхода из кризиса» // Комсомольская правда. 2010. 22 нояб. № 173. С. 10.

В результате этих и подобных им мер в 2016 г. была принята государственная приоритетная программа развития моногородов, в которой предусматривалось их «многопрофильное» развитие. Эта вроде бы благая цель выразилась и в привычно-командном стиле-запрете на невозможность совпадения для вновь создаваемых предприятий в регионе (моногородах) кодов ОКВЭД (общих классификационных видов экономической деятельности), особенно первых 2 цифр из 6, с кодами ОКВЭД «старых» градообразующих предприятий. Судя, например, по выступлению главы городского округа Мантурово М.В. Блинова на Восемнадцатом всесоюзном симпозиуме «Стратегическое планирование и развитие предприятий» в ЦЭМИ РАН (11–12 апреля 2017 г.), возможности властей там серьезно затруднены таким ограничением, препятствующим созданию каких-либо сопутствующих производственных предприятий рядом с их уже серьезно модернизированным (и теперь вполне «работоспособным») градообразующим предприятием, откуда ранее и были уволены работники. Многие из них пошли бы работать на «родственные» предприятия (с учетом их профессиональной подготовки и опыта предыдущей работы). По разным причинам высвободившиеся в результате модернизации основного предприятия работники далеко не всегда хотят или могут (в том числе по личным характеристикам) заниматься предпринимательством, заводить собственный бизнес, а именно это предусматривается – точнее, практически диктуется – указанной выше приоритетной программой. Видимо, такое, явно распространенное явление логично отразить во включении его в ВЗ, используя термин *«вынужденные предприниматели»*, при принуждении со стороны (властей – фактически страны) к выбору между предпринимательством и практически недоступной работой по найму³⁸. Естественно, «насильственный» путь предпочтительнее было бы заменить «приобщением» высвобожденного населения к предпринимательству каким-либо экономическим (социально-экономическим) путем. В любом случае подобные ситуации, безусловно, расширяют понятие ВЗ, ранее относимое нами только к наемным работникам.

Для подтверждения важности рассматриваемой проблемы кратко рассмотрим в интересующих нас аспектах те пять областей, от которых, по мнению акад. Н.Я. Петракова (Петраков, 2010), прежде всего, зависело (видимо, зависит и сейчас) обеспечение национальных интересов.

1. *Преимущественное развитие конкурентоспособных (или близких к этому) направлений российской науки с обеспечением для них современного уровня оборудования, условий жизни и оплаты труда сотрудников.* Вопрос в одном, за счет чего (кого?) будет обеспечен такой уровень. Уже проводилась акция удвоения оплаты труда научных сотрудников только за счет соответствующего сокращения их численности. Не менее впечатляет щедрое («преимущественное»?) финансирование создания «научограда» Сколково при вызвавшей резкое недовольство ученых «финансово ориентированной» реформе РАН. «Потребительское» отношение властей к науке, стремление сделать ее экономически выгодной (как и «министерская оптимизация» сети российских школ с исчезновением части их) плохо «стыкуется» с современными условиями роста в мировой экономике ценности и ценности знаний.

³⁸ Не логично использовать этот термин просто для «недостаточно талантливых» предпринимателей « в условиях неопределенности», т.е. при наличии выбора без диктата властей (как в докладах сотрудников ВШЭ проф. А.Б. Шаповала и Д.А. Покровского 04.04.2017 г. и 25.04.2017 г. на семинарах в МИРТ и ЦЭТИ ВШЭ и в ЦЭМИ РАН – не зря авторы и не относят этот термин к моногородам).

2. *Обеспечение военно-промышленной безопасности страны.* Здесь немалую роль играет рассматриваемая проблема моногородов, в силу как именно такого «происхождения» немалой части их, так и отрицательного влияния уничтожения их «бесперспективной» части на целостность и обороноспособность нашей географически протяженной и нередко недостаточно населенной страны. Это относится как к городам, так и к поселкам и деревням, заполняющим пространство между городами.

3. *Максимальное использование географического положения России.* Речь идет о межнациональном инвестиционном проекте российского моста между Европой и Азией со скоростными авто- и железными дорогами, строительство которых простимулирует развитие уральских и сибирских регионов. Но та же оговорка: для такой стимуляции сначала необходимо *сохранить* города, поселки и деревни в этих и *соседних* регионах. Не случайно академик В.Л. Макаров, директор Центрального экономико-математического института РАН (т.е. человек, не хуже властей умеющий оценивать экономическую сторону проектов), как необходимое условие создания такого транспортного коридора, подчеркнул – нужно, чтобы *вокруг* (курсив наш) нормально жили люди (Макаров, 2010).

4. *Использование эколого-экономических преимуществ России с выращиванием экологически чистой продукции, годной на экспорт, на наших огромных площадях соответственно международным стандартам.* И здесь та же очевидная оговорка: без достаточной заселенности этих площадей выращивать будет некому, да и организация государственного и межгосударственного контроля будет вряд ли возможна.

5. *Главное – это условия жизни россиян, демографический рост и увеличение продолжительности жизни.* О необходимости организации ВЗ для (как минимум) сохранения имеющегося демографического потенциала, об отрицательном воздействии на него «оптимизации по-министерски» речь уже шла. Что касается условий, уровня и качества жизни населения, здесь главенствует проблема низкой оплаты труда. По мнению Н.Я. Петракова, ее нельзя объяснять относительно низкой производительностью труда россиян, так как «это довольно странно с социальной точки зрения». Расчеты ошибочности такого «объяснения» уже не с социальной, а с экономической точки зрения были опубликованы нами (при сравнении соотношения производительности труда и его оплаты в РФ и Канаде) еще в 1996 г., что было подтверждено затем расчетами других специалистов на примере иных стран или иных показателей оплаты труда (см. далее разд. 10.4).

Таким образом, если основной задачей вынужденной занятости на микроуровне экономики являлось сохранение рабочей силы для дальнейшего оживления экономики, то теперь, уже на следующем уровне, это лишь подзадача для иной, более существенной цели, имеющей первостепенную важность с точки зрения обеспечения государственных интересов России: сохранение населения (хотя бы как «человеческого капитала» страны) и целостности России, для достижения чего необходимо изменение основных ценностных ориентиров, не ограничивая их предпринимательским оцениванием всего и вся с точки зрения прибыльности.

10.4. Степень эксплуатации труда (соотношение его производительности и оплаты)

Рассмотрим подробнее затронутую выше проблему соотношения производительности труда и его оплаты, в том числе с учетом их скрываемых элементов, рассчитанных в системе НДП.

При переходе российского общества к рыночным отношениям денежное выражение оплаты труда (Тарасова, 2013б) в форме заработной платы должно было существенно вырасти, чтобы дать возможность семьям наемных работников оплачивать реально необходимый минимум подорожавших потребительских товаров и услуг. Ожидаемого роста не произошло, выросла лишь дифференциация ЗП. Реформирование социальной сферы, предусматривающее коммерциализацию социальных услуг, вызвало реальное снижение уровня жизни работающих. Стал фактически существовать в значительно урезанном виде так называемый «социальный пакет» (ранее включавший целый ряд полу- или бесплатных социальных услуг и служивший весомым дополнением низкой ЗП), что также не было компенсировано соответствующим повышением оплаты труда наемных работников. Практиковавшиеся в переходный период задержки выплат заработка, многократные и длительные, еще более снижали уровень жизни работающих (но не цену продукции, 10–15% себестоимости которой (позднее 25%), при 69% в Евросоюзе и 80% в США, определяла начисленная зарплата, а не реально выплаченная работникам). Такие задержки появились и в кризисные периоды. При этом низкая оплата высококвалифицированного труда снижала и снижает его престижность и препятствует стабильному росту производства, не являясь стимулом для работника и не обеспечивая условия для воспроизводства рабочей силы в настоящем и будущем. Правда, в (Заработная плата..., 2008) утверждается иное («высокая отдача на высшее образование», «квалифицированный труд ценится... выше»), но там же говорится, что в РФ «квалифицированные и полуквалифицированные рабочие... не слишком отстают от специалистов высшего уровня квалификации. Структура относительных заработных плат оказывается смещенной в пользу работников физического труда».

Первоочередной задачей, безусловно, является рост особо заниженной оплаты труда большинства занятых в бюджетной сфере, что ведет к падению спроса населения³⁹ и потому в определенной степени снижает вторую (кроме оплаты труда) основную долю ВВП – валовую прибыль экономики. Много лет лишь у половины таких бюджетников, как весьма скромно оплачивавшиеся учителя и медики, оплата труда превышала величину ПМ (в 2011 г. ПМ = 6287 руб.), а средняя заработная плата не превышала $\frac{3}{4}$ среднемесячной величины в экономике. В 2016 г. официально – по Росстату – это 32 тыс. руб., а у учителей фактически в среднем 18 тыс. руб., при втрое более низком минимуме на Алтае. Низкая оплата труда была характерна и для науки, что чревато крайне опасными последствиями для самой науки, т.к. провоцирует одних способных научных работников на отъезд за рубеж, а других – на поиски таких источников дохода, как «платное» писание статей и даже диссертаций для политиков или чиновников, а то и для тех коллег, что активно ищут лишь карьерного роста. Такой количественный рост прагматических изменений (ис-

³⁹ Так, по вице-президенту Золотого монетного дома А. Вязовскому (см.: Кризис возвращается // Метро. 2017. 30 марта. С. 12), «главная российская проблема – потребительский спрос».

кажений) научной работы может привести к существенному качественному изменению (снижению) критериев и идеалов самой научности, которые имеют ценностный, конвенциональный характер (Земляков, 2010). Это будет означать уже изменение семантики (смысла, сути) научной работы, ее значения и соответственно отношения общества к ней.

Намного щедрее оплачиваются из того же госбюджета государственные чиновники, чья численность превысила уровень СССР. Их немалые оклады с учетом различных добавочных льгот росли достаточно быстро (например, на 29 и 37% в 2005 г. и 2007 г.). Принятый Госдумой запрет в бюджете 2011–2013 гг. на индексацию окладов федеральных чиновников малоэффективен, поскольку, по словам директора департамента стратегического анализа компании ФБК Игоря Николаева, такой оклад может составлять реально только $\frac{1}{8}$ – $\frac{1}{10}$ заработка (с учетом надбавок, премий и т.п.). Велика и обеспечивающая весомую скрытую часть дохода чиновников их «коррупционная активность», борьба с чем признана уже важной государственной задачей, пока далекой от решения. Рост числа возводимых ими административных барьеров для бизнеса намеренно загоняет последний в «серое» поле «откатов» и т.п. явлений, мешая процессу выхода бизнеса из «тени». При этом, как отметил в 2014 г. в докладе на XV «Апрельской» международной конференции «Модернизация экономики и общества» (ВШЭ, 01.04.2014) глава РСПП д.э.н. А.Н. Шохин, с 2010 г. возросла некомпетентность проверяющих бизнес чиновников.

По рекомендации Международной организации труда (МОТ), в развитых (и даже не очень развитых) странах минимальная ЗП должна быть не ниже 50% средней, причем исследования ООН выявили исчезновение у работников мотивации к производительному труду при оплате менее 3 долл. в час. В России такая оплата в 11–14 раз ниже развитых стран. Столь низкий уровень определяет почти половину общей бедности населения в России, мешая росту его покупательной способности. В РФ считаются бедными те, чей доход ниже ПМ. При этом ПМ для лиц трудоспособного возраста должен быть, по сути, стоимостным эквивалентом воспроизводственного минимума; если же МРОТ (4611 руб. в 2011 г.) был ниже такого ПМ (6287 руб.), то это означает воспроизводство путем «проедания» трудоспособности (Токсанбаева, 2006). В РФ темпы роста устанавливаемого государством МРОТ должны, учитывая рекомендации МОТ, существенно опережать темпы роста средней ЗП до достижения хотя бы 30–33% от нее и допустимого децильного коэффициента дифференциации зарплаток в 5–6 раз. При этом и сама среднемесячная номинальная (тем более реально полученная) начисленная ЗП росла в 1990-х гг. почти вдвое медленнее, чем ПМ. На рис. 5.4 в прил. 5 приведены для сравнения данные о доли оплаты труда в ВВП по РФ и другим странам. При этом следует учесть утверждения ряда зарубежных ученых о прямой взаимосвязи между общим уровнем дифференциации в оплате труда (уровнем экономического неравенства) и уровнем безработицы в стране (Conceicao, Ferreira, Galbraith, 1999)⁴⁰.

Существенная региональная разница оплаты труда и ЖКУ снижает региональные различия в финансировании с 10–12 раз (в среднестатистическом исчислении) до 4–5 раз. В то же время ситуация в России обостряется из-за большой дифференциации оплаты труда (региональной, отраслевой, внутриотраслевой по формам собственности). Так, в «бога-

⁴⁰ Не случайно один из авторов (Джеймс К. Гэлбрейт, профессор Техасского университета, США) выступал на подобные темы еще 08.06.1999 г. на семинаре ОЭ РАН «Неизвестная экономика» (под руководством акад. Д.С. Львова и д.э.н. В.Г. Гребенникова) с докладом «Неравенство и безработица в Западной Европе и США».

той» кредитно-финансовой системе, где оплата более трети работников еще в 2004 г. превышала ПМ более чем в 26 раз, уровень внутриотраслевой дифференциации был максимален – в крайних децилях ЗП различалась в 26–28 раз.

С августа 1998 г. бурные экономические, социальные и политические события в России вообще отодвинули в сторону проблемы сферы труда, и ранее, с конца 1980-х гг. (тем более в 1990-х гг.), не балуемые вниманием научных кругов и властных структур. Но эти проблемы реально существовали, не решаемые автоматически в процессе формирования рыночной экономики. И одной из основных исходных причин неудачной тактики осуществления социально-экономических реформ российской экономики, с нашей точки зрения, было пренебрежение прагматическими аспектами в этой области, а именно, важной в условиях РФ такой связи экономики и психологии, как развитая «трудовая доминанта» в психологии общества, общественном сознании. Это выразилось в невнимании к проблемам занятости и труда с его низкой оплатой, ведущей к росту дифференциации общества. В начале 1990-х гг. это невнимание было полным, в то время ни на одной из многих международных конференций по экономике переходного периода такие вопросы даже не упоминались (Тарасова, 1996). Да и много лет спустя ситуация кардинально не изменилась, судя хотя бы по «срезанию» Минфином средств на принятую Минтрудом программу обследования видов занятости (Тарасова, 2004) или по исчезновению в нем управления, занимавшегося политикой занятости и рынком труда, а затем и самого Минтруда (правда, потом «восставшего», но далеко не сразу...).

Неоднократно высказывались категорические утверждения, что низкая оплата труда определяется в РФ его низкой производительностью. Производительность труда вообще много лет упоминалась лишь в контексте утверждений о нашем отставании от уровня развитых стран; при этом замалчивалось намного большее отставание по оплате труда, превышающее масштаб первого в 2–2,5 раза. Этот же прием был использован, например, главой комитета по труду РСПП, миллиардером М.Д. Прохоровым для обоснования предлагавшихся им поправок к Трудовому кодексу с удлинением рабочей недели до 60 часов (правда, в добровольном порядке, что на практике означало бы в давно знакомом «добровольно-принудительном») по причине отставания по производительности труда в 4–6 раз. О намного более весомом отставании уровня заработной платы, непосредственно зависящем от работодателя, этот «борец против бедности»⁴¹ умолчал.

Учитывая такую ситуацию, целесообразно привести обоснованные оценки, содержательно значимые и корректно полученные (Тарасова, 2009а, 2012а). С помощью системы НДП, используя данные Росстата и ряда министерств, по разработанной методике были рассчитаны объемы скрываемых (N_i) и официальных (N_{AO}) частей занятости (N_A), где $N_A = N_{AO} + N_i$, и доходов населения ($V = V_O + V_C$) с учетом скрываемой оплаты труда V_C (помимо легальной, официально фиксируемой), в том числе теневой (V_i) при теневой занятости трудящихся. При анализе эффективности труда важны два показателя по РФ: во-первых, динамика производительности труда ($П_T$), во-вторых, отношение $П_T$ к ЗП. На основе оценок ВВП, среднегодовой занятости в экономике (всей N_A , официально зарегистри-

⁴¹ См.: Зюзев А. Миллиардер Прохоров: Я за борьбу против бедности, а мои оппоненты борются против богатых // Комсомольская правда. 2010. 14 нояб. С. 6.

стрированной N_{AO} и теневой N_t) и доходов населения была оценена для РФ динамика за 1995–2010 гг. этих двух показателей (Тарасова, 2009а; Тарасова, Васильева, 2011).

Оценивались три вида первого показателя – производительности труда:

1) по всей занятости, т.е. наиболее общий вариант: $P_T = ВВП/N_A$;

2) «официальный» вариант P_{TO} – без всех скрываемых частей занятости (по $N_{AO} = N_A - N_t$) и доходов, т.е. без N_t и V_C : $P_{TO} = (ВВП - V_C)/N_{AO}$;

3) промежуточный вариант P'_{TO} – без теневых частей занятости N_t и доходов V_t , т.е. без N_t и V_t , но с добавлением к P_{TO} скрытых («серых») доходов V_{CC} официально занятых: $P'_{TO} = (ВВП - V_t)/N_{AO}$.

Базовая и прогнозная динамика всех трех видов производительности труда (в ценах 2000 г.) одинакова: снижаясь с 1995 по 1998 г., далее они росли с 2001 г. ежегодно на 4–8%, увеличившись к концу базового периода на 50%, прогнозного – на 80–100%. В базовом периоде (кроме 1998 г.) соблюдается соотношение $P_{TO} < P_T < P'_{TO}$, т.е. обычно оценка минимальна при учете лишь официальных показателей занятости и оплаты труда, максимальна при учете «серой» ЗП официально занятых (см. табл. 10.3). Полученные на макроуровне системы НДП оценки для P_{TO} сопоставимы с аналогичными оценками МЭРТ темпов роста производительности труда в сопоставимых ценах, как показано в табл. 10.4.

Второй, не менее важный показатель, также отраженный в табл. 10.3, это отношение производительности труда к заработной плате, названное нами в 1996г. «удельной» производительностью труда на единицу его оплаты (для общего случая это $P_T/ЗП$) и характеризующее, с одной стороны, эффективность труда, а с другой – степень эксплуатации труда. Расчеты в системе НДП показали нежелательный рост этого второго показателя (от 3,5 до 10%) с 1995 по 1999 г. и положительную тенденцию дальнейшего снижения на 13–20,5% во всех вариантах.

При проводившемся ранее в ЦЭМИ РАН исследовании структуры занятости и степени эксплуатации труда через его производительность и оплату, в том числе отраслевую (Тарасова, 2004; Тарасова, Збарская, Блюмина, 1996; Тарасова Н., Тарасова М., Дробов, 2005), величину теневой занятости можно было не учитывать. В начале 1990-х гг., как отмечено выше, ввиду массовой (хотя бы формальной) легализации «теневи́ков», оценки официальной занятости можно было считать близкими к реальным (при немалой, до 40%, доле реализованной продукции, нелегально производимой легально занятыми) с точностью до не столь уж объемной скрываемой занятости официально зарегистрированных безработных. Для сравнения тогда была выбрана Канада, сопоставимая с Россией по ряду климатических и других природных условий и по некоторым общим социально-политическим проблемам. К тому же при становлении российского рынка труда богатый канадский опыт оказался полезным и практически (так, в 1997–1998 гг. канадскими специалистами был проведен по РФ ряд «обучающих» семинаров для работников нашей службы занятости, в том числе, по выявлению теневой занятости лиц, регистрирующихся в качестве незанятых). Для корректности сравнения необходимо было обеспечить сопоставимость как методов оценивания показателей, так и единиц их измерения. Поэтому использовались «паритетные» доллары США (USD–ППС), курс которых существенно отличается от их валютного курса в России, а именно в этих единицах приводились, например, крайне низкие показатели производительности труда по РФ в отчете 2003 г. МОТ. Пари-

тетные же оценки отражают более реальную оценку показателей и их динамику с учетом меняющейся покупательной способности рубля «с точки зрения» мирового сообщества.

Таблица 10.3

**Производительность труда и ее отношение к заработной плате
(«удельная» производительность труда на единицу его оплаты):
три варианта расчета, цены 2000 г.***

Показатели	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Производительность труда (П _Т), год, тыс. руб.	88,03	99,75	104,6	108,7	115,7	122,1	128,8
темпы роста, %		113,0	104,9	103,9	106,4	105,5	105,5
% к 1995 г.	100,0	113,3	118,8	123,5	131,5	138,7	146,3
то же с ВВП в USD–ППС	11,98	13,95	14,88	15,80	17,07	18,94	22,29
темпы роста, %		115,1	106,7	106,2	108,0	110,9	117,7
% к 1995 г.	100,0	116,5	124,2	131,9	142,5	158,1	186,1
официальная (П _{ТО}), без скрываемых доходов и теневой занятости (N _t)	85,80	95,65	99,53	102,6	108	112,4	120
темпы роста, %		111,9	104,1	103,1	105,3	104,1	106,3
% к 1995 г.	100,0	111,5	116,0	119,6	125,9	131,0	139,9
то же с ВВП в USD–ППС	11,66	13,43	14,24	15,00	16,04	17,88	21,67
темпы роста, %		117,4	106,1	105,3	106,9	111,4	121,2
% к 1995 г.	100,0	115,2	122,2	128,7	137,6	153,3	185,9
% к П _Т	97,3	96,2	95,7	94,9	94,0	94,4	97,2
% к П' _{ТО}	92,0	90,3	89,8	89,1	88,9	88,6	90,5
то же со скрытыми доходами V _{СС} (П' _{ТО}) без теневых показателей (V _t , N _t)	93,22	106,2	111,3	115,6	122,1	128,9	136,0
темпы роста, %		110,8	104,8	103,9	105,6	105,6	105,5
% к 1995 г.	100,0	113,9	119,4	124,0	131,0	138,3	145,9
то же с ВВП в USD–ППС	12,68	14,87	15,86	16,83	18,05	20,17	23,94
темпы роста, %		114,2	106,6	106,1	107,3	111,7	118,7
% к 1995 г.	100,0	117,3	125,1	132,8	142,4	159,1	188,8
% к П _Т	105,8	106,6	106,6	106,5	105,7	106,5	107,4
% к П' _{ТО}	108,7	110,7	111,3	112,2	112,5	112,8	110,5
10*удельн. производительность труда по П _Т	38,32	44,87	39,23	35,09	33,68	32,15	30,11
темпы роста, %		93,5	87,4	89,5	96,0	95,5	93,6
% к 1995 г.	100,0	117,1	102,4	91,6	87,9	83,9	78,6
то же по П' _{ТО} без скрываемых доходов и теневой занятости	37,34	43,02	37,32	33,09	31,42	29,58	27,93
темпы роста, %		92,6	86,7	88,7	94,9	94,2	94,4
% к 1995 г.	100,0	115,2	99,9	88,6	84,1	79,2	74,8
то же по П' _{ТО}	32,07	34,33	30,6	27,7	26,53	24,96	24,1
темпы роста, %		96,5	89,1	90,5	95,8	94,0	96,6
% к 1995 г.	100,0	107,1	95,4	86,4	82,7	77,8	75,2

* Наши расчеты по статбазе системы НДП.

Таблица 10.4

**Темпы роста (%) ЗП и производительности труда в 2003–2013 гг.
по МЭРТ и по системе НДП (базовые оценки – по 2009 г.)***

Темпы роста (%) ЗП и производительности труда	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
По МЭРТ: для производительности труда	107,0	106,5	105,5	106,0	105,6	104,5	93,8	103,4	103,4	103,3	104,2
НДП: для П _{ТО} в USD–ППС	106,5	109,7	121,2	109,4	109,9	112,2	89,0	–	–	–	–
НДП: для П _{ТО} в ценах 2000 г.	105,3	104,1	105,5	104,4	105,3	110,2	88,7	100,4	104,4	104,5	103,9
НДП: для ЗП в ценах 2000 г.	110,9	110,5	112,6	91,2	91,7	87,6	89,5	93,6	91,5	94,3	94,4
НДП: для П _{ТО} /ЗП, цены 2000 г.	94,9	94,2	93,6	114,6	114,8	125,8	99,0	107,2	114,2	110,7	110,0

* Оценки МЭРТ и наши расчеты на основе системы НДП.

Ввиду низкой динамики канадских показателей, их значения за 1988–1993 гг. по (Annual..., 1995; Historical..., 1992; Industrial Statistics..., 1993; International..., 1994; OECD Economic..., 1995; Yearbook..., 1995) и др., при недоступности в то время более поздних, использовались нами для сопоставления с российскими за 1990–1997 гг. В результате общеизвестная малость (по мировым стандартам) номинальной начисленной ЗП в РФ в данном случае выразилась почти в 9-кратном отставании от среднего уровня канадской заработной платы «брутто», а для производительности труда по РФ выявлено отставание от Канады только в 3,7 раза. Соответственно по удельной производительности труда на единицу его оплаты картина принципиально иная – мы опережали Канаду более чем вдвое. Этот вывод был вскоре подтвержден на примере других стран акад. Д.С. Львовым и д.э.н. В.Г. Гребенниковым (Львов, 2005; Сулакшин, 2009). В Канаде уровень этого показателя неуклонно, хотя и ненамного, снижался с 20,2% в 1988 г. до 18,9% в 1993 г. В России же он был чрезвычайно высок и с 1990 по 1997 г., по прежним оценкам, вырос на 54%. Позднее наши расчеты на основе почасовых данных в USD–ППС из (Львов, 2005) привели к оценкам 2–1,8 для Франции, Италии и Японии или 1,6 и 1,2 для США и Германии, что ниже степени эксплуатации труда в РФ (4,5) в 2,2–3,7 раза.

Обоснованность преимущественного роста заработной платы, а не производительности труда (приоритетность роста последней еще не так давно считалась аксиомой⁴²) подтвердил и анализ динамики удешевления рабочей силы для работодателей, учитывающий обратное соотношение P_T и ЗП (т.е. ЗП/ P_T), приведенный в (Капелюшников, 2009б). «Внутренняя» динамика ЗП выявляется при расчетах в сопоставимых ценах, для чего чаще всего (и за рубежом) используются, как и в системе НДП, индексы потребительских цен, приводящие к выявлению реальной ЗП с точки зрения потребителя («потребительская» ЗП, *consumer real wage*). Для производительности труда с этой целью можно использовать дефлятор ВВП, который, как и индекс цен производителя, в случае применения к ЗП приводит уже к оценке реальной ЗП для производителя («производительская» ЗП, *producer real wage*), отражая изменения в цене труда «с точки зрения предприятия». Тогда выявляется кардинально иная динамика удешевления рабочей силы⁴³: за 1997–2007 гг. «удельные» издержки на рабочую силу (*unit labor cost*) снизились на 16%, от чего выиграли получатели прибыли и смешанных доходов (у нас – это предприниматели П). Такие издержки и измеряются соотношением ЗП и производительности труда (ЗП/ P_T) с учетом отчислений на соцстрахование; при этом официальная ЗП плюс соцстрахование составляют в РФ всего 30% ВВП, что вдвое меньше, чем в развитых странах. Урезанием трудовых издержек работодатель присваивает часть монопольного дохода в виде ренты по трудоспособности работника (Токсанбаева, 2006). Происходит перераспределение доходов от работников к управляющему слою за счет нормы эксплуатации (Овсиенко, Петраков, 2004). Такое удешевление рабочей силы подчеркивает нацеленность проводимой по-

⁴² Такое мнение, например, было высказано бывшим вице-премьером Я. Уринсоном при обсуждении бюджета РФ на 2011 г. на Круглом столе «Экономического клуба ФСК». В то же время в конце 2010 г. впервые (насколько нам известно) в СМИ опубликовано противоположное мнение, а именно: положение это было верно в советских условиях, но теперь определяющим стал спрос, прямо зависящий от роста заработной платы.

⁴³ На эту работу коллеги ссылаются и авторы (Бессонов и др., 2009), которые все же считают «негативными для конкурентоспособности отечественной экономики» последствия «удорожания рабочей силы», игнорируя возможность такого «противовеса» этому удорожанию, как снижение «выигрышей» предпринимателей.

литики доходов на несвойственный социальному государству преимущественный рост завышенных доходов «ненаемных» занятых. По нашим оценкам, степень эксплуатации труда от 2,3 в 2005 г. дошла до 3,7 в кризис 2008–2009 гг. и при сохранении той же инерции может превысить 5.

Рост производительности труда некоторые противники усиления роли государства в экономике связывают только с активизацией бизнеса⁴⁴ (улучшением делового климата для него с ростом доверия между властью и бизнесом при дальнейшей демократизации условий для последнего). При этом влияние и интересы сферы труда – столь же важной стороны экономических отношений – полностью игнорируются. Но тем же нередко грешат и работы экономистов иного направления (Анисимов и др., 2014).

Ситуация в России обостряется из-за большой отраслевой дифференциации производительности труда и, главное, его оплаты. Ранее при сопоставлении с Канадой по (Labour..., 1995; Statistical..., 1986, 1994) нами были выделены группы отраслей с наибольшими и наименьшими значениями производительности труда и (или) его оплаты, при классификации по межотраслевому балансу для РФ с 43 отраслями, достаточно сопоставимой с канадской отраслевой классификацией по (National..., 1992). Самыми высокооплачиваемыми в России являлись угольная промышленность (с высоким уровнем рассмотренной выше инерционной занятости, определяющей истинный объем скрытой безработицы) и кредитно-финансовая система с максимальной внутриотраслевой дифференциацией, где до 2000 г. было сверхнизкое (низкое даже для Канады) значение $P_T/ZП$: в 1991 и 1994 г. – 8,6 и 20. Для Канады, с ее высоким уровнем оплаты труда, в 1990 г. оно равнялось 32. При этом анализ высокой межотраслевой дифференциации производительности труда и его оплаты выявил тогда же, что некоторые «бедные» бюджетные отрасли показывали совсем не низкое значение производительности труда при очень высоком (даже для России) значении $P_T/ZП$ – например, наука (где падение оплаты труда было очень резким) или легкая промышленность, относившаяся вообще к высокопроизводительной группе отраслей. Зато наш высокооплачиваемый аппарат органов управления, в отличие от канадского, не оправдывал высокие заработки высоким значением производительности труда. Тем не менее, политика поддержания отмеченного выше (в начале разд. 10.4) особо высокого уровня оплаты российского госаппарата продолжается до последнего времени (чаще всего – под флагом борьбы с коррупцией). Последующие переосмотры данных госстатистики качественно не влияют на полученные оценки по РФ.

⁴⁴ См., например, Ясин Е. Догоним – не догоним? // Российская газета. 2014. 10 янв. № 3. С. 5.

11. ИНДИКАТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

11.1. Индикаторы социального благополучия

Проведенный в разд. 8–10 анализ оценок параметров и вариантов социальной политики (с учетом серьезности проблемы достижения Россией европейского или мирового уровня для соответствия статусу социального государства) приводит к следующим выводам (как минимум, на период проведения исследований).

1. Выявляется «несоциальный» характер динамики *общей функциональной структуры доходов населения* (соотношения долей трех функциональных видов доходов) при заниженной доле трудовых доходов и росте (после кризиса 2008 г.) степени сокрытия предпринимательских (от предпринимательской деятельности, от собственности и пр.) не менее чем до 60%.

2. *Рост заработной платы (ЗП) в РФ*, определяющий спрос населения, должен опережать *рост производительности труда* до выхода на более низкий уровень степени эксплуатации труда (по соотношению производительности труда и ЗП), который в РФ превышает уровень развитых стран не менее чем вдвое. Происходит реальное удешевление рабочей силы для предпринимателей. Все это подчеркивает нацеленность политики доходов на преимущественный рост предпринимательских доходов (т.е. доходов ненаемных занятых), рост сокрытия которых отмечен в п. 1.

3. Реальное осуществление конституционного права на выбор работы с более высокой оплатой упирается в острейшую для населения *жилищную проблему*, для анализа которой предложены корректные методы расчета показателей как доступности (скорее, практически «недоступности») нового жилья, так и *денежного ущерба населения*, с растущей оплатой имеющегося жилья при коммерциализации социальных услуг, особо весомой в сфере ЖКХ. Здесь, как нигде, значима *сверхвысокая дифференциация доходов населения*. При этом в консолидированном бюджете РФ доля расходов на ЖКХ (с ростом тарифов, опережающим все прочие социальные услуги) выше, чем в любой стране ЕС, но все расходы государства и населения не приводят пока что к качественному улучшению жилищных услуг.

4. При общепринятом 40%-м коэффициенте замещения оплаты труда пенсией (по МОТ), в РФ он значительно ниже и может снижаться до $\frac{1}{2}$ указанного уровня. Все это, учитывая к тому же проблемы с обеспечением выплат пенсий, подчеркивает *необходимость изменения характера пенсионной реформы*.

5. Динамика общего объема *расходов социального назначения* из консолидированного бюджета РФ определяется отнюдь не социально-экономическими причинами, что говорит об их *остаточном характере*. Это никоим образом не отвечает мировой тенденции возрастания роли социальных проблем (соответственно и расходов на их решение) и значения человеческого капитала.

6. Наиболее заметна обратная зависимость бюджетных расходов РФ на социальную политику, с одной стороны, и, с другой, на образование или здравоохранение, когда рост первых происходил фактически за счет снижения иных социальных расходов. Подобная методика неприемлема при финансировании социальной сферы, причем *снижение*

расходов на образование и здравоохранение не отвечает ни реальным требованиям практики в настоящее время, ни тем более будущим потребностям общества.

7. Фактическое *ущемление права на образование* происходит при:

- диктуемой «сверху» нацеленности на экономию расходов при росте платности образования за счет перекалывания расходов на семьи, что не соответствует истинным основным (государственным) целям его и затрудняет доступ значительной части населения к образованию на современном уровне при сверхвысокой дифференциации доходов населения России (причем уровень неграмотности положительно коррелирует с уровнем неравенства доходов населения);

- проводимой «оптимизации сети образовательных учреждений», в том числе с огульным упразднением малокомплектных школ (к которым относятся, например, и «школы здоровья» для больных детей) и во многом потерей высокого уровня «дореформенного» образования;

- доля госрасходов на образование в РФ составляла много лет лишь $\frac{1}{2}-\frac{2}{3}$ от среднего европейского и мирового уровня развитых стран, причем явную и существенную заниженность российского уровня нельзя объяснить более благополучным финансовым положением в этих странах. Необходим *рост госрасходов на образование минимум в 1,5 раза*.

8. В сфере здравоохранения *чрезвычайно низкий уровень наших госрасходов* имеет следствием:

- недостаточность уровня государственного здравоохранения при высокой (и растущей) стоимости «частного» лечения, недоступного для большинства населения РФ при не менее высокой (и растущей) потребности его в лечении;

- ухудшение здоровья населения РФ и (как одна из причин) сокращение его численности, так что к первоочередным задачам относится возрождение массовости занятий физкультурой и улучшение условий для лечения населения и роста рождаемости (вместо ухудшения этих условий путем закрытия «неприбыльных» роддомов и больниц ради «прибыльности» оставшихся);

- отставание продолжительности жизни в РФ на много лет от стран с подобным же уровнем личных доходов (за счет улучшения здравоохранения необходимо преодолеть хотя бы это отставание);

- замещение недостаточного уровня (и квалификации) медицинских работников, и технической вооруженности здравоохранения высокой численностью малообеспечиваемых врачей (при растущей нехватке среднего медперсонала) и числа больничных коек («оптимизация» с их огульным сокращением проблемы не решит);

- выигрыш преимущественно богатых слоев населения от иностранных инвестиций в здравоохранение, до 90% которых идет на деятельность санаторно-курортных учреждений, доступ к которым для многих трудящихся значительно затруднен.

В этой сфере отставание наших госрасходов от развитых стран еще больше, чем в сфере образования: от $\frac{1}{3}$ (и менее) до $\frac{1}{2}$ (и менее) европейского и мирового уровня. Необходим *рост госрасходов в сфере здравоохранения минимум в 2 раза*.

9. Экономия средств при низком уровне *расходов на культуру, СМИ* и т.д. ведет к *растрате человеческого капитала и в этой сфере* (в том числе со снижением культурного

уровня населения). Хотя по госрасходам на отдых и культуру (более 2%) РФ занимает среднее положение относительно стран ЕС (при средней же степени участия федерального бюджета), но в этой сфере сопоставления менее корректны в силу гораздо более высокой специфики национальных культур и государственных мер.

10. По доле расходов консолидированного бюджета на социальную защиту:

- минимальные социальные гарантии до сих пор нередко не соответствуют даже нашему заниженному уровню прожиточного минимума (ПМ), явно недостаточного для нормальной жизни; первоочередная задача – обеспечить всему населению уровень *реального* прожиточного минимума;

- оценки необходимости *существенного подъема пособий* и пр., представленные в докладе Всемирного банка, отнюдь не преувеличены;

- социальные проблемы и в сфере оплаты труда, и в жилищной (а в последнее время – даже в сфере безопасности населения) обостряются вследствие миграции как процесса глобализации (и внутренней миграции – в пределах страны), поэтому явно требуются меры *реальной* социальной защиты интересов не только мигрантов («внешних» и «внутренних»), но и коренных жителей.

Поскольку вообще в области соцзащиты мы отстаем от стран ЕС в 1,3–1,7 раз, соответственно требуется *повышение госрасходов по социальной защите минимум в 1,3–1,5 раза, а также расширение сферы ее действия (соответственно наименованию раздела «социальная политика»)*.

11. При перенесении тяжести социальных расходов на *региональные бюджеты*, особенно по разделу «социальная политика», забота о социальной защите населения становится фактически задачей регионов. Их бюджеты далеко не всегда способны выдержать эту нагрузку, подтверждая недопустимость упомянутой в п. 6 методики.

12. Доли расходов домашних хозяйств на образование, здравоохранение, отдых и культуру и услуги ЖКХ в среднем в 1,5 раза ниже показателей развитых стран, хотя доходы нашего населения ниже далеко не в полтора раза. Таким образом, недостаточность госрасходов на эти цели вызывает относительную *завышенность личных расходов граждан* в этих областях, что требует повышения уровня их доходов, особо ЗП (см. п. 2).

13. На уровень оплаты труда и социальных госрасходов влияет состояние экономики страны, а уровень ее социального и экономического развития (в том числе ПТ) существенно зависит от развития науки. На внутренние затраты на исследования и разработки по источникам финансирования в 1995–2006 гг. в РФ уходило всего 0,9–1,3% ВВП при европейском уровне выше 2%. Требуется *повышение расходов на науку минимум в 1,6 раза*. Для функционирования и развития современной экономики необходимо развитие фундаментальных исследований, финансируемых за счет государства, что требует *преимущественного роста бюджетных расходов на науку*. Все эти задачи не учитываются проводимой активно (с упором на формальные показатели) реформы РАН, а во многом и ухудшают ситуацию в науке.

14. Кризис способствует усилению роста нашей *сверхвысокой дифференциации доходов* (например, путем щедрой денежной господомощи отнюдь не бедным банковским и предпринимательским структурам, не всегда доводящим ее до реального сектора). Такой рост был вызван ранее введением *плоской шкалы подоходного налога*, собираемость которо-

го, вопреки официальным заявлениям, реально (в сопоставимых ценах) практически *не возросла* (из-за доказанного нами *отсутствия ожидаемой легализации скрываемых доходов*). Общепринятой для развитых стран является прогрессивная шкала налогообложения, социально более справедливая (тем более при учете формирования доходов богатых слоев в РФ, чаще всего, за счет присвоения природной и «административной» ренты) и способствующая снижению социальной напряженности, что особо важно в кризисные периоды.

Как нетрудно видеть (см. пп. 1–14), государственная политика недооценки необходимости сохранения и развития человеческого капитала России – при заботе властей о (как минимум) сохранении финансового капитала наиболее богатых слоев населения – не соответствует интересам России как социального государства. Во всех важных международных рейтингах (по индексам развития человеческого потенциала или глобальной конкурентоспособности, по процветанию стран и др.) «хорошие» места до последнего времени занимают скандинавские социальные государства – Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия, где высокий уровень *социальных* госрасходов отнюдь не мешает экономическому развитию (Александрова, Ненахова, 2012). Поскольку мы пока что отнюдь не приближаемся к такому состоянию, рассмотренные в предыдущих разделах (и перечисленные здесь в п.п. 1–14) показатели можно считать индикаторами практической неэффективности социальной политики, т.е. индикаторами социального неблагополучия.

11.2. Индикаторы практической эффективности социальной политики

По сравнению с приведенными выше индикаторами практической неэффективности социальной политики, исключение составляет такой показатель, как «вынужденная занятость» (см. далее пп. 15–18), полностью точно не оцененный госстатистикой, но действительно обусловивший эффективность социальной политики в переходный и кризисный периоды.

15. Сопоставление финансовых антикризисных «инъекций» в США и РФ при кризисе 2008 г. показало, что при немалой (в 4,5 раза) разнице затрачиваемых в целом абсолютных сумм, относительные доли расходов социального назначения близки. Но *борьба с безработицей* в России занимает скромные 6% при 25,5% в США, что объясняется снижающимся объемом российской безработицы (без особых добавочных госрасходов), и характерным для России переходного и кризисных периодов – явлением *вынужденной занятости* официальных трудящихся, чаще всего с «симптомом» понижения оплаты труда. Использование опыта других стран по иным мерам смягчения влияния кризиса, например, в виде снижения молодежной безработицы за счет удлинения сроков обучения, удешевления жилья за счет участия государства и пр., потребовало бы существенного повышения «антикризисных» расходов государства.

16. Вынужденная занятость официально трудящихся – средство *борьбы с безработицей* для сохранения рабочей силы *на микроэкономическом уровне*, т.е. на уровне предприятий и организаций. При кризисе 2008 г. это распространяется и *на мезоэкономический уровень* (моногорода, монопоселки).

17. Другой целью развития вынужденной занятости на мезоуровне становится *сбережение демофонда и территории России для обеспечения национальной безопасно-*

сти страны и вообще ее геополитических интересов, вместо фактического «обескровливания» страны уничтожением «бесперспективных» моногородов и монопоселков путем переселения их жителей (повторяющего печальный опыт «бесперспективных» деревень). При этом успешный зарубежный опыт «выгодности» концентрации населения неприменим к условиям протяженности России при малой заселенности многих ее территорий.

18. По недавней приоритетной программе развития моногородов, введенный в обязательном порядке запрет на создание «дочерних» («родственных») предприятий (по сходству кодов ОКВЭД) вызвал к жизни появление вынужденных предпринимателей, становящихся таковыми не по собственному желанию, а вследствие указанного запрета и при невозможности иначе избежать безработицы. Видимо, следует учитывать специфику городов (в том числе, характер накопленного человеческого капитала), их реальные возможности по обоснованному созданию «работоспособных» основных и родственных предприятий, достаточно современно организованных и оборудованных.

Все же, даже при некоторых «шероховатостях» практической организации вынужденной занятости, для условий России этот показатель на разных уровнях экономики вынужденной занятости (пп. 15–18) можно оценить положительно (если, конечно, не ограничиваться только сугубо «мейнстримовским» критерием прибыльности) и считать его индикатором практической эффективности социальной политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной части 3 работы по моделированию финансирования социальной сферы в расширенном ее понимании (т.е. с учетом соответствующих взаимосвязей с производством, экономическое обоснование чего отражено в части 1) отражены исследования по анализу параметров и вариантов социальной политики РФ. Они проводятся на основе семиотической методологии и системы НДП, описанных в части 2 работы. Эти исследования отличаются корректными и обоснованными решениями ряда серьезных и актуальных экономических задач в сфере социальной политики. Значимость полученных результатов как индикаторов эффективности социальной политики обусловлена их экономической содержательностью и достоверностью. Кратко перечислим их:

- выявлен «несоциальный» характер общей функциональной структуры доходов населения – при заниженной доле трудовых доходов с ростом сокрытия предпринимательских (т.е. прочих активных) доходов и сверхвысокой дифференциации доходов населения;
- доказана неэффективность ввода плоской шкалы НДФЛ путем корректного (т.е. в сопоставимых ценах и с учетом скрываемых доходов, так и не легализовавшихся, по РФ) оценивания реальной динамики объема НДФЛ и его налогооблагаемой базы;
- оценен ущерб населения от коммерциализации социальной сферы, особенно услуг ЖКХ (с выявлением их относительной стагнации);
- предложен динамичный (годовой) показатель доступности жилья по типам простых (неделимых далее) семей и разным видам их доходов, в том числе скрываемых, что подчеркнуло остроту жилищной проблемы для большинства населения;
- обоснован опережающий рост оплаты труда путем анализа динамики степени его эксплуатации, т.е. отношения производительности труда к его оплате (с учетом скрываемых частей), вдвое и более превышающего уровень развитых стран;
- выявлен «несоциальный» характер госрасходов социального назначения, прежде всего, на образование и здравоохранение (с оценкой отставания от развитых стран в 1,5–2 раза);

В отличие от перечисленных выше показателей фактической «неэффективности» социальной политики (т.е. индикаторов социального неблагополучия), был выявлен и – с использованием семиотического подхода – исследован феномен вынужденной занятости в РФ в переходный и кризисный периоды, обусловленной задачами будущего функционирования экономики и составляющей часть полной «триады занятости» (естественная, вынужденная, теневая). Вынужденная занятость трудящиеся (при кризисе – и предпринимателей) определяет практическую эффективность политики занятости в условиях России:

- на микроуровне и (при кризисе) мезоуровнеэкономики – как средство предотвращения недопустимой (экономически, социально и политически) в условиях РФ массовой безработицы;
- на мезоуровне экономики – и как средство обеспечения государственной целостности и безопасности страны.

Позднее экономико-математическому обоснованию возможных индикаторов сценариев социальной политики анализа индикаторов эффективности социальной политики для получения оценок возможных ее сценариев будет посвящена заключительная часть 4.

ЛИТЕРАТУРА К ЧАСТИ 3

- Александрова О.А., Ненахова Ю.С.* Человеческий потенциал России и реформа социальной сферы // *Народонаселение*. 2012. № 4. С. 51–59.
- Анисимов А.Н. и др.* России нужна другая модель развития: сб. трудов «Школы управляемой экономики». № 1. М.: ЛЕНАНД, 2014.
- Арнольд В.И.* Задачи для детей от 5 до 15 лет. 2-е изд., доп. М.: МЦНМО, 2007.
- Арнольд В.И.* Что такое математика? 4-е изд., стереотип. М.: МЦНМО, 2012.
- Бессонов В.А., Гимпельсон В.Е., Кузьминов Я.И., Ясин Е.Г.* Производительность и факторы долгосрочного развития Российской экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009.
- Бирман И.* Уровень русской жизни (а также американской): вопросы, материалы, сравнения, некоторые ответы. М.: Экономика, 2007.
- Варшавский А.Е.* Значительное снижение неравенства доходов – важнейшее условие перехода к инновационной экономике, основанной на знаниях // *Экономика и математические методы*. 2007. Т. 43. № 4. С. 35–55.
- Васильева И.А.* Социальные проблемы налогообложения при моделировании потребления населения // *Системное моделирование социально-экономических процессов: труды 29-й Международной научной школы-семинара им. акад. С.С. Шаталина*. Ч. II. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2006. С. 276–280.
- Васильева И.А.* Налогообложение и учет его влияния при моделировании доходов и потребления населения // *Системное моделирование социально-экономических процессов: труды 30-й Международной научной школы-семинара им. акад. С.С. Шаталина*. Ч. 1. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2007а. С. 276–280.
- Васильева И.А.* Подходящее налогообложение и потребление населения // *Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы Восьмого всероссийского симпозиума / под ред. Г.Б. Клейнера*. Секция 4. М.: ЦЭМИ РАН, 2007б. С. 37–40.
- Васильева И.А., Тарасова Н.А.* О реальной динамике и плоской шкале подоходного налога // *Системное моделирование социально-экономических процессов: труды 32-й Международной научной школы-семинара им. акад. С.С. Шаталина*. Ч. II. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009. С. 225–231.
- Гаврилец Ю.Н.* Общественного благосостояния функция // *Экономико-математический энциклопедический словарь / гл. ред. В.И. Данилов-Данильян*. М.: Большая Российская энциклопедия: ИНФРА-М, 2003. С. 350–351.
- Гимпельсон В., Капелюшников Р., Полетаев А.* Российская модель рынка труда и заработная плата (Часть 1). Евразийский подход: занятость важнее зарплаты // *ДемоскопWeekly*. 2008. № 323–324. 03–16 марта. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0323/tema02.php>.
- Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А.* Страх безработицы и поведение работников на рынке труда: опыт межстрановых сопоставлений // *Вопросы экономики*. 2010. № 2. С. 350–351.
- Гимпельсон В.Е., Ощепков А.Ю.* Уровень и страх безработицы: есть ли между ними связь? / *препринт WP3/2010/06*. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010.
- Горбачева Т.Л., Рыжикова З.А.* Методологические подходы измерения занятости в неформальном секторе экономики // *Вопросы статистики*. 2002. № 4. С. 36–43.
- Данилов-Данильян В.И.* Оптимальность по Парето // *Экономико-математический энциклопедический словарь / гл. ред. В.И. Данилов-Данильян*. М.: Большая Российская энциклопедия: ИНФРА-М, 2003. С. 364.
- Зарботная плата в России: эволюция и дифференциация / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой*. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.
- Земляков Д.Н.* Ценностные аспекты методологии экономической науки. М.: ЦЭМИ РАН, 2010.
- Иванов В.Н., Суворов А.В.* Неравенство и бедность населения: опыт решения проблемы в России и за рубежом // *Проблемы прогнозирования*. 2006. № 3. С. 132–149.
- Капелюшников Р.И.* Российский рынок труда. Адаптация без реструктуризации. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2001.
- Капелюшников Р.И.* Конец российской модели рынка труда? М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009а. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2009/04/23/kapeljushnikov>.

- Капелюшников Р.И.* Производительность труда и стоимость рабочей силы: как рождаются статистические иллюзии // Вопросы экономики. 2009б. № 4. С. 59–79.
- Катувльский Е.* Основные направления государственной политики на российском рынке труда // Человек и труд. 1998. № 1. С. 47–49.
- Козлов В.Г.* Элита экономической науки о социальных реформах // Экономическая наука современной России. 2005. № 2. С. 118–125.
- Колмогоров А.Н.* Предисловие редактора перевода книги Р. Фора, А. Кофмана и М. Дени-Папена «Современная математика». М.: Мир, 1966.
- Копышина Е.В.* Инновации в системе здравоохранения Финляндии // Управление здравоохранением. 2009. № 3. С. 87–94.
- Коровкин А.Г.* Динамика занятости и рынка труда: вопросы макроэкономического анализа и прогнозирования. М.: МАКС Пресс, 2001.
- Лопатников Л.И.* От плана к рынку: карманная энциклопедия. М.: Дело. 2013.
- Львов Д.С.* Экономический механизм развития России. 2005. URL: http://www.nevecon.guu.ru/files/lectures/lecture_lvov.pdf.
- Макаров В.Л.* Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: Бизнес Атлас, 2010.
- Материалы сайта ГУ ВШЭ (Высшей школы экономики), 2008, 2010. URL: <http://d1.hse.ru>.
- Никифорова А.А.* Принцип конкурентноспособности в установлении и регулировании зарплаты (опыт зарубежных развитых стран) // Труд за рубежом. 2009. № 2. С. 101–116.
- Овсиенко Ю.В., Петраков Н.Я.* Российская трансформация и ее результаты // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 59–72.
- Овсиенко и др.* Проблемы социальности институциональной системы России и параметры социальной политики // Математика. Компьютер. Образование: сб. науч. докладов 16-й Международной конференции / под ред. Г.Ю. Ризниченко. М.: Ижевск: R&C Dynamics (НИЦ РХД), 2016. С. 63–71.
- Петраков Н.Я.* Куда летишь ты, птица Феникс? // Деловой вторник. 2010. № 17. С. 2.
- Полтерович В.М.* Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.
- Полтерович В.М.* Парадоксы российского рынка труда и теория коллективных фирм // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39. № 2. С. 210–217.
- Пономаренко А.* Подходы к определению параметров теневой экономики // Вопросы статистики. 1997. № 1. С. 23–28.
- Прокопов Ф.* Безработица в переходной экономике России // Человек и труд. 1998. № 1. С. 37–46.
- Прохорова И.И.* XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 6. С. 167–170.
- Рогов С., Зотов Г.* Почему Россия не США и не Норвегия? // Аргументы и факты. 2009. № 15. С. 8–9.
- Роик В.Д.* Социальная сплоченность: доктрина Совета Европы и задачи для России // Труд за рубежом. 2009. № 1. С. 29–41.
- Роик В.Д.* Социальное государство: от декларации к реальному построению // Россия: путь к социальному государству. М.: Научный эксперт, 2008. С. 100–113.
- Россия и страны – члены Европейского союза. 2007, 2009, 2011, 2013, 2015: стат. сб. М.: Росстат 2007, 2009, 2011, 2013, 2015.
- Россия лидирует в списке самых неравных экономик мира – New World Wealth // ИА Финмаркет. Новости. 2016 2 сент. URL: <http://www/finmarket.ru/news/4362207>.
- Сваффорд М.С., Косолапов М.С., Козырева П.М.* Международные стандарты оценки качества социологических обследований // Мир России. 1999а. Т. VIII. № 1–2. С. 281–302.
- Сваффорд М.С., Косолапов М.С., Козырева П.М.* Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ): измерение благосостояния россиян в 90-е годы // Мир России. 1999б. Т. VIII. № 3. С. 153–172.
- Смирнов С.Н., Исаев Н.И.* Социальные последствия реформы жилищно-коммунального хозяйства. Модернизация экономики и общественное развитие. Т. 3. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 608–613.
- Социальные проблемы в контексте национальных проектов: коллект. монограф. / под ред. А.Ю. Шевякова, В.М. Жеребина, Е.В. Кулагиной. М.: ИСЭПН РАН, 2007.

- Суворов А.В.* Проблемы оценки дифференциации доходов населения // Проблемы прогнозирования. 2008. № 2. С. 3–19.
- Суворов А.В.* Структура денежных доходов и расходов населения в современной России // Проблемы прогнозирования. 2004. № 5. С. 63–74.
- Сулакишин С.С.* Об инфляции «не по Кудрину». М.: Научный эксперт, 2009.
- Сультимова Р.Т.* Национальная премия по прикладной экономике // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 6. С. 166–167.
- Тарасова Н.А.* О вынужденной занятости и безработице // Экономика и математические методы. 1994. Т. 30. № 2. С. 169–172.
- Тарасова Н.А.* Проблемы реформирования постсоциалистических экономик // Вопросы экономики. 1996. № 2. С. 157–159.
- Тарасова Н.А.* Производительность и оплата труда в России и Канаде // Экономика и математические методы. 2004. Т. 40. № 2. С. 113–115.
- Тарасова Н.А.* Моделирование и прогнозирование скрываемых элементов занятости и доходов // Экономика и математические методы. 2006а Т. 42. № 3. С. 16–30.
- Тарасова Н.А.* Моделирование показателей потребления, доходов и состава населения в процессе его многоуровневой комплексной структуризации и виды занятости // Потребление и доходы населения в условиях реформирования социальной сферы / под ред. Н.А. Тарасовой. М.: ЦЭМИ РАН, 2006б. С. 15–40.
- Тарасова Н.А.* Прогнозирование скрываемых и официальных частей занятости, доходов и потребления населения и воздействие вариантов легализации доходов // Системное моделирование социально-экономических процессов: труды 29-й Международной научной школы-семинара им. акад. С.С. Шаталина / под ред. В.Г. Гребенникова, И.Н. Щепиной. Ч. I. Воронеж: ВГУ, 2006в. С. 402–407.
- Тарасова Н.А.* Анализ параметров социальной политики на основе прогнозирования ее показателей в системе НДП («Население, доходы, потребление») // Россия: путь к социальному государству. М.: Научный эксперт, 2008а. С. 447–462.
- Тарасова Н.А.* Оценки прогнозов социально-экономических показателей в системе НДП («Население, доходы, потребление») // Экономическая наука современной России. Экспресс-выпуск № 1. 2008б. С. 203–204.
- Тарасова Н.А.* Динамика производительности труда и соотношения с оплатой труда // Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы Восьмого всероссийского симпозиума / под ред. Г.Б. Клейнера. Секция 4. М.: ЦЭМИ РАН. 2009а.
- Тарасова Н.А.* Оценки параметров российской жилищной политики // Вопросы статистики. 2009б. № 8. С. 58–64.
- Тарасова Н.А.* Вынужденная занятость переходного и кризисного периодов: выход на новый уровень // Мировой финансово-экономический кризис и особенности его протекания в России. М.: ЦЭМИ РАН, Экономика и математические методы, 2010а. С. 212–220.
- Тарасова Н.А.* Оценки ущерба населения от коммерциализации социальной сферы и доступность жилья // Человек и труд. 2010б. № 8. С. 8–23.
- Тарасова Н.А.* Вынужденная занятость переходного и кризисного периодов // Экономика и математические методы. 2011а. Т. 47. № 1. С. 128–136.
- Тарасова Н.А.* Роль вынужденной занятости в России переходного и кризисного периодов // Власть. 2011б. № 2. С. 92–96.
- Тарасова Н.А.* Достоверность социально-экономических показателей: семиотический подход. СПб: Нестор-История. 2012а.
- Тарасова Н.А.* Макроэкономические оценки ущерба населения от коммерциализации социальной сферы при семиотической методологии обеспечения достоверности оценок // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 т. / отв. ред. Е.Г. Ясин. Т. 3. М.: 2012б. С. 44–52.
- Тарасова Н.А.* Эффективность семиотического подхода в экономике и обеспечение достоверности показателей // Экономика и математические методы. Т. 48. № 4. 2012в. С. 15–32.
- Тарасова Н.А.* Доступность жилья для населения // Демографическая энциклопедия / под ред. А.А. Ткаченко. М.: Энциклопедия, 2013а. С. 268–269.

- Тарасова Н.А.* Оплата труда // Демографическая энциклопедия / под ред. А.А. Ткаченко. М.: Энциклопедия, 2013б. С. 546–548.
- Тарасова Н.А.* Скрытая безработица // Демографическая энциклопедия / под ред. А.А. Ткаченко. М.: Энциклопедия, 2013в. С. 759.
- Тарасова Н.А., Блюмина М.С.* Структура вынужденной занятости и ее влияние на процессы переходного периода // Экономика и математические методы. 1996. Т. 32. № 2. С. 54–66.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А.* Прогнозы показателей социальной сферы и дифференциация доходов семей в системе НДП («Население, доходы, потребление») // Математика. Компьютер. Образование: сб. научн. трудов / под ред. Г.Ю. Ризниченко. Т. 1. М.: Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009а. С. 350–360.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А.* Результаты моделирования и прогнозирования официальных и скрывааемых социально-экономических показателей в системе НДП («Население, доходы, потребление») // Модернизация экономики и глобализация / отв. ред. Е.Г. Ясин. Кн. 2. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009б. С. 29–36.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А.* Россия как социальное государство: межстрановой анализ социально-экономических показателей социальных стандартов // Социальное государство: концепции, параметры, механизмы реализации. М.: АТиСО, 2009в. С. 81–101.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А.* Анализ финансирования здравоохранения в РФ и развитых странах // Математика. Компьютер. Образование: сб. научн. трудов. / под ред. Г.Ю. Ризниченко. Т. 2. М.: Ижевск: НИЦ, 2010а. С. 129–138.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А.* Бюджетные расходы социального назначения в РФ и других странах: сфера здравоохранения // Управление здравоохранением. № 3. 2010б. С. 23–34.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А.* Государственное финансирование образования в России и за рубежом: сравнительный анализ // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 5. Часть II. М.: ИНИОН РАН, 2010в. С. 682–686.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А.* Сравнительный межстрановой анализ госрасходов на образование // Экономика образования. 2010г. № 5. С. 36–53.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А.* Социально-экономический анализ объектов мезоэкономики (мезоэкономика в социальном измерении) // Мезоэкономика развития: колл. монограф. / под ред. Г.Б. Клейнера. Гл. 9. М.: Наука, 2011. С. 719–768, 797–799.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А.* Бюджетные расходы социального назначения в России и других странах // Современные проблемы экономической теории и практики (по материалам РЭК-2009). М.: ИЭ РАН, 2012. С. 447–470.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А.* Базовая и прогнозная динамика общей функциональной структуры доходов населения и степени их сокрытия в 1995–2013 гг.: доклады Второго российского экономического конгресса (РЭК-2013). 2013а. URL: <http://www.econogus.org/c2013/files/Pcs1.doc> .
- Тарасова Н.А., Васильева И.А.* Скрываемые доходы населения // Демографическая энциклопедия / под ред. А.А. Ткаченко. М.: Энциклопедия, 2013б. С. 757–759.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А.* Социальные расходы государственные // Демографическая энциклопедия / под ред. А.А. Ткаченко. М.: Энциклопедия, 2013в. С. 790–794.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А.* Анализ степени сокрытия активных доходов населения в 1995–2013 гг. // Системное моделирование социально-экономических процессов: труды 36-й Международной научной школы-семинара им. акад. С.С. Шаталина / под ред. В.Г. Гребенникова, И.Н. Щепиной, В.Н. Эйтингона. Воронеж: ВГУ. 2014а. С. 306–308.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А.* Динамика общей функциональной структуры доходов населения и степени их сокрытия при обоснованности опережающего роста оплаты труда для снижения степени его эксплуатации // Системное моделирование социально-экономических процессов: труды 37-й Международной научной школы-семинара им. акад. С.С. Шаталина / под ред. В.Г. Гребенникова, И.Н. Щепиной, В.Н. Эйтингона. Ч. II. Воронеж: ВГПУ, 2014б. С. 368–370.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А., Сушко Е.Д.* Анализ параметров социальной политики на основе прогнозирования показателей финансирования социальной сферы // Проблемы прогнозирования. 2009а. № 5. С. 51–65.

- Тарасова Н.А., Васильева И.А., Сушко Е.Д.* Использование системы НДП (Население, доходы, потребление) как инструментария для оценки параметров социальной политики // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегод. Вып. 4. Ч. II. М.: ИНИОН РАН, 2009б. С. 68–73.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А., Сушко Е.Д.* Использование системы НДП (Население, доходы, потребление) для оценки социальной политики // Россия и современный мир. 2011. № 3. С. 182–192.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А., Фонтана К.А.* Семиотический подход в экономике и оценка влияния кризиса на динамику доходов населения / Препринт #WP/2011/285. М.: ЦЭМИ РАН, 2011.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А., Фонтана К.А.* Решение экономических задач на основе системы НДП («Население, доходы, потребление») при анализе и оценке параметров социальной политики // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2016. № 2 (4). С. 168–172.
- Тарасова Н.А., Збарская И.А., Блюмина М.С.* Изменения в производительности труда и структуре занятости в переходный период // Анализ и моделирование взаимосвязей производственной и социальной сфер экономики России в условиях перехода к рынку / под ред. Е.Ю. Фаермана, Н.А. Тарасовой. М.: ЦЭМИ РАН, 1996. С. 87–106.
- Тарасова Н.А. и др.* Анализ вариантов социальной политики на основе моделирования и прогнозирования потребления населения, его состава и доходов // Проблемы прогнозирования. 2007. № 1. С. 121–138.
- Тарасова Н.А. и др.* Анализ параметров социальной политики на основе прогнозирования показателей финансирования социальной сферы // Проблемы прогнозирования. 2009. № 5. С. 51–65.
- Тарасова Н.А. и др.* Использование системы НДП (Население, доходы, потребление) для оценки параметров социальной политики // Россия и современный мир. 2011. № 3. С. 182–192.
- Тарасова Н.А. и др.* Моделирование финансирования социальной сферы РФ и анализ социальной политики. Часть 2: Реализация моделирования: семиотический подход / Препринт # WP/2016/321. М.: ЦЭМИ РАН, 2016.
- Тарасова Н.А., Тарасова М.С.* Скрываемые и официальные элементы состава и доходов населения, их структурный прогноз и проблемы оплаты труда // Потребление и доходы населения в условиях реформирования социальной сферы / под ред. Н.А. Тарасовой. М.: ЦЭМИ РАН, 2006. С. 75–102.
- Тарасова Н.А., Тарасова М.С., Дробов И.А.* Показатели эффективности труда: влияние вынужденной и теневой занятости и ее моделирование // Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы Шестого всероссийского симпозиума / под ред. Г.Б. Клейнера. Секция 2. М.: ЦЭМИ РАН, 2005. С. 174–176.
- Тарасова Н.А., Фаерман Е.Ю., Хачатрян С.Р.* Подходы к формированию сценариев социально-экономической политики: макроэкономический анализ и прогнозы // Формирование стратегии устойчивого социально-экономического развития регионов Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1: «Концептуальные основы, формирование эффективной экономической политики и организационно-правовое обеспечение при переходе на модель устойчивого развития: региональный, федеральный и глобальный аспекты стратегии». Саранск: НИИГН при Правительстве Республики Мордовия, 2006. С. 27–40.
- Тарасова Н.А., Хачатрян С.Р., Тарасова М.С.* Динамика и прогноз скрываемых доходов и теневой занятости // Экономическая наука современной России. 2006. № 4. С. 49–67.
- Ткаченко А.А.* Занятость и экономика: политика государства в переходный период. М.: Инфограф, 2000.
- Токсанбаева М.С.* Социальные интересы работников и использование трудового потенциала. М.: Наука, 2006.
- Фаерман Е.Ю. и др.* Моделирование социально-экономической структуры населения РФ, его доходов и варианты социальной политики // Россия в глобализирующемся мире: колл. монограф. / под ред. Д.С. Львова. М.: Наука, 2004. С. 188–208.
- Фаерман Е.Ю. и др.* Моделирование финансирования социальной сферы РФ и анализ социальной политики. Часть I / Препринт # WP/2015/313. М.: ЦЭМИ РАН, 2015.

- Фаерман Е.Ю., Тарасова Н.А., Васильева И.А.* Прогнозирование макропоказателей и анализ политики доходов с их легализацией // Потребление и доходы населения в условиях реформирования социальной сферы / под ред. Н.А. Тарасовой. М.: ЦЭМИ РАН, 2006. С. 59–74.
- Фаерман Е.Ю., Хачатрян С.Р.* Методы формирования экономически обоснованных тарифов на ЖКУ и определение потребительского ущерба от реформирования социальной сферы // Потребление и доходы населения в условиях реформирования социальной сферы / под ред. Н.А. Тарасовой. М.: ЦЭМИ РАН, 2006. С. 106–122.
- Хлунов А.В.* От планирования к сценарному формированию будущего // Форсайт. 2009. № 3. С. 6–11.
- Чичелев М.Е.* К вопросу об альтернативе плоской и прогрессивной шкал налогообложения доходов физических лиц // Финансовый вестник. 2007. № 17. URL: <http://www.gossector.narod.ru/text/budget22.html> .
- Чубарова Т.В.* Социальные последствия кризиса в России: какая антикризисная программа нам нужна? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 5. С. 184–186.
- Шейман И.М., Шишкин С.В.* Российское здравоохранение. Новые вызовы и новые задачи. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009.
- Шестаков М.А.* Социально-экономические проблемы занятости молодежи: причины и пути решения // Труд за рубежом. 2009. № 1. С. 86–98.
- Якобсон Л.И.* Слабость социальной политики: недоработка начальства или симптом состояния общества? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 6. С. 161–163.
- Якокка Ли.* Карьера менеджера. М.: Прогресс, 1991.
- Annual Report 1995. Paris: OECD, 1995.
- Conceicao P., Ferreira P., Galbraith J.K.* Inequality and unemployment in Europe: The american cure // LBJ School of Public Affairs, The University of Texas at Austin, Austin, Texas 78713, UTIP Working Paper Number 11, May 18, 1999.
- Government Finance Statistics Yearbook, 2008, 2010, 2012–2013. IMF, Washington, 2008, 2010, 2012–2013.
- Historical Labour Force Statistics. 1991. Ottawa: Statistics Canada, 1992.
- Industrial Statistics Yearbook. 1991. Vol. N.Y.: United Nations, 1993.
- International Financial Statistics Yearbook. Vol. XLVII. 1994. Washington: International Monetary Fund (IMF), 1994, 2014.
- Labour Force Statistics. Paris: OECD, 1995.
- Lvov D., Tarasova N.* Latent unemployment in transition: Phenomenon of involuntary employment in Russia / C.U.R.E. Challenges of Unemployment in a Regional Europe. Friske Academy. The Netherlands, 1994. P.108.
- National Accounts. Detailed Tables. Vol. II. 1978–1990. Paris: OECD, 1992.
- OECD Economic Surveys 1994–1995, Canada. Paris: OECD, 1995.
- Statistical Yearbook. Thirty-fourth (thirty-ninth) issue. N.Y.: United Nations, 1986, 1994.
- Statistisches Jahrbuch. Wiesbaden: Bundestat, 2008. URL: www.destatic.de .
- Tarasova N. et al.* Aanalysis of the social policy parameters by forecasting indicators of social sector financing // Studies on Russian Economic Development. 2009. № 5. P. 495–505.
- Tarasova N. et al.* Analyzing social policy alternatives through modeling and forecasting of the consumption, composition, and incomes of the population // Studies on Russian Economic Development. 2007. № 1. P. 80–95.
- Yearbook of Labour Statistics. 54th issue. Geneva: ILO (International Labour Office), 1995.

ПРИЛОЖЕНИЯ

*Приложение 1. Государственные расходы социального назначения в РФ и группах стран*⁴⁵

Таблица 1.1

Расходы консолидированного и федерального бюджетов РФ на социально-культурные мероприятия (млрд руб. в ценах 2000 г., %)

Показатели	1998	1999	2000	2007	2008	2009	2010	2011	2014	2015
<i>Доходы КБ РФ,</i>										
<i>текущие цены</i>	686,8	1 213,6	2 097,7	13 368,3	16 003,9	13 599,7	16 031,9	20 855,4	26 766,1	26 922,0
<i>цены 2011 г.</i>	7 614,4	7 801,5	9 797,1	22 707,3	22 960,8	19 200,4	19 822,1	20 855,4	21 304,3	19 811,4
<i>темпы роста, %</i>	87,2	102,5	125,6	110,5	101,1	83,6	103,2	105,2	100,4	93,0
<i>Расходы КБ РФ,</i>										
<i>текущие цены</i>	842,1	1 258,0	1 960,1	11 378,6	13 991,8	16 048,3	17 616,7	19 994,6	27 611,7	29 741,5
<i>цены 2011 г.</i>	9 336,1	8 086,9	9 154,4	19 327,6	20 074,0	22 657,4	21 781,6	19 994,6	21 977,3	21 886,2
<i>темпы роста, %</i>	90,6	86,6	113,2	119,4	103,9	112,9	96,1	91,8	102,0	99,6
<i>Социально-культурные мероприятия</i>										
<i>КБ РФ,</i>										
<i>текущие цены</i>	245,7	367,0	536,4	5822,3	7122,1	8479,6	10133,8	11245,9	15154	17151,5
<i>цены 2011 г.</i>	2724,0	2359,2	2505,2	9889,7	10218,1	11971,7	12529,6	11245,9	12061,7	12621,5
<i>темпы роста, %</i>	82,0	86,6	106,2	112,5	103,3	117,2	104,7	89,8	93,2	104,6
<i>ФБ, текущие цены</i>	61,7	85,1	134,3	776,1	1015,7	1205,5	1260,7	4370,6	4870	5636,9
<i>Доля в КБ, %</i>	25,1	23,2	25,0	13,3	14,3	14,2	12,4	38,9	32,1	32,9
<i>Образование</i>										
<i>КБ РФ,</i>										
<i>текущие цены</i>	99,7	147,6	214,7	1 343,0	1 658,1	1 783,5	1 893,9	2 231,8	3 037,3	3 034,6
<i>цены 2011 г.</i>	1 105,3	948,8	1 002,7	2 281,2	2 378,9	2 518,0	2 341,6	2 231,8	2 417,5	2 233,1
<i>темпы роста, %</i>	80,0	85,8	105,7	113,9	104,3	105,8	93,0	95,3	95,0	92,4
<i>ФБ, текущие цены</i>	14,6	20,9	38,1	294,6	355	418	442,8	553,4	638,3	610,6
<i>Доля в КБ, %</i>	14,6	14,2	17,7	21,9	21,4	23,4	23,4	24,8	21,0	20,1
<i>Здравоохранение</i>										
<i>КБ РФ,</i>										
<i>текущие цены</i>	67,4	103,7	153,4	1 381,5	1 546,3	1 653,0	1 708,8	2 094,0	2 786,3	3 115,9
<i>цены 2011 г.</i>	747,2	666,6	716,4	2 346,6	2 218,5	2 333,7	2 112,8	2 094,0	2 217,7	2 292,9
<i>темпы роста, %</i>	78,9	89,2	107,5	126,2	94,5	105,2	90,5	99,1	99,2	103,4
<i>ФБ, текущие цены</i>	7,7	10,1	16,9	196,5	278,2	352,3	347,4	543,8	606,7	589
<i>Доля в КБ, %</i>	11,4	9,7	11,0	14,2	18,0	21,3	20,3	26,0	21,8	18,9
<i>Социальная политика</i>										
<i>КБ РФ,</i>										
<i>текущие цены</i>	64,5	92,4	127,9	2851,6	3607,1	4718,8	6177,7	6512,2	8803,3	10479,7
<i>цены 2011 г.</i>	715,1	594,0	597,3	4 843,7	5 175,1	6 662,1	7 638,2	6 512,2	7 006,9	7 711,8
<i>темпы роста, %</i>	91,7	83,1	100,6	106,2	106,8	128,7	114,7	85,3	90,8	110,1
<i>ФБ, текущие цены</i>	36,9	49,2	68,0	214	293,6	323,5	344,9	3128,5	3452,4	4265,3
<i>Доля в КБ, %</i>	57,2	53,2	53,2	7,5	8,1	6,9	5,6	48,0	39,2	40,7
<i>Культура, кино, СМИ</i>										
<i>КБ РФ,</i>										
<i>текущие цены</i>	14,1	23,3	40,4	246,2	310,6	324,3	353,4	407,9	527,1	521,3
<i>цены 2011 г.</i>	156,3	149,8	188,7	418,2	445,6	457,9	436,9	407,9	419,5	383,6
<i>темпы роста, %</i>	73,6	95,8	126,0	114,6	106,6	102,7	95,4	93,4	96,2	91,4
<i>ФБ, текущие цены</i>	2,5	4,9	11,3	71,0	88,9	111,7	125,6	144,9	172,6	172,0
<i>Доля в КБ, %</i>	17,7	21,0	28,0	28,8	28,6	34,4	35,5	35,5	32,7	33,0

⁴⁵ Наши расчеты по данным Росстата.

Таблица 1.2

**Структура расходов консолидированного бюджета РФ
на социально-культурные мероприятия, %**

	1998	1999	2000	2007	2008	2009	2010	2011	2014	2015
Расходы на социально-культурные мероприятия, в том числе	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
доля расходов на образование	40,58	40,22	40,03	23,07	23,28	21,03	18,69	19,85	20,04	17,69
доля расходов на культуру, кино, СМИ	5,7	6,3	7,5	4,2	4,4	3,8	3,5	3,6	3,5	3,0
доля расходов на здравоохранение	27,43	28,26	28,60	23,73	21,71	19,49	16,86	18,62	18,39	18,17
доля расходов на социальную политику	26,25	25,18	23,84	48,98	50,65	55,65	60,96	57,91	58,09	61,10

Таблица 1.3

**Межстрановые сравнения государственных расходов на образование
по РФ и 3 группам стран**

Показатели	1998	1999	2000	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Россия, % ВВП	3,79	3,06	2,94	4,04	4,00	4,60	4,09	3,74	3,82	4,07
Темпы роста	78,9	80,7	96,0	104,9	99,1	114,8	89,0	91,4	102,3	106,4
Группа 1										
В среднем % ВВП	5,5	5,9	5,8	5,6	5,8	6,3	6,1	6,0	6,1	5,7
РФ/ к среднему гр. 1	68,6	52,3	50,7	72,6	68,9	72,6	66,6	62,6	63,2	71,4
Темпы роста	76,3	76,3	97,0	112,4	94,9	105,4	91,8	93,9	100,9	112,9
Группа 2										
В среднем % ВВП	5,3	5,6	5,6	5,4	5,8	6,2	7,6	5,7	5,7	5,7
РФ/ к среднему гр. 2	71,23	54,17	52,74	75,40	69,37	73,59	53,58	65,92	66,56	71,36
Темпы роста	74,6	76,1	97,4	112,2	92,0	106,1	72,8	123,0	101,0	107,2
Группа 3										
В среднем % ВВП	5,6	5,1	5,0	5,4	5,8	5,3	5,0	5,7	5,2	6,5
РФ/ к среднему гр. 3	68,05	60,30	58,41	75,02	68,67	87,26	82,12	65,92	73,80	62,90
Темпы роста	72,2	88,6	96,9	109,2	91,5	127,1	94,1	80,3	112,0	85,2

Таблица 1.4

**Межстрановые сравнения государственных расходов
на здравоохранение (физкультуру, спорт) по РФ и трем группам стран, % ВВП**

Показатели	1999	2000	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Россия, % ВВП	2,2	2,1	4,2	3,7	4,3	3,7	3,5	3,7	3,6	3,5
Темпы роста	83,9	97,7	116,2	89,8	114,1	86,6	95,1	105,2	96,8	98,5
Группа 1										
В среднем % ВВП	6,4	6,4	6,3	7,6	8,1	8,4	8,5	8,3	8,3	8,3
РФ/ к среднему гр. 1	33,4	32,6	66,2	49,4	52,7	44,1	41,3	44,4	43,0	42,3
Темпы роста	86,9	97,7	132,3	74,6	106,7	83,7	93,5	107,5	97,0	98,2
Группа 2										
В среднем % ВВП	6,4	6,4	6,6	7,4	7,9	8,4	8,0	8,3	8,3	8,3
РФ/ к среднему гр. 2	33,7	32,8	63,1	50,1	53,7	44,1	43,8	44,6	43,0	42,6
Темпы роста	86,5	97,3	125,7	79,4	107,1	82,0	99,5	101,8	96,5	98,9
Группа 3										
В среднем % ВВП	5,2	3,8	4,0	4,5	5,1	4,6	4,2	4,4	4,5	4,5
РФ/ к среднему гр. 3	41,3	54,8	103,4	82,2	83,3	79,5	82,9	83,2	80,0	77,5
Темпы роста	74,2	132,5	133,8	79,5	101,3	95,4	104,3	100,4	96,2	96,9

Таблица 1.5

**Госрасходы на социально-культурные мероприятия в РФ,
млрд руб., в ценах 2011 г.; темпы роста, %**

	1998	1999	2000	2007	2008	2009	2010	2011	2014	2015
Расходы в консолидированном бюджете РФ:										
социально-культурные мероприятия	2724,0	2359,2	2505,2	9889,7	10 218,1	11 971,7	12 529,6	11 245,9	12 061,7	12 621,5
темпы роста, %	0,8	0,9	1,1	1,1	1,0	1,2	1,0	0,9	0,9	1,0
% к доходам бюджета	35,8	30,2	25,6	43,6	44,5	62,4	63,2	53,9	56,6	63,7
% к расходам бюджета	29,2	29,2	27,4	51,2	50,9	52,8	57,5	56,2	54,9	57,7
на образование	1105,3	948,8	1002,7	2281,2	2378,9	2518,0	2341,6	2231,8	2417,5	2233,1
темпы роста, %	80,0	85,8	105,7	113,9	104,3	105,8	93,0	95,3	95,0	92,4
на культуру, кино, СМИ	156,3	149,8	188,7	418,2	445,6	457,9	436,9	407,9	419,5	383,6
темпы роста, %	73,6	95,8	126,0	114,6	106,6	102,7	95,4	93,4	96,2	91,4
на здравоохранение, физкультуру, спорт	747,2	666,6	716,4	2346,6	2218,5	2333,7	2112,8	2094,0	2217,7	2292,9
темпы роста, %	78,9	89,2	107,5	126,2	94,5	105,2	90,5	99,1	99,2	103,4
на социальную политику	715,1	594,0	597,3	4843,7	5175,1	6662,1	7638,2	6512,2	7006,9	7711,8
темпы роста, %	91,7	83,1	100,6	106,2	106,8	128,7	114,7	85,3	90,8	110,1

Приложение 2. Структура доходов и расходов⁴⁶ государственного (консолидированного) бюджета РФ и стран ЕС

При проведении межстрановых сопоставлений, отражающих социально-экономическое положение России и некоторых стран Европейского Союза⁴⁷, последние условно делились на две группы (согласно разд. 9.2, это группы 1 и 3):

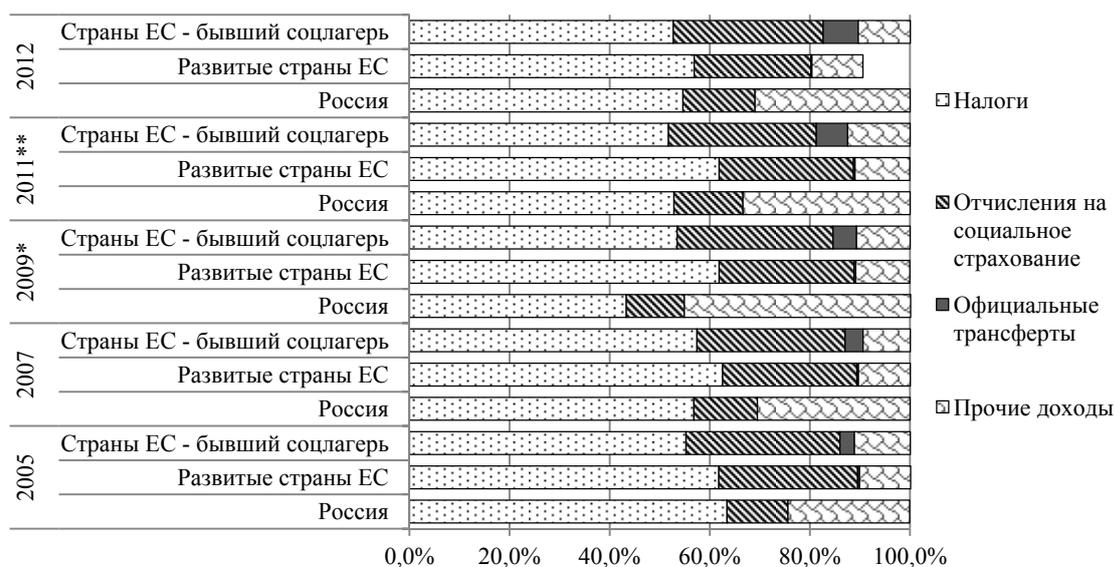
- развитые страны (1 группа): Австрия, Бельгия, Германия, Дания, Италия, Нидерланды, Великобритания, Финляндия, Франция, Швеция;
- страны ЕС – бывший соцлагерь (3 группа): Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словения, Словакия, Хорватия, Чешская Республика, Эстония.

В структуре доходов государственного бюджета выделяются статьи: налоги, отчисления на социальное страхование, официальные трансферты⁴⁸ и др. (от собственности, продажи товаров и услуг, штрафы, пени и пр.). Динамика их структуры в 2005–2012 гг. в РФ и странах ЕС отражена на рис. 2.1.

⁴⁶ По методологии МВФ, это операции, в результате которых происходит увеличение (уменьшение) чистого капитала сектора государственного управления. Данные по всем странам, включая РФ, приведены на основании публикаций МВФ (Government Finance..., 2008, 2010, 2012–2014; International Financia ..., 2014). Для РФ берутся данные консолидированного государственного бюджета.

⁴⁷ При проведении сопоставлений учитывались не все страны, входящие в ЕС, из-за отсутствия данных на рассматриваемом временном интервале.

⁴⁸ От правительств других стран или международных организаций (текущие или капитальные, в денежной или натуральной форме).

* По Бельгии данные за 2008 г.
 ** По Бельгии данные за 2010 г.

Рис. 2.1. Структура доходов государственного бюджета РФ и стран ЕС

Для России самое резкое снижение доходной части государственного бюджета произошло по статье «Налоги» – на 9% (с 63,4 до 54,6%), причем в период 2005–2009 гг. снижение достигло 43,3%. Отчисления на социальное страхование росли по 2% – с 12,2 до 14,7% (со снижением до 11,6% в 2009 г.). Неустойчивой была динамика статьи «Прочие доходы» – на начало периода их доля была 24,3%, к 2009 г. повысилась до 45,2%, после чего начала постепенно снижаться, к 2012 г. составив 31,0%. Таким образом, в структуре доходов госбюджета РФ прослеживалась тенденция сокращения доли налогов, на фоне увеличения доли прочих доходов и небольшого роста отчислений на социальное страхование.

В странах ЕС налоги также сокращались, но не так сильно как в РФ: для 1 группы – на 5% (с 61,78 до 56,8%); для 3 группы – на 2,5% (с 55,21 до 52,7%). И в той и другой группе наблюдалось небольшое увеличение доли данной статьи в доходной части бюджета в 2007 г. (62,6 и 57,4% соответственно). На 2012 г. налогов в структуре доходов госбюджета в РФ была ниже, чем в среднем по странам ЕС. Доля отчислений на социальное страхование в структуре доходов госбюджета в странах ЕС, несмотря на их некоторое сокращение в рассматриваемый период (в 1 группе – 27,74–23,3%; в 3 группе – 30,76–29,6%), была выше почти в 2 раза, чем в РФ. Прочие доходы в бюджетах стран ЕС изначально были на порядок ниже, чем в РФ, и в течение рассматриваемого периода практически не изменились (в 1 группе – 10,16–10,2%; в 3 группе – 11,16–10,4%). Доля официальных трансфертов в 3 группе изначально была выше и продолжала расти – с 2,9 до 7,0% (в 1 группе доля этой статьи составила 0,4–0,2%).

В структуре расходов госбюджета по функциональному типу выделяют следующие статьи: услуги органов государственного управления; экономические услуги; ЖКХ; оборона, общественный порядок и безопасность; защита окружающей среды; здравоохранение; отдых, культура и религия; социальная защита; образование (см. рис. 2.2). Основная статья расходов в бюджетах всех стран – это социальная защита, расходы по которой в период 2009–2012 гг. росли везде. Однако доля этой статьи в структуре расходов значительно различалась по странам: в России она составила 25,0–29,7%; в 1 группе – 38,3–40,6%; в 3 группе – 34,7–35,6%.

Статьи расходы на здравоохранение и образование в РФ в рассматриваемый период времени сокращались (10,7–8,4 и 10,1–9,5% соответственно) и занимали в структуре расходов бюджета 4 и 5 места. Иная картина была в странах 1 группы, где расходы на здравоохранение росли

(14,3–15,2%) и данная статья расходов в бюджете переместилась на 2-е место. В 3 группе эта доля также росла: в 2009 г. – 4-е место (11,3%) и 2-е место – в 2012 г. (13,2%). Доля таких расходов в РФ изначально была ниже, чем в странах ЕС; с учетом ее сокращения на фоне роста в странах ЕС, разрыв в 2012 г. еще больше увеличился: РФ 8,4%, 1 группа – 15,2%, 3 группа – 13,2%.

Доля расходов на образование в 1 и 3 группах была практически стабильна – 11,8–11,3 и 11,9–11,5% соответственно. Поэтому, с учетом сокращения доли этих расходов в РФ, отставание по сравнению со странами ЕС (около 2%) сохранилось.

Доля расходов на ЖКХ в рассматриваемый период во всех странах, в том числе в РФ, сокращалась, занимая одно из последних мест, но в РФ она оставалась выше, чем в 1 и 3 группах (РФ – 4,1–3,1%; 1 группа – 1,7–1,3%; 3 группа – 2,6–2,3%). При этом большая доля расходов в РФ приходилась на «услуги органов государственного управления» (более чем в 2 раза в 2012 г. выше стран ЕС).

В структуре расходов государственного бюджета по экономическому типу выделяют следующие статьи: оплата труда; выплаты процентов; социальные пособия и выплаты; использование товаров и услуг; субсидии; потребление основного капитала; официальные трансферты; прочие расходы (см. рис. 2.3). Рассмотрим такие данные за 2009–2012 гг. Во всех рассматриваемых странах доля расходов на социальные пособия и выплаты превышала треть всех расходов (в РФ – 29,4–34,3%, в 1 группе – 42,0–42,8%, в 3 группе 39,7–40,4%). Доля расходов на оплату труда в бюджетах РФ и странах ЕС следовала после социальных пособий и выплат, которые в РФ были немного выше – около 25% (в 1 группе – 23%, в 3 группе – 22,9%). Доля расходов на «субсидии» в РФ занимала 4-ю позицию и имела тенденцию к понижению (с 15,9% в 2009 г. до 11,6% в 2012 г.), оставаясь при этом значительно выше, чем в странах ЕС (1 группа – 3,4–3,2%, 3 группа – 7,0–6,8%). Доля официальных трансфертов в расходах госбюджета в РФ была минимальна – около 0,3%, что более чем в два раза ниже, чем в 1 и 3 группах. Как видим, в РФ более низкая доля расходов на «социальные пособия и выплаты», по сравнению с другими странами ЕС, отчасти компенсируется высокой долей расходов по статье «субсидии» (которые выше в 2–4 раза, чем в ЕС).

Рис. 2.2. Структура расходов госбюджета по функциональному типу, Россия и страны ЕС

Рис. 2.3. Структура расходов госбюджета по экономическому типу, Россия и страны ЕС

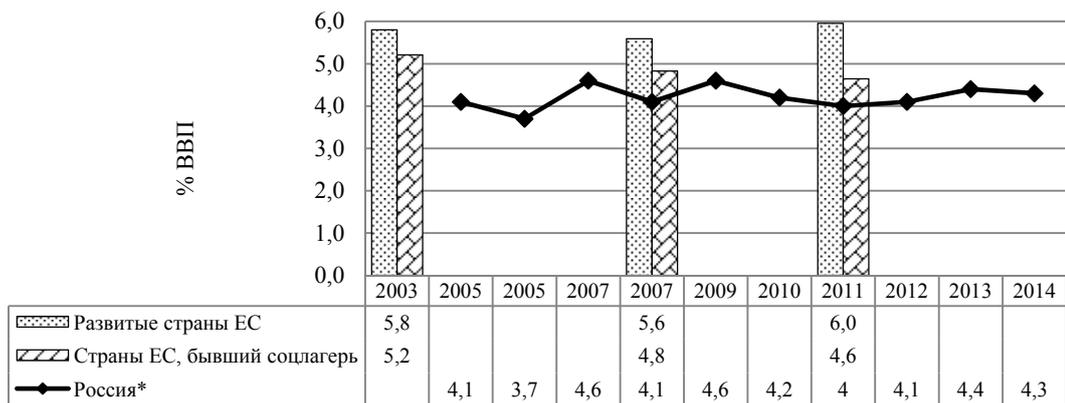
Приложение 3. Показатели развития образования в РФ и странах ЕС⁴⁹

Расходы на образование % ВВП в РФ в период 2003–2014 гг. держались на уровне 4,1–4,3% от ВВП, с минимальным значением – 3,7% в 2005 г. и максимальными – 4,6% в 2007 г. и 2009 г. (рис. 3.1). В 1 группе в этот период наблюдался небольшой рост доли расходов на образование в ВВП (с 5,8 до 6,0%), с максимальными значениями в Дании (8,3–8,5%). А единственной страной в 1 группе, где доля расходов на образование немного уменьшилась, была Италия (с 4,7% в 2003 г. до 4,1% в 2011 г.). В целом по 3 группе наблюдалось сокращение доли расходов на образование в ВВП (кроме Литвы) – с 5,2 до 4,6%. Самое существенное сокращение было в Чешской республике – с 7,5% в 2003 г. до 4,3% к 2011 г. (что сопоставимо с расходами на образование в РФ). Кроме того, единственными двумя странами в ЕС, где доля расходов на образование в ВВП (в 2011 г.) была ниже, чем в РФ, были Румыния и Словакия (3,0 и 3,9% соответственно).

Другой показатель, по которому можно провести сопоставление – это численность студентов на 1000 человек населения в период 2005–2013 гг. (рис. 3.2). В РФ в 2005–2008 гг. данный показатель вырос с 68 до 69, затем началось его плавное снижение, и к 2013 г. численность студентов на 1000 человек населения составила 54 студента (по предварительным данным в 2014 г. – 51). РФ постепенно теряет свое преимущество по количеству студентов на 1000 человек населения: в 2005 г. разница между РФ и странами 1 и 3 групп составляла 28,22 и 23,91; а в 2013 г. – уже 7,86 и 9,67 соответственно.

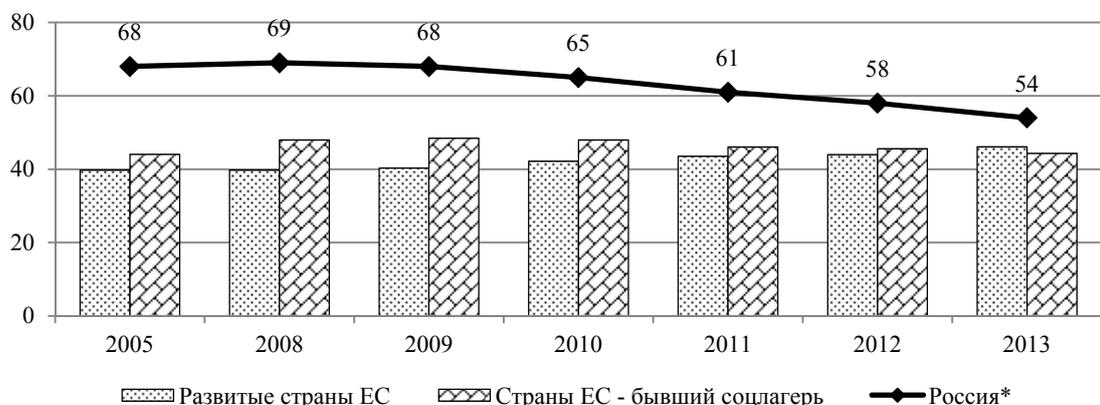
В 1 группе на начало периода данный показатель составлял почти 40 студ. (что было ниже почти на 4 пункта, чем в 3 группе). Максимальная разница между двумя группами была в 2008 г. – более 8 пунктов в пользу 3 группы, после чего она начала сокращаться и к 2013 г. число студентов на 1 тыс. населения в 1 группе выросло до 46 чел. (что больше, чем в 3 группе почти на 2 пункта).

⁴⁹ Представленные оценки соответствуют Международной стандартной классификации образования редакции 1997 г. (МСКО 1997) и по всем странам, кроме России, являются оценками ЮНЕСКО.

* Расходы консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов. Другие страны: 2003 и 2007 гг. – без данных по Швеции, Эстонии; 2011 г. – без данных по Нидерландам, Финляндии, Франции, Латвии, Румынии, Словакии.

Рис. 3.1. Расходы на образование, Россия и страны ЕС, % ВВП

* Для РФ – включая студентов, обучающихся по программам среднего и высшего профессионального образования, аспирантов и докторантов – в 2014 г. был 51 чел.

Рис. 3.2. Численность студентов на 1000 человек населения⁵⁰, Россия и страны ЕС

Приложение 4. Показатели развития здравоохранения в РФ⁵¹ и странах ЕС

Расходы на здравоохранение (% ВВП) в РФ в период 2005–2014 гг. держались на уровне 3,5–3,7%, с небольшими всплесками 4,2 и 4,3% в 2007 и 2009 г. (рис. 4.1), что ниже, чем в странах ЕС: 1 группа – 6,4–8,4%, 3 группа – 5,0–5,4% (2003–2012 гг.). Внутри 1 группы наибольшие темпы роста этих расходов были в Швеции (с 4,1 до 7,9%) и в Австрии (с 5,1 до 8,7%). В течение всего рассматриваемого периода высокая доля расходов на здравоохранение сохранялась в Германии (около 8,6%), Дании (7,5–9,6%), Нидерландах (6,1–9,9%), самая низкая в Финляндии – 6,9% (в 2012 г.). В 3 группе роста расходов на здравоохранение в ВВП не было, более того, в ряде стран отмечалось сокращение (в Венгрии – с 6,1 до 5,0%; в Хорватии – с 6,8 до 5,6%; Чешской республике – с 8,0 до 6,5% (в 2002–2012 гг.)). Вместе с тем, даже на фоне снижения, доля таких расходов

⁵⁰ Численность обучающихся по программам высшего образования в образовательных организациях высшего и послевузовского образования. В 2011 г. – без учета данных по Румынии; в 2012 г. – без учета данных по Румынии, Хорватии, Италии, Нидерландов.

⁵¹ С учетом расходов на спорт.

осталась выше, чем в РФ (из стран 3 группы (в 2012 г.) данный показатель был сопоставим с российским только в Латвии (3,4%) и Румынии (4,0%)).

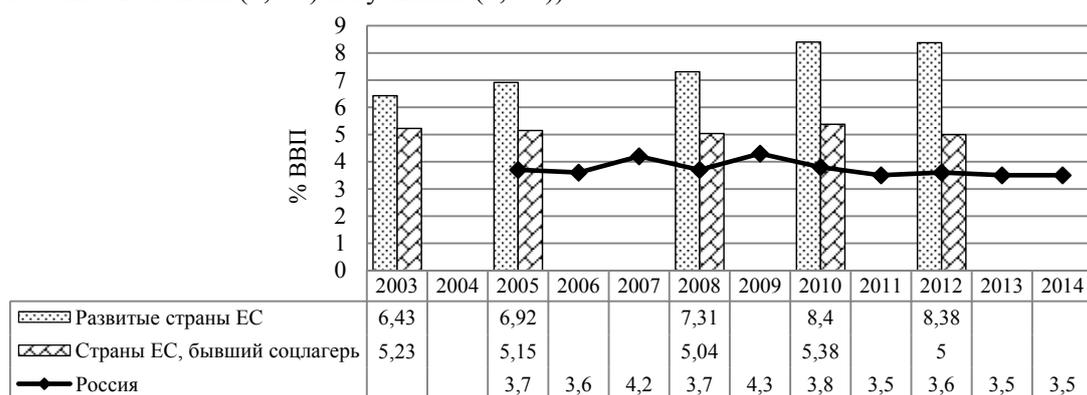

Рис. 4.1. Расходы на здравоохранение, РФ и страны ЕС (2003 г. – без Литвы, Словении), % ВВП

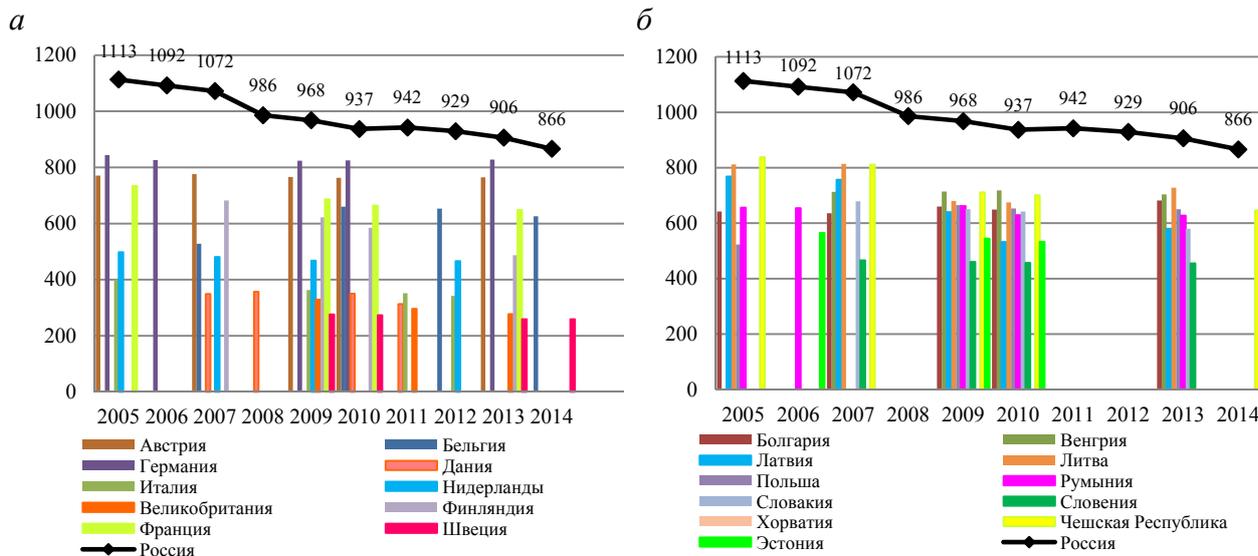
Сравним некоторые показатели, характеризующие развитие системы здравоохранения в разных странах. Первый показатель – это наличие больничных коек⁵² на 100 тыс. населения страны (рис. 4.2).

В 1 группе (рис. 4.2, а) разброс значений данного показателя до 3 раз: в Германии в диапазоне 844–828 (2005–2013 гг.), в Австрии – 771–765 и Швеции 276–259 (2009–2014 гг.), в Великобритании 296–277 (2011–2013 гг.). В 3 группе (рис. 4.2, б) разброс был не такой большой, кроме того, в ряде стран наблюдалась тенденция сокращения количества коек на 100 тыс. населения. Максимальные значения были в Чешской республике (838–646 коек в 2005–2014 гг.) и в Литве (812–728 коек в 2005–2013 гг.), а минимальные в Словении (466–455 коек 2007–2013 гг.). Данные, которыми мы располагаем, все же дают некоторую общую картину. В России, на фоне проводимых реформ, число коек на 100 тыс. населения все еще остается выше, чем в странах ЕС, хотя такой показатель за 2005–2014 гг. снизился на 247 пунктов (с 1113 до 866) – это максимально резкое сокращение по сравнению с другими странами.

По количеству врачей на 100 тыс. населения⁵³ Россия также опережает страны ЕС, хотя разрыв не такой сильный, как по предыдущему показателю (рис. 4.3). Число врачей в России на 100 тыс. населения в течение 2005–2011 гг. выросло почти на 5%, однако в последующие годы их численность начала сокращаться и в 2014 г. (возможно из-за проводимой реформы) стала меньше, чем в 2005 г. (485 врачей на 100 тыс. населения). В 1 группе данный показатель имел разнонаправленную динамику. В Австрии (максимальные значения показателя по группе) он вырос с 354 в 2005 г. до 499 в 2013 г. (это единственная страна, где данный показатель был выше, чем в РФ); в Германии – с 340 до 405; в Италии – с 365 (в 2006 г.) до 390; сократился в Нидерландах и Бельгии (с 423 в 2006 г. до 295 (самое резкое сокращение в группе)). В других странах этой группы существенных изменений данного показателя не было. В 3 группе численность врачей на 100 тыс. населения в течение всего рассматриваемого периода была ниже, чем в РФ, несмотря на «историческое наследие социалистической системы здравоохранения» (максимальные значения были в Литве (400–428) и Болгарии (365–398), самые низкие – в Румынии (195–248) и Польше (221–199)).

⁵² Из числа больничных коек исключаются кровати для новорожденных; койки в дневных стационарах; дополнительно развернутые и временные койки; койки, используемые под специальную медицинскую аппаратуру.

⁵³ Не учитываются: работающие вне страны; вышедшие на пенсию и не практикующие или безработные; не работающие в здравоохранении; зубные врачи; по РФ – и аспиранты, клинические ординаторы, интерны.

Включая: койки в дневных стационарах (Россия – 2007 г.); койки для новорожденных (Россия – 2008–2010 гг.; Нидерланды – 2005 г., Великобритания – 2011 г.). Включая койки в дневных стационарах, койки для новорожденных (Россия – 2007 г.).

Рис. 4.2. Число больничных коек на 100 тыс. населения: РФ и развитые страны ЕС (а) и РФ и страны ЕС (бывший соцлагерь) (б)

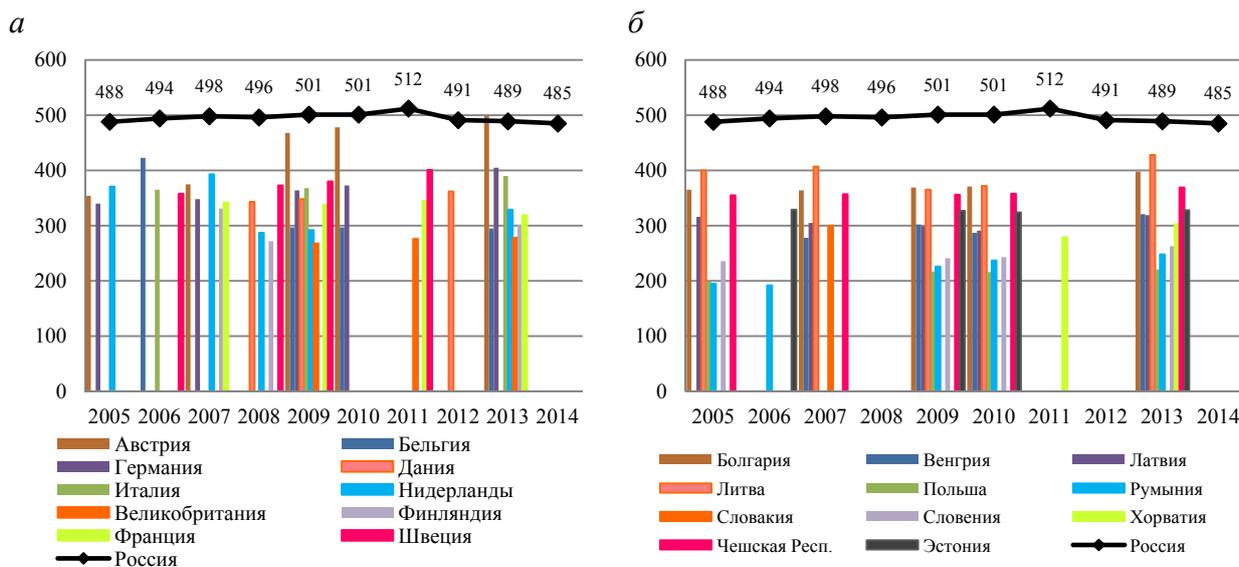

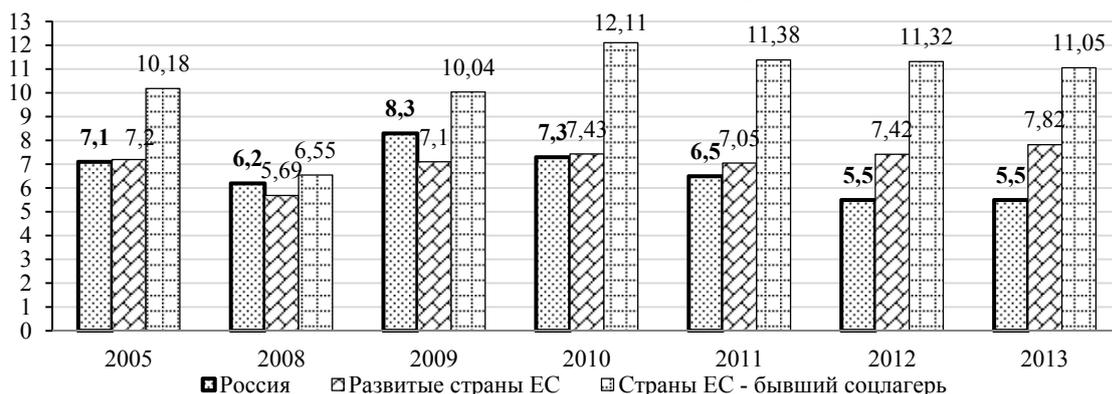
Рис. 4.3. Численность врачей на 100 тыс. населения: РФ и развитые страны ЕС (а) и РФ и страны ЕС бывший соцлагерь (б)

Подводя итог, подчеркнем, что на фоне стабильно низкого показателя «доли расходов на здравоохранение в ВВП» в РФ по сравнению со странами ЕС, Россия опережает данные страны по таким показателям как «число коек на 100 тыс. населения» и «число врачей на 100 тыс. населения» (хотя разрыв сокращается). В период 2005–2013 гг. в странах ЕС показатель «число коек и врачей на 100 тыс. населения» имел разнонаправленный характер: в 1 группе разброс был достаточно существенный, но сама динамика показателя была стабильна для каждой из стран; в странах 3 группы разброс показателя внутри группы был не такой сильный, но наблюдалось его снижение для большинства стран. Что касается численности врачей, то в 1 группе она была достаточно стабильна практически для всех стран (кроме Бельгии, где за период 2006–2013 гг. количество врачей на 100 тыс. населения сократилось практически в 1,4 раза). В 3 группе в основном наблюдалась

слабовыраженная тенденция роста. Вместе с тем, разрыв между самым низким показателем в группе (Польша) и Россией на 2013 г. составлял 2,2 раза.

Приложение 5. Занятость и безработица в РФ и странах ЕС

Согласно статистическим данным, удельный вес безработных, официально зарегистрированных⁵⁴, в общей численности рабочей силы (экономически активного населения – ЭАН)⁵⁵ в РФ в период 2005–2013 гг. сохранял устойчиво низкие показатели (с небольшим ростом с 7,1% в 2005 г. до 8,3% к 2009 г.) по сравнению со странами ЕС. В 2013 г. удельный вес численности безработных составил в РФ – 5,5%, в 1 группе – 7,82%, в 3 группе – 11,05% (рис. 5.1).

Возраст обследуемого населения в большинстве стран – 15 лет и старше; в Испании, Великобритании – 16 лет и старше, в России – 15–72 года, в Латвии, Финляндии, Швеции – 15–74 года, в Дании – 15–66 лет.

Рис. 5.1. Удельный вес численности безработных в численности рабочей силы, Россия и страны ЕС, %

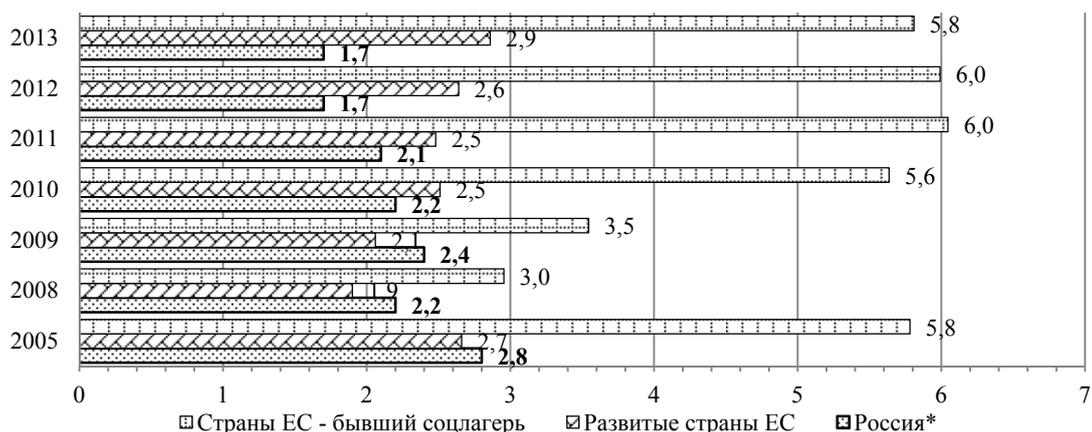
Внутри групп данный показатель имел разнонаправленную тенденцию: в Германии в 2005 г. удельный вес безработных в общей численности рабочей силы составлял 11,2%, а к 2013 г. снизился до 5,2%; в Италии, напротив, вырос с 7,7% в 2005 г. до 12,2% к 2013 г.; в Австрии сохранял достаточно устойчивый характер – 5,2–4,9% (2005–2013 гг.). Во 3 группе наиболее высокий удельный вес безработных в общей численности занятых был в Хорватии: 12,7–17,3% (2005–2013 гг.); устойчиво низкие значения данного показателя были в Чехии – около 7–8%.

Показатель «уровня длительной безработицы»⁵⁶ (продолжительность безработицы 12 месяцев и более) в России в период 2005–2013 гг., как и показатель удельного веса безработных, оставался достаточно низким и имел тенденцию к сокращению (с 2,8% в 2005 г. до 1,4% в 2014 г.). В 1 группе он также оставался низким (около 2,7–2,9%), чего не скажешь о странах 3 группы, где после некоторого сокращения в 2008 г. (до 3,0%), вновь начал расти, к 2013 г. составил 5,8% (рис. 5.2). Внутри 1 группы этот показатель значительно вырос в Италии (с 3,9% в 2005 г. до 6,9% в 2013 г.); в Великобритании, Швеции, Дании и Австрии оставался стабильно низким (1,0–2,0%). В 3 группе – вырос в Хорватии (с 7,6% в 2005 г. до 11,0% в 2013 г.), а в Польше, напротив, снизился (с 10,3 до 4,4%); оставался высоким в Словакии (11,8–10,0%) и низким (3,0–5,0%) в Латвии, Словении, Румынии, Чешской республике.

⁵⁴ По большинству стран статистическая информация о численности безработных приведена в среднегодовом исчислении на основе месячных, квартальных или полугодовых данных.

⁵⁵ По большинству стран информация об экономической активности населения подготовлена по материалам выборочных обследований. Данные по РФ приведены по материалам выборочных обследований населения по проблемам занятости (без учета сведений: за 2005г. – по Чеченской Республике, за 2014 г. – по Крымскому федеральному округу).

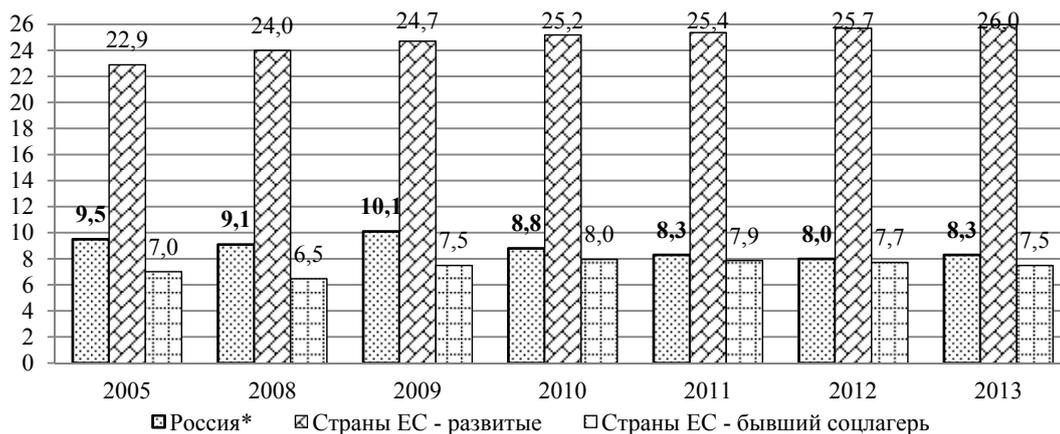
⁵⁶ Отношение численности длительно безработных к численности ЭАН.

* 2014 г. – 1,4%.

Рис. 5.2. Уровень длительной безработицы, Россия и страны ЕС, %

Посмотрим на динамику показателя «численность занятых неполное рабочее время» (лица, отработавшие до 30 часов в неделю) в общей численности занятых в РФ и странах ЕС. Для России и стран 3 группы динамика данного показателя в период 2005–2013 гг. практически не менялась и оставалась на уровне 9,5–8,3 и 7,0–7,5% соответственно, но в Болгарии и Словакии – на уровне 2,1–2,7 и 2,5–4,8% (рис. 5.3).

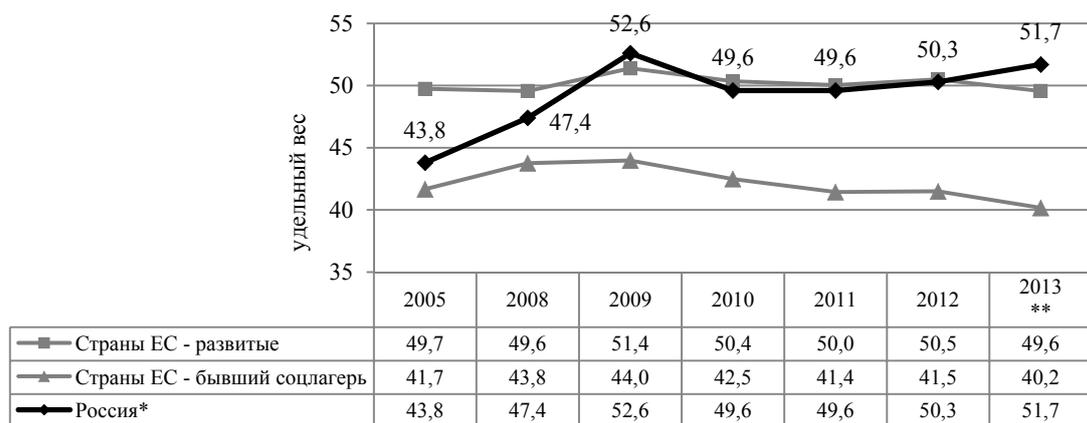
* 2014 г. – 8,1%.

Рис. 5.3. Удельный вес численности занятых неполное рабочее время в общей численности занятых, Россия и страны ЕС, %

Для стран 1 группы удельный вес занятых неполное рабочее время был значительно выше, чем в РФ и в 3 группе, и имел тенденцию к росту (с 22,9% в 2005 г. до 26,0% в 2013 г.), а в Нидерландах даже 46,1–50,8% (максимальное значение в группе), т.е. практически половина занятых на рынке труда работала неполный рабочий день. Высокий процент занятых неполное рабочее время может отчасти объяснять достаточно низкий уровень безработицы в странах 1 группы. В РФ и удельный вес безработных, и удельный вес занятых неполное рабочее время сохранялся достаточно низким.

На рис. 5.4 представлена динамика показателя «удельный вес оплаты труда наемных работников (включая отчисления на социальное страхование) в ВВП» по РФ и странам ЕС. Значения данного показателя по РФ и странам 1 группы (за исключением 2005 г.) были практически одинаковыми. Однако в России после 2012 г. удельный вес оплаты труда в ВВП продолжил рост (51,7% в 2013 г. и 52,0% в 2014 г.) в отличие от стран 1 группы, где он сократился (49,6% в 2013 г.). По

странам 3 группы данный показатель в период 2005–2013 гг. сокращался и был практически на 8–9 пунктов ниже, чем в РФ.

* 2014 г. – 52,0%.

** Для 2013 г. данные по 1 группе – Австрия, Бельгия, Германия, Италия, Великобритания, Франция, Швеция; по 3 группе – Венгрия, Польша, Чешская Республика.

**Рис. 5.4. Удельный вес оплаты труда наемных работников в ВВП⁵⁷,
Россия и страны ЕС, %**

⁵⁷ Оплата труда наемных работников включает заработную плату и отчисления на социальное страхование.

Препринт # WP/2017/323

Н.А. Тарасова, Е.Ю. Фаерман,
И.А. Васильева, К.А. Фонтана

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РФ
И АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.**

**ЧАСТЬ 3. АНАЛИЗ ПАРАМЕТРОВ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

Подписано в печать 28.09.2017 г.

Формат 60×90/16. Печ. л. 5,1. Тираж 40 экз. Заказ № 24.

ФГБУН Центральный экономико-математический институт РАН

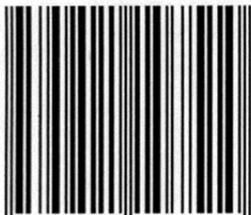
117418, Москва, Нахимовский пр., 47

Тел. 8 (499) 724-21-39

E-mail: ecr@cemi.rssi.ru

<http://www.cemi.rssi.ru/>

ISBN 978-5-8211-0751-0

9 785821 107510